

Письма Архимандрита Феодора (А. М. Бухарева) къ А. А. Лебедеву ¹⁾.

1.

Что успѣлъ перечитать, Александръ Алексѣичъ, посылаю Вамъ. Вчера жалко было посылать старика Матвѣя на дождикъ; а главное — хотѣлось поболѣе послать Вамъ. Какъ скоро дочитаю *второе письмо* ²⁾, немедленно пришлю Вамъ.

Что у Васъ по типографіи? Извѣстите.

Мой поклонъ Екатеринѣ Петровнѣ и всѣмъ вашимъ.

Вашъ усердный слуга А. Феодоръ.

Посылаю Вамъ мою книгу.

2.

Посылаю Вамъ, Александръ Алексѣичъ, еще не все второе письмо. Поторопился я потому, что хотѣлось бы мнѣ застать у Васъ по крайней мѣрѣ вторую корректуру „предисловія“, въ этомъ „предисловіи“, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ, предъ

¹⁾ А. А. Лебедевъ кандидатъ Московской Академіи (XXI курса), сначала діакономъ Екатерининской церкви (за Калининскимъ мостомъ) въ Петроградѣ; въ 1864 г. А. А. перешелъ священникомъ въ Кронштадтъ; въ 1870 г. становится законоучителемъ 1-й гимназіи въ Петроградѣ (потомъ протоіерей Казанскаго Собора, † 1898 г.); ученикъ и другъ архим. Феодора. Познакомился съ о. Феодоромъ А. А. уже въ Петроградѣ, какъ съ цензоромъ своихъ проповѣдей и журнальныхъ статей. Въ началѣ 1862 г. А. А. издалъ книжку: „Пріемы, знаніе и безпристрастіе въ критическомъ дѣлѣ редактора Домашней Бесѣды В. И. Аскоченскаго. Разборъ критики на сочиненіе архим. Феодора о православіи“. О немъ см. Ист. Моск. Ак—міи С. К. Смирнова, стр. 522—523 и П. В. Знаменскаго: „Богословская полемика 60-хъ годовъ“. Письма доставлены дочерью А. А.—Екатериной Александровной Лебедевой. Примѣчанія, составлены отчасти по ея же сообщеніямъ свящ. А. Бѣ—вымъ.

²⁾ Рѣчь идетъ о печатаніи „Трехъ Писемъ къ Гоголю“, написанныхъ въ 1848 г.

самою цитатою изъ кн. Исаи о Кирѣ, говорится объ осторожности сужденія о не признающихъ еще Христа своимъ началомъ въ мысли и жизни,—надо прибавить одно небольшое словечко „прямо“. Надобно такъ изложить всю фразу: „еще не сознающихъ *прямо* Христа началомъ своей мысли“ и проч. Сдѣлайте милость—вставьте это маленькое словечко: *прямо*.

Будьте еще такъ добры — не отлагайте въ долгій ящикъ вашихъ посѣщеній меня грѣшнаго. — Вчера я былъ на Васильев. острову у Кіевскаго митрополита на обѣдѣ, за которымъ было довольно и монаховъ, и блага духовенства и свѣтскихъ. Сегодня, надобно думать, Александръ Васильичъ ³⁾ уѣхалъ изъ С.-Петербурга, какъ онъ вчера высказывалъ это.

Мое почтеніе Екатеринѣ Петровнѣ и всѣмъ вашимъ.

Вашъ усердный слуга А. Теодоръ.

3.

Возлюбленнѣйшій Александръ Алексѣичъ!

Благодарю Васъ за Ваше предложеніе услугъ хорошаго человѣка по письменной части. Прошу Васъ отдать ему для переписки мои тетрадки о пророкахъ *Гереміи* и *Иезекииль* ⁴⁾.

Желаю Вамъ всего добраго отъ Господа.

Вашъ усердный слуга А. Теодоръ.

4.

Посылаю Вамъ, Александръ Алексѣичъ, для перепечатки четвертку, — также надо отрѣзать и другія двѣ четвертки, назначенныя для перепечатки. На концѣ же книги надо будетъ припечатать: „поправка опечатокъ“. Впрочемъ, мнѣ желательно самому взглянуть на эти „поправки“, прежде ихъ печатанія. Простите — кланяюсь Екатеринѣ Петровнѣ и Надеждѣ Петровнѣ, ⁵⁾ также Пареевию Лукичу. ⁶⁾ Жалѣю, что вчера Вы не посѣтили меня.

Вашъ А. Теодоръ.

³⁾ Горскій.

⁴⁾ Напечатаны отдѣльными книжками только въ 1864 г.

⁵⁾ Жена и мать А. А. Лебедева.

⁶⁾ Пареевій Лукичъ и жена его Серафима Александровна Рещловскіе.

5.

Вторникъ.

Довѣренный Вашъ, Александръ Алексѣичъ, былъ такъ добръ, что подождалъ, пока я прочитаю присланный листъ. Прочиталъ я, и посылаю къ Вамъ „Поправку“ опечатокъ я желалъ бы посмотрѣть, хоть въ корректурѣ; — само собою разумѣется, что при этомъ мнѣ нужны и всѣ листы книги.— О моихъ обстоятельствахъ, отъ меня не зависящихъ, ничего не знаю. Вамъ обоимъ кланяюсь.

А. Феодоръ.

6.

Добрѣйшій Александръ Алексѣичъ!

Покорѣйше прошу извинить меня, что не былъ у Васъ въ среду: задержанъ былъ людьми. И доселѣ не имѣю досуга, или точнѣе сказать, спокойствія — чтобы побывать у Васъ. По случаю пропажи въ передней у насъ—шубы проф. Карпова, Матвѣя моего взяли въ полицію и держатъ тамъ— вотъ ужъ другой день; его заподозрилъ нашъ петербургскій философъ—переводчикъ Платоновъ, но совсѣмъ не по-философски, даже и не по эллинской философіи, обижающій стариковъ.

Какъ здоровье Екатерины Петровны? Дай Богъ, ей съ добрымъ здоровьемъ и спокойствіе духа. Вашей мамашѣ кланяюсь.

Нѣтъ ли у Васъ, Александръ Алексѣичъ, одной проповѣди моей на день возшествія на престоль Государя? Если она у Васъ (изъ текста, выражающаго мысль, что *потребнаго во время воздвигнетъ Господь*), то пришлите мнѣ съ моимъ Александромъ. Хочу опредѣлить ее къ одной моей статьѣ о современности въ отношеніи къ православію.

Снова прошу прощенія, что не самъ у Васъ.

Вашъ усердный слуга А. Феодоръ.

18 марта 1860 г.

Не побываете ли Вы у меня.

родственники А. А. Лебедева. П. П. кончилъ Москов. Академію однимъ изъ первыхъ, женился на С. А. Дьяконовой, поступилъ потомъ диакономъ въ Штутгардъ, гдѣ былъ и законоучителемъ В. К. Вѣры Константиновны. О немъ см. въ „Ист. Москов. Ак—міи“ С. К. Смирнова, стр. 523—24.

7.

Александръ Алексѣичъ!

Посылаю Вамъ, что написано. Конецъ послѣ пришлю. Никакъ выйдетъ съ листъ печатный. Попросите Вашу, *всегда Вашу* Катерину Петровну, чтобы Богъ, Царь неба и земли, далъ мнѣ попросту покончить немножко, особенно о Россіи. Любите и берегите другъ друга, озабочиваясь въ случаѣ какихъ недоразумѣній,—собственно тѣмъ, что хочетъ человѣкомъ (вамъ) Богъ явить для блага нашего, для своей *славы*—*оправдывать предъ нами же свою любовь къ намъ*. Но мой духъ очень все не покоенъ, какъ и всегда. Пришлите мнѣ съ Матвѣемъ и подлинникъ и переписанный Парѣніемъ Лукичемъ списокъ — статьи моей о г. Асоченскомъ. Онъ уже напечаталъ свою статью, — въ ней оказывается много больше противъ того, что мнѣ припомнилось, когда я писалъ объ этомъ дѣлѣ. — Покорѣйше прошу Васъ не предпринимать чего-нибудь изъ за моихъ дѣлъ безъ предварительнаго объясненія мнѣ, мало знающему радостей. Истинно предъ Богомъ. Спасибо Вамъ. Христосъ съ Вами обоими!

Вашъ А. Феодоръ.

8.

Александръ Алексѣичъ!

Сейчасъ мнѣ передалъ А. В. Яворскій, что есть праздно мѣсто въ „Исправительномъ домѣ“, откуда протоіерей Іевлевъ переведенъ къ Покровской церкви на мѣсто протоіеря Топильскаго, назначеннаго настоятелемъ Никольскаго Собора (не такъ, какъ вы вчера мнѣ говорили). Мѣсто въ „Исправ. домѣ“ казенное; надо испросить согласіе у попечителя этого дома—граждан. губернатора—Николая Васильича Смирнова, домъ и канцелярія котораго находятся за Никольскимъ соборомъ противъ Экипажа гвардіи. Не попытаетесь ли обратиться для этого и къ посредству протоіеря Іевлева? Все это пишу со словъ Алек. Васильича, который прибавляетъ, что при назначеніи на подобныя мѣста митрополитъ обыкновенно требовалъ согласія мѣстнаго начальства.

Вотъ еще что: къ выраженію (въ моихъ листикахъ) „владѣющіе ключами разумѣнія дух. истины“ сдѣлайте такое примѣчаніе подъ чертою: въ избѣжаніе ложныхъ перетол-

ковъ, которыхъ автору нельзя ужъ не опасаться, онъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что разумѣть подь „владѣющими ключами разумѣнія духовной истины“ вообще людей благочестиваго направленія, любящихъ и письменно дѣлиться съ другими своимъ разумѣніемъ тѣхъ или другихъ Божіихъ истинъ, или вводить другихъ въ то же разумѣніе. Дальше области простой духовной учености и науки, въ современномъ ихъ состояніи, никого и ничего здѣсь не касается ни даже мыслию.

Простите. Желаю добраго здоровья Екатеринѣ Петровнѣ. Вчерашнее невоздержаніе, Богъ далъ, обошлось безъ вредныхъ послѣдствій для моего здоровья. Видно искренняя доброта и любовь, подобно вѣрѣ, дѣлаетъ, что и вредное не вредитъ.

Готовый къ услугамъ А. Теодоръ.

9.

Добрѣйшій Александръ Алексѣичъ!

Вчера получилъ Ваше письмо. По сегодняшнему слуху Ал. Васильичъ извѣстилъ меня, что протоіерей Райковскій исповѣданъ и приобщенъ, но пока еще живъ. Я спрашивалъ, нѣтъ ли какихъ видовъ о мѣстѣ у Владыки, но ничего объ этомъ неизвѣстно. О дальнѣйшемъ извѣщу Васъ, какъ скоро самъ получу извѣстіе. Съ Богомъ, старайтесь объ этомъ мѣстѣ!

Поправки не только описокъ или реченій, но и фразъ дѣлайте, какъ найдете лучшимъ—безъ сомнѣнія. Я увѣренъ, что Вы не будете портить дѣла, какъ нѣсколько попорчена поправителями Ваша статья въ „Странникъ“. — Кланяюсь Екатеринѣ Петровнѣ и Вашей мамашѣ.

Вашъ А. Теодоръ.

2 окт. 1860 г.

10.

Добрѣйшій Александръ Алексѣичъ!

Я писалъ Вамъ по городской почтѣ, но боюсь, не затерялось ли это письмо. Снова посылаю Вамъ выраженія искренняго моего желанія, чтобы Вы похлопотали о священниче-

скомъ для себя мѣстѣ, по случаю вакансіи и перемѣщеніи со смертію о. протоіерея Райковскаго. Не слышу, кого имѣютъ въ виду собственно на мѣсто протоіерея, или кто просится сюда. Но предположеніе есть у нѣкоторыхъ, не переведутъ ли въ Казанскій Соборъ Сергѣя Алексѣича Галахова. Вотъ Вамъ бы на его мѣсто—учить дѣвочекъ!.. Это, кажется, лучше бы всего и по Вашимъ склонностямъ.

Господь съ Вами и съ Екатериной Петровной и Надеждой Петровной—мамашей Вашей!

Скажите, когда ждать Васъ.

Вашъ А. Феодоръ.

11.

Александръ Алексѣичъ!

Буря относительно меня разыгрывается. Сегодня часовъ въ 8 утра призываетъ меня митрополитъ, — разумѣется, по дѣлу обвиненій меня въ неправославіи и моихъ отвѣтовъ на это. Винить меня, зачѣмъ я не спросился его, отдавая въ печать свои сочиненія; этого обвиненія я не принялъ на себя, потому что писанныхъ уставовъ о томъ нѣтъ, а словесное распоряженіе мѣстнаго архипастыря только-что слышу. Прочее само собою понятно, особенно если возьмете во вниманіе и мою горячность. Теперь дѣло въ томъ, какъ можно постарайтесь, чтобы отвѣтъ мой Загоскину напечатанъ былъ всевозможно скорѣе, именно бы въ завтр. № „Сына Отечества“⁷⁾, и напечатанъ былъ бы *весь*, — иначе, какъ видите, меня будутъ публично бить камнями и въ Синодѣ судить (митрополитъ грозилъ этимъ), и я ужъ не буду имѣть возможности и права—даже одно слово отъ себя сказать въ слухъ. Христосъ съ ними — со всѣми! Пожалуйста побывайте сами у Александра Ивановича⁸⁾ и объясните все, какъ пишу Вамъ. Мнѣ дорога истина и люди, Православіе и Россія: въ этомъ только интересъ мнѣ крайне хотѣлось бы публично высказаться относительно Загоскина также, какъ далъ это Богъ относительно Аскоченскаго. А тамъ, очевидно, дѣло ведутъ куда...

⁷⁾ Сынъ Отечества—газета любимая Бухаревымъ за умѣренное направленіе. Знаменскій въ „Пolemикѣ 60-хъ гг.“ указываетъ нѣкоторыя статьи Бухарева, помѣщенные въ этой газетѣ (стр. 61 примѣч.).

⁸⁾ Хитровъ.

Еще возьмите у Александра Иван. хоть вырѣзокъ печатной моей статьи „Замѣтки на замѣтки Дом. Бесѣды“. Митрополитъ велѣлъ принести эту статью къ себѣ; очевидно, что еще и не читалъ ее. № „Сына Отечества“, доставленный мнѣ А. Ивановичемъ, я отдалъ другимъ, которые еще не возвратили его мнѣ. Также попросите г. Хитрова не помедлить присылкою и того №, въ которомъ помѣщена статья противъ Загоскина. Будьте здоровы и съ Екатериной Петровной и со всѣми—съ мамашей и Парвѣнемъ Лукичемъ. Вырѣзокъ со статьей „Замѣтки“ надо бы теперь съ Матвѣемъ прислать; потрудитесь.

Вашъ А. Феодоръ.

Когда буду въ монастырѣ въ отставку, прошу общаться теперь же: присылать иногда чайку, котораго достать, вѣдь у меня не будетъ средствъ.

12.

Не можете ли, Александръ Алексѣичъ, сдѣлать употребленіе для „Духа Христ.“ изъ прилагаемыхъ при семъ статей о *Иереміи и Іезекиилѣ*? Или хорошо, если бы статьи о *Иереміи* отпечатавъ Гречулевичъ въ своемъ „Странникѣ“, а объ *Іезекиилѣ* отпечатали въ „Духѣ Христіанина“. ⁹⁾ Пусть бы сдѣлали это хоть только на память объ архим. Феодорѣ. Гречулевичу, при отвѣтѣ на увѣщательное его письмо ко мнѣ, я писалъ, не можетъ ли онъ отпечатать у себя „раз-

⁹⁾ Журналъ „Дух. Христіанина“ издавался компаніей Петербургскихъ священниковъ, во. А. Гумилевскаго, Д. Флорпнскаго, Г. Флерова (съ сентября 1861 г.) и съ самаго начала обратилъ на себя вниманіе особенной свѣжестью направленія и отзывчивостью на всѣ современныя потребности русской церковной жизни. На его страницахъ поднимались и горячо разрабатывались вопросы о характерѣ русской народной религіозности, о положеніи духовенства, о духовныхъ школахъ, о лучшей церковно-общественной организаціи приходовъ, о приходской благотворительности, объ учрежденіи приходскихъ братствъ и попечительныхъ совѣтовъ, о выборномъ началѣ въ духовенствѣ и проч. Журналъ обратилъ особое вниманіе и на архим. Феодора и помѣщалъ у себя похвальные рецензіи на его сочиненія, между прочимъ рецензіи о Лебедева (онъ завѣдывалъ отдѣломъ библіографіи) на его книги — объ ап. Павлѣ и Новомъ завѣтѣ — Знаменскій „Полемика“, стр. 91. Ист. Моск. Ак—мп С. К. Смирнова 523. Въ „Дух. Хр.“ была помѣщена и работа А. А. Лебедева о св. Тихонѣ Воронежскомъ. Прекратился журналъ въ 1866 г.

говоровъ“ моихъ (которые вамъ тоже теперь отсылаются). Но онъ не удостоилъ меня и отвѣта. Можетъ быть, слову о пророкѣ и слову самого пророка не будетъ ли болѣе вниманія...

13.

Среда третьей недѣли Великаго Поста.

Добрые мои Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Думаю,—Вы уже ждете извѣстій отъ меня. Путь мой до родины моей (Твер. губ. село Феодоровское въ Корчевскомъ уѣздѣ) былъ спокоенъ и благополученъ¹⁰⁾; съ желѣзной дороги сошелъ въ Тверь, гдѣ и ночевалъ на прощальное воскресенье у извѣстнаго Вамъ родного моего брата, который на другой день проводилъ меня до сестры, Вамъ извѣстной же, а она на другой же день проводила до маменьки, живущей у другой моей сестры и зятя, на моей родинѣ. Отсюда, по быстро разстроивавшейся зимней дорогѣ, хотѣлъ я въ тотъ же день ѣхать къ третьей сестрѣ, а тамъ, захвативъ къ одному сельскому священнику—моему другу, немедленно отправиться въ свой Никитскій монастырь. Но, по желанію родныхъ, остался у нихъ на цѣлую недѣлю, а послѣ уже до-нынѣ, до третьей недѣли поста, нѣтъ никакой возможности ѣхать далѣе, и такимъ образ. пребываю пока въ селѣ Феодоровскомъ и ожидаю сколько нибудь удобнаго пути для продолженія своего путешествія. Полторы недѣли занимался окончаніемъ пересмотра рукописи „О Новомъ Завѣтѣ“¹¹⁾, которую и отослалъ уже въ Петербургъ къ Владим. Иван. Ловягину¹²⁾. Теперь читаю положенія о вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянахъ съ благодарностію Господу Богу за великую Его благодать. Понемножку также пересматриваю свои записки о большихъ пророкахъ. Что у Васъ? Прошу Васъ, Александръ Алексѣичъ, узнать у Николая Григорьевича

¹⁰⁾ Писано въ 1861 г., когда Арх. Феодоръ къ должности цензора С.-петербургскаго духовн. Ценз. Ком. поступилъ въ число братіи Никитскаго Переславльскаго монастыря и по дорогѣ изъ СПб., откуда онъ выѣхалъ въ февралѣ, останавливался на родинѣ, въ Тверской губ.

¹¹⁾ Напечатанъ трудъ въ 1861 г.

¹²⁾ Братъ Евграфа, сынъ Тверск. прот. Н. Я. Ловягина. См. 343-ю стр. Колосова В. „Исторія Тверской Семинаріи“.

Овсяникова ¹³⁾, какъ его принималъ митрополитъ и что слышно о моей рукописи *Объ Апокалипсисъ*. Жалѣю, что не рѣшился я послать въ „Сынъ Отечества“ *последнее мое слово о Дом. Вестидъ*, безъ представленія митрополиту; какъ будто мало было мнѣ уроковъ, что ждать мнѣ *отъ нихъ* (говорю о всѣхъ подобнаго рода) нечего. Христосъ съ ними! Надо заботиться только о выясненіи истины, которая нужна всѣмъ, и молиться объ избавленіи русской Церкви отъ губительнаго зла нравственной инквизиціи.

Прошу Васъ, родные мои, прислать штукъ пять или шесть— „Три письма къ Гоголю“; у меня не осталось почти ни одной книги, потому что послѣднюю, находящуюся еще у меня въ рукахъ, надо конечно оставить на родинѣ. Прислать можно вмѣстѣ съ моими портретами, которые, можетъ быть, уже готовы; прошу Васъ или Александру Николаевну Шубину ¹⁴⁾ (которой не помедлите передать мое письмо) прислать тоже пять или четыре портретика. Адресъ мой пока: Тверск. губ. Корчевскаго уѣзда въ Вотчинную контору села Теодоровскаго съ передачей отцу Діакону Ивану Гурьичу Воскресенскому (для врученія Архимандр. Теодору).—Простите! Кланяюсь Надеждѣ Петровнѣ и всѣмъ принимающимъ доброе участіе во мнѣ. Вашъ въ Господѣ А. Теодоръ.

Пишите скорѣе, чтобы застать меня еще на родинѣ. Мои родные благодарятъ Васъ за расположеніе ко мнѣ.

14.

Вотъ я уже и въ Никитскомъ Переяславскомъ монастырѣ, добрые мои Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна! Христосъ Воскресе!

Прибыль я сюда 10-го мая и послѣднее Ваше письмо получилъ уже здѣсь; потому что я отправился съ родины еще на святой и нѣсколько дней провелъ въ разныхъ мѣстахъ

¹³⁾ Книгоиздатель; съ нимъ о. Теодоръ велъ переговоры о печатаніи своего труда „Объ Апокалипсисѣ“.

¹⁴⁾ Помѣщица, кажется, Нижегородск. губ. близъ Понетаевскаго Серафимовскаго монастыря, имѣвшая дома и въ Кронштадтѣ. Ея отношенія къ о. Теодору были дружескія. Имя Ш—ной замѣшано и въ исторіи Дивѣевскаго и Понетаевскаго монастырей: въ послѣдній она пожертвовала свои земли.—Е. Л.

на пути. Благодарю Васъ за ваше искреннее сочувствіе и участіе ко всему, что меня касается. Болѣе всего, Отче, прошу васъ—не отступно, особенно при служеніи литургіи, умолять Агнца Божія о помилованіи и просвѣщеніи истинно всѣхъ насъ грѣшныхъ людей, а Васъ, Екатерина Петровна, прошу соучаствовать въ томъ же по своему. Если, дѣйствительно, даютъ мнѣ одновременно пособіе въ 1000 руб., какъ говорите: то, Богъ дастъ, часть ихъ пойдетъ въ уплату Вамъ за издержки по отпечатанію „Трехъ писемъ Гоголя“, а остальное на отпечатаніе рукописи О міротвореніи¹⁵⁾. Радуетъ меня милость ко мнѣ Божія во всемъ; во всемъ, и въ особенности въ дѣлѣ Объ Апокалипсисѣ, будемъ полагаться на милость Божію. Богъ нашъ знаетъ и устрояетъ лучшее о насъ и нашихъ дѣлахъ. Вѣдь такъ это, дорогіе мои? — Въ великій Постъ и на Святой я послуживалъ въ селѣ одного изъ моихъ зятей; въ каждое служеніе говорилъ такъ по просту, даже и безъ наоя, поученіе православнымъ, какое Богъ полагалъ мнѣ на сердце. Православные были рады. Въ смѣжности довольно раскольниковъ: они тоже заговорили, не антихристъ ли очутился въ ихъ краяхъ. Въ Никитскомъ же о. Настоятель¹⁶⁾ показалъ мнѣ письмо одного знающаго и, по его увѣреніи, очень любящаго меня Архіерея, который предупреждалъ моего Авву, что якобы я упился отъ чаши любодѣйки—Вавилона и духовно вступилъ въ союзъ съ тѣми, *иже богъ чрево* и проч. Буквально такъ. А книги наши слишкомъ не много расходятся. А Аскоченскій¹⁷⁾ напечаталъ свою большую статью противъ насъ. А Правос. даже Обзорѣніе *только общало* нѣкогда обстоятельный разборъ моихъ воззрѣній. А и ваша статья все еще не напечатана. Все это я говорю въ подтвержденіе того, что наше дѣло и опора да будетъ собственно въ милости и истинѣ Божіей! Богъ дастъ же сочувствующихъ и намъ. Письмо съ

15) Соч. О міротвореніи напечатано въ 1862 г.

16) Архим. Нифонтъ.

17) В. П. Аскоченскій, бывший проф. Киевской Духовной Ак—мін, редакторъ полудуховнаго полусвѣтскаго журнала Домашняя Бесѣда. О немъ см. Знаменскаго П. В.: „Богословская Полемика 60-хъ гг.“, также въ статьѣ Розанова В. В.-ча: „Аскоченскій и Архим. Феодоръ Бухаревъ“ (въ кн.: Около церковныхъ стѣнъ, т. 2, стр. 17—39). Статья, упоминаемая здѣсь, напечатана въ 14-мъ вып. „Дом. Бесѣды“ (въ началѣ апрѣля 1861 г.).

замѣтками Д. Θ. Голубинскаго переслано ко мнѣ изъ Петербурга. Замѣтки дѣльныя! Надо пересмотрѣть рукопись по ихъ указаніямъ. По одной почтѣ съ этимъ письмомъ пошло письмо и къ Голубинскому, чтобы онъ не замедлил прислать ко мнѣ рукопись.

„Современника“ мартовская книжка выслана ко мнѣ въ монастырь. Признаюсь, многое мнѣ по душѣ въ этомъ журналѣ. Это именно наши соработники у одного хозяина Истины—Господа.—Что же „Сына Отечества“ перестали мнѣ давать? Мнѣ хотѣлось бы читать и этотъ журналъ, давшій мнѣ пріютъ у себя, когда другіе не хотѣли бы давать мнѣ нигдѣ и головы приклонить. Духъ человѣколюбія и добросовѣстнаго, сыновне—свободнаго стремленія къ истинѣ и добру во всемъ—это есть духъ православія, который можетъ быть иногда и бессознательнымъ. Переговорите о высылкѣ мнѣ „Сына отечества“ съ Алекс. Ив. Хитровымъ хоть за деньги, которыя готовъ я выслать. Последній изъ полученныхъ мною былъ тотъ №, въ которомъ помѣщалась статья А. И. Хитрова, показывающая неправомысліе друга моего Аскоченскаго изъ самыхъ руководствъ православія ¹⁸⁾.

Прошу Васъ, Александръ Алексѣичъ, прочесть это письмо Александрѣ Николаевнѣ Шубиной (если она въ Питерѣ) и еще отыскать (въ Ковенскомъ переулкѣ противъ Сергіевскаго института или пріюта Громова, за Знаменскою Церковію) квартиру Вѣры Владиміров. и Льва Павловича Толстыхъ, которыхъ вы видѣли у меня, и тоже прочитайте ей письмо и спросите ее о ея сестрѣ Лукьяновичъ и о братѣ Панаевѣ. ¹⁹⁾ Имъ всѣмъ глубокой мой поклонъ. А къ Марьѣ Александровнѣ пойдете уже съ книгой, которую Влад. Ив. отпечатаетъ и передастъ вамъ. Простите, мои други.

Вашъ А. Θ.

Кланяюсь Надеждѣ Петровнѣ, Павлу и Ольгѣ Петр. ²⁰⁾ Екатерину Петровну моя маминька и сестры благодарятъ за

¹⁸⁾ „Сынъ Отечества“, № 8, 1861 г., содержаніе см. у Н. В. Знаменскаго „Богосл. Полемика“, стр. 34—5.

¹⁹⁾ Петръ Владиміровичъ, сестра его Вѣра В. Толстая (въ 2-мъ бракѣ Вальнеръ) и Лукьяновичъ—все трое чтили о. Феодора. Марья Александровна—Дубовицкая.

²⁰⁾ Братъ и сестра Е. П. Лебедевой—семинаристъ и институтка.

участіе ко мнѣ, выраженное въ предпоследнемъ письмѣ. Портретовъ у меня уже нѣтъ ни одного, а письма къ Гоголю только два экземпляра и то изъ положенныхъ еще между другими книгами при выbitii моемъ изъ Питера. Мнѣ хотѣлось бы получить если можно еще хоть два или три портретика. Я еще и брату своему родному не подарилъ своего портрета, а ему очень этого хочется.

15

Добрые мои Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Господь съ вами своею благодатію, родные мои!

Напрасно вы, Александръ Алексѣичъ, обезпокоились слухомъ о безуспѣшности моей поданной въ Ценз. Комитетъ просьбы относительно пенсіи. Я и тогда подалъ эту просьбу, уступая дружескому желанію Евграфа Иван. Ловягина.²¹⁾ Мнѣ надѣяться, какъ можете видѣть сами не только изъ личныхъ моихъ обстоятельствъ, но и изъ самаго состоянія общественнаго современнаго духа,---просто не на что и не на кого, кромѣ одного Господа. И буду на Него одного надѣяться, сколько Онъ же самъ даетъ мнѣ этой благодати. Статья А. И. Хитрова о моей книгѣ: *О Новомъ Заветѣ*, мнѣ понравилась, серьезно-дѣльные замѣчанія, сдѣланныя на мою книгу, въ концѣ статьи, требуетъ отъ меня нѣкоторыхъ объясненій, которыя, Богъ дастъ, и напишу и пришлю въ „Сынъ Отечества“, вмѣстѣ со статьею по поводу статьи Современника: „Два типа старыхъ и новыхъ философовъ“, и еще съ статейкой о первомъ отдѣлѣ „Странника“, вызывающемъ иногда (къ сожалѣнію) рѣдкія неблагопріятныя замѣчанія „Сына Отечества“. Мнѣ хотѣлось бы показать, чего именно недостаетъ въ этомъ отдѣлѣ „Странника“, содержащемъ впрочемъ такія вещи, относительно которыхъ не надо бросать опрометчивыхъ (или только односторонне-справедливыхъ) словъ. Съ Викторомъ Ипатьевичемъ, какъ скоро дѣло приняло оборотъ скандалезныхъ личностей вмѣсто разслѣдованія истины, у меня дѣло покончено.

Ради Бога, никому не передавайте моихъ въ вашемъ письмѣ мыслей и замѣчаній.

²¹⁾ Проф. Церк. Исторіи, землякъ архим. Феодора.

Въ новомъ мѣстѣ, живу—слава Богу. Недавно видѣлся я съ Владыкою Владимірскимъ Преосв. Іустиномъ, бывшимъ въ нашемъ Переяславлѣ Залѣвскомъ. Первый разговоръ мой съ нимъ былъ тяжелъ для меня; потому что Преосвященный старался доказывать православность образа мыслей „Домаш. Бесѣды“. Въ послѣдствіи бесѣды двѣ были очень пріятны для меня; рѣчь шла, между прочимъ, о философіи, — Владыка развивалъ мысль о несомѣстимости самостоятельнаго ея направленія съ христіанствомъ, а я представлялъ несправедливость оставлять внѣ Христа и, значить, внѣ благоволенія Отца Небеснаго—разумъ человѣческой, котораго первый органъ—философія. Сердце и душа моя лежитъ къ этому Владыкѣ. Благодарю Бога!

Знаете ли еще что, Александръ Алексѣичъ? Вѣдь вамъ нѣкогда близкій пріятель Петръ Алекс. Нарбековъ—живъ и здоровъ. и находится между послушниками Никитскаго монастыря. Я еще не входилъ въ близкія отношенія съ нимъ, а надо, ради памяти его Батюшки—моего духовнаго отца. Я думаю, вы дивитесь этой неожиданной новости; потому что вы съ такою увѣренностію говорили мнѣ нѣкогда о его несчастной смерти,—онъ даже и ночью уже пугалъ васъ... Напишите, въ какомъ смыслѣ мнѣ указывать на васъ, когда, Богъ дастъ, буду ближе къ нему.

Но полно ужъ объ этомъ!

16.

Какъ вы поживаете, мои родные? Какъ здоровье Екатерины Петровны? Берегите и успокаивайте другъ друга, ради Господа, ради святаго союза Его съ возлюбленною Ему и любящею Его Церковію. Что слышно о Пареніѣ Лукичѣ и Серафимѣ Александровнѣ? Напомните имъ обо мнѣ моимъ сердечнымъ поклономъ, если вы переписываетесь съ ними. Кланяюсь и Александру Михайловичу ²²⁾ и еще прежде вашей мамашѣ Надеждѣ Петровнѣ, Павлу и Ольгѣ—Петров... не знаю, какое сдѣлать здѣсь окончаніе этого отчества: *визамъ* или *внамъ*. Отцу протоіерею Сергію Алексѣичу и Екатеринѣ Кир., также какъ и отцу Леониду ²³⁾ съ его брат-

²²⁾ Иванцовъ—Платоновъ.

²³⁾ Л. Петровичъ Петровъ, братъ Надежды Петровны Свѣчевой, матери

цемъ тоже кланяюсь. Что дѣти Сергія Алексѣича?.. Просиль бы я васъ побывать и у Жуковскихъ—Алексѣя Владиміровича и Натальи Дмитриевны (въ горномъ корпусѣ онъ полковникомъ). Извѣстили бы ихъ обо мнѣ, и мнѣ написали бы о нихъ. Не знаю, Владиміръ Ивановичъ Ловягинъ подарилъ ли имъ книжку о *Новомъ Заветѣ*: Я его просилъ—при свиданіи напомните ему объ этомъ.

Дай Богъ, вамъ обоимъ добраго здоровья.—Статьи для „Сына Отечества“ я думаю переслать къ вамъ для передачи. Спасибо Вамъ за хлопоты и г. Старчевскому²⁴⁾ за доброту: „Сына Отечества“ мнѣ высылаютъ.

Простите! Господь съ вами, мои дорогіе Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Вашъ въ Господѣ

А. Θεодоръ

3 іюля 1861 г.

Марья Александровна Дубовицкая²⁵⁾, вѣроятно, теперь въ помѣстьѣ. Матерь Божія да охраняетъ ее и васъ!

17.

Добрые мои

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Дай, Богъ, Вамъ милости и благодати во всемъ!

Письмецо ваше, вмѣстѣ съ письмомъ Д. Θ. Голубинскаго, получено мною. За любовь Вашу всегда благодарю! Дѣло о моей пенсіи я на столько считаю моимъ, на сколько оно есть *Божіе*; а потому оставьте всякіе о немъ распросы или хлопоты. Признаюсь вамъ по совѣсти,—я такъ оскорбленъ нашими отцами, что считаю низостью доискиваться у нихъ чего либо. Это не гордость, а вѣра, что все же у насъ не кто либо, а Господь всемилостивый и всеправедный и всепремудрый—Глава Церкви.

В. П. Лебедевой, скончался въ 1914 г. митрофорнымъ протоіереемъ. 84 лѣтъ.

²⁴⁾ Издатель газеты „Сынъ Отечества“.

²⁵⁾ М. А. Дубовицкая была до снѣтія сана о. Θεодоромъ его большою почтательницей, потомъ очень недовольна была за женитьбу А. М. его жену Анну Сергѣевну; помѣщица.

По настоящей же почтѣ отсылаю я г. издателю „Сына Отечества“ Старчевскому три статьи съ письмомъ, которое тоже составляетъ статейку порядочную. Само собою разумѣется, что во всѣхъ этихъ статьяхъ или статейкахъ у меня все дѣло—въ Христовой истинѣ, безъ которой я во всѣхъ отношеніяхъ погибаю. Я вамъ уже писалъ объ этихъ статьяхъ (кстати, вы напрасно не извѣщаете меня о полученіи моихъ писемъ). Въ одной—дѣло касается свѣтской журналистики, именно чрезвычайно важной статьи Современника: „Два типа современныхъ философовъ“; другая—перваго отдѣла „Странника“ противъ нареканій, а вмѣстѣ и съ осторожнымъ объясненіемъ, какъ бы слѣдовало вести здѣсь дѣло; третья—отвѣтъ на весьма дѣльные и умныя замѣчанія Александра Ивановича Хитр. о моемъ послѣднемъ сочиненіи. Для вашихъ работъ по тѣмъ вопросамъ, какіе особенно занимаютъ Васъ, вамъ не мѣшало бы прочитать всѣ эти статьи и съ письмомъ моимъ къ г. Старчевскому. Поэтому и Васъ, Александръ Алексѣичъ, хочу втянуть въ хлопоты по дѣлу этихъ статей. Дней черезъ восемь по полученіи этого письма, или чрезъ девять, смотря по удобности для васъ, благоволите отправиться къ Альберту Викент. Старчевскому съ вопросомъ, какъ онъ думаетъ распорядиться моими статьями. Если онъ затруднится взять ихъ въ „Сынъ Отечества“, то попросите немедленно возвратитъ ихъ Вамъ. какъ моему представителю,—вмѣстѣ и съ моимъ къ нему письмомъ, составляющимъ по содержанію своему особую статью литературную; я такъ и написалъ посылку: „съ четырьмя рукописями“. Оттяжки дѣла не допускайте и меня обо всемъ *немедленно* увѣдомьте, удержавъ рукописи, въ случаѣ ихъ возвращенія, у себя впредь до новаго моего къ вамъ письма. Въ надеждѣ на вашу любовь, пишу вамъ просто мои желанія безъ всякихъ почти просительныхъ выраженій. Съ другими обо мнѣ говорите только, что называется, „въ общемъ“;—Христосъ съ ними—со всѣми! Такая недовѣрчивость къ людямъ возбуждена во мнѣ словами г. Ушинскаго извѣстнаго вамъ (бывшаго у насъ по особымъ комиссіямъ о монастырскихъ дачахъ), что будутъ де спрашивать обо мнѣ въ Питерѣ *многіе*—и друзья и *враги*. Мнѣ скрывать нечего и отъ враговъ моихъ, но не хочется, чтобы что-нибудь переносилось къ кому либо изъ нихъ. Изъ

Питерскихъ, кромѣ васъ,—моя душа открывается, въ дѣлахъ мысли, особенно Александру Михайловичу; съ нимъ что угодно говорите обо мнѣ или читайте изъ моего; его мысли или отзвы и мнѣ передавайте. Вотъ какіе люди составляютъ въ Господѣ мою и вашу надежду! Ему скажите это прямо; Парвенію Лукичу съ Серафимой Александровной также напишите мой искренній поклонъ.—Кланяюсь съ уваженіемъ Надеждѣ Петровнѣ, О. Леониду, Павлу и Ольгѣ Петр. Простите, добрые мои други! Вашъ А. Ѳеодоръ.

Переговорите съ кѣмъ либо изъ редактор. „Духа Христианина“, не примутъ ли въ свой журналъ мою рукопись „О міротвореніи“, раздѣливъ ее книжки на три.

Царь Небесный да сохранить Екатерину Петровну въ ея тяжкомъ подвигѣ. Да благословитъ васъ обоихъ Господь!

Еще слова два, Александръ Алексѣичъ! Завѣрьте г. Старчевскаго, что еслибы ему почему либо было затруднительно печатать статьи мои (дѣйствительно, слишкомъ можетъ быть объемистыя для „Сына Отечества“,—другой причины затрудненія не вижу), это никакъ не можетъ обратиться въ безпокойство ни мнѣ, ни тѣмъ болѣе ему: и въ удостовѣреніе скажите (такъ и сдѣлайте), что письмо мое къ нему перешлете ко мнѣ безъ передѣлки въ немъ всего, касающагося имени или лица г. Старчевскаго. Нарочно влагаю эту записочку въ пакетъ.

Простите Вашего А. Ѳ.

19 октября 1861 г.

18.

Добрые мои

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Христось Царь небесный съ вами!

Въ вашихъ письмахъ ко мнѣ высказывается столько родного участія и сочувствія ко мнѣ, что въ этомъ я нахожу живое свидѣтельство о благодати Христовой, дѣйствительно дарующей вамъ и мнѣ одного Отца—отца своего небеснаго. По тому же самому я чувствую и сознаю себя такъ близкимъ къ Вамъ, что какъ будто и не разлучался съ вами моими родными. Говорить съ вами письменно—такая же сладкая потребность для меня, какъ и для васъ. Хотѣлось

бы мнѣ поздравить Васъ съ младенцемъ. Но ваша молчаливость на этотъ счетъ болѣе еще озабочиваетъ меня, нежели позволяетъ утѣшаться.

Я же доселѣ не отвѣчалъ на ваше послѣднее письмо потому, что хотѣлось вмѣстѣ съ письмомъ отправить къ вамъ и рукопись *О мѣротвореніи*, пересмотромъ которой занимался я доселѣ, по замѣчаніямъ Дм. Федоровича. Эту рукопись теперь же и посылаю. Цѣль ли у Васъ заглавный листъ съ новымъ цензурнымъ одобреніемъ, которое относится и ко всей рукописи?—Хорошо, еслибы „Духъ Христіанина“ вмѣстилъ въ себѣ это довольно обширное дѣло, котораго стало бы для пяти книжекъ (въ первую—до 47 листка обор. или до 2-го дня творенія; въ другую—о второмъ и третьемъ дняхъ творенія до 89 лист.; въ третью—до 129 листа на обор., гдѣ оканчивается созданіемъ человѣка; въ четвертую—о совершеніи мірозданія, до 164 л.; въ пятую—окончаніе, до 199 л.). Не разборчиво написанныя въ рукописи мѣста переписаны лучшею рукою на особыхъ (вложенныхъ въ рукописи) листикахъ и четвертушечкахъ, для удобства типографіи. Если бы „Духъ Христіанина“ затруднился принять мое сочиненіе, то предложите Ник. Григорьичу Овсяникову, не возьметъ ли онъ его для изданія; и въ этомъ случаѣ перемѣните (какъ и сдѣлано мною на рукописи) заглавіе, съ вѣдома цензора и разсмотрѣнія имъ дополненій въ рукописи, особенно на концѣ.

Да что слышно о моемъ толкованіи Апокалипсиса? Распросите Николая Григорьича Овс., съ моимъ ему почтеніемъ. Извѣстите меня.

Видно, „Сынъ Отечества“ встрѣчалъ затрудненія или препятствія печатать мои статьи. Будьте добры,—не помедлите взять ихъ всѣ (и съ моимъ письмомъ къ г. Старчевскому, какъ литературнымъ) и удержите пока у себя. А меня уведомьте, по возможности, скорѣе.

Съ чего вы, Александръ Алексѣичъ, взяли—винить себя въ моихъ непріятностяхъ? Ну, а если меня доведутъ до того, что и проч.?... Неужели вы будете винить въ этомъ то же обстоятельство, что дали вы г. Хитрову поводъ сказать о мнѣ нѣсколько словъ въ фельетонѣ? Полноте. Все дѣло въ борьбѣ и несомвѣстимости началъ Благодати, принимаемой живою вѣрою, и буквы законной, то успокоивающей

какими либо остатками прежней живости, то фанатически-ревнующей. Случившееся со мною составляетъ только образчикъ или малинькой видъ того, что еще можетъ случиться, до чего могутъ довести, если не войдетъ въ это дѣло Самъ Господь съ Своимъ благодатнымъ судомъ. Вы знаете, что со стороны людской злобы и несправедливости, Онъ распятъ по силѣ той же борьбы началъ противоположныхъ. Будемъ судить обо всемъ въ духѣ вѣры и надежды на Господа, любовію споспѣшествуемой.

Не могу не порадовать Васъ обоихъ своею радостію, что въ Переяславлѣ, кромѣ роднаго мнѣ сердцемъ и духомъ о. Архимандрита и благодатной братіи, нашель я родное мнѣ семейство здѣшняго предводителя дворянства Сергія Иван. Родышевскаго ²⁶⁾: здѣсь мы читаемъ, толкуемъ, или раздумываемъ въ общемъ молчаніи. Дочь его Анна Сергѣевна своимъ умнымъ сочувствіемъ моему дѣлу и обстоятельствамъ живо напоминаетъ мнѣ Екатерину Петровну, которую она, по моимъ словамъ, полюбила, какъ достойная сестра. Она съ отцемъ будетъ, можетъ быть, зимою въ Питерѣ и— у Васъ. Простите, друзья мои! Надеждѣ Петровнѣ съ Павломъ и Ольгою Петр. и о. Протоіереею вашему, также Пущину Николаю Ивановичу ²⁷⁾ (спросите его о братѣ Михаилѣ Иван. и Марьѣ Яковлевнѣ), Леониду Петровичу, Александру Мих. — мои сердечные поклоны. Спасибо Пареенію Лукичу за дѣльную критику, въ „Духѣ Христіанина“: (говорить о недостаткахъ, но съ искреннимъ уваженіемъ къ писателю и съ неотступною мыслию, что *мы* только еще начинаемъ въ наукѣ,—такая критика можетъ принести пользу наукѣ.

Извѣстите о Вѣрѣ Владим. ²⁸⁾, о Марьѣ Алекс. Дубовицкой, что знаете.

Простите Вашего А. Θεодора.

19.

Добрые мои Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!
Уже послѣ отсылки къ вамъ письма и рукописи полу-

²⁶⁾ Переяславскій помѣщикъ, на дочери котораго, Аннѣ Сергѣевнѣ А. М. женился въ 1863 году.

²⁷⁾ Братъ декабриста, съ нимъ о. Θεодоръ встрѣчался въ домѣ А. А. Лебедева и о. Леонида Петрова; Пареевій Лукичъ—Репловскій.

²⁸⁾ Толстая (во второмъ бракѣ Вальнеръ) почитательница о. Θεодора.

чидъ я отъ Васъ письмо съ чаемъ и сахаромъ. Благодарю Васъ за любовь! Отвѣтъ на ваши добрыя и сердечныя слова уже данъ мною вамъ въ отосланномъ къ вамъ письмѣ, изъ котораго особенно Екатерина Петровна можетъ видѣть, какъ живо интересуется меня все ваше. Не отвѣчалъ вамъ долго единственно потому, что надѣялся вмѣстѣ съ письмомъ послать и рукопись, которую пересматривалъ въ Августѣ и Сентябрѣ. Но объ этомъ полно.

Что же касается до распоряженій цензурныхъ, — ждать другаго, конечно, мнѣ и не слѣдовало. Но мнѣ уже остается направлять дѣла мои вотъ къ чему.—Прошу Васъ покорно 1) достать и списать для меня съ точностію отзывъ Карпова и 2) попросите отъ меня Ник. Григор. Овсяникова, чтобы и онъ дозналъ рѣшительно, что Синодъ думаетъ или полагаетъ о моемъ толкованіи Апокалипсиса. Изъ того, что мнѣ, дѣйствующему въ интересъ Христовой истины, не даютъ хода и правъ не только предпочтительныхъ, но и равныхъ съ учащими, будто и Самъ Господь съ Своей стороны умеръ не за всѣхъ грѣшныхъ и потому не имѣетъ значеніе умилоствленія за грѣхи всего міра предъ Своимъ Отцемъ, — изъ этого Вы сами видите, что мнѣ уже ждать нечего отъ такихъ людей, и слѣд. если мнѣ еще дорога истина — основаніе моего и монашества и священства, мнѣ остается только раскланяться съ подобными людьми, кто бы они ни были, на какомъ бы сѣдалищѣ ни возсѣдали они. Благодати въ нихъ не отрицаю, потому что знаю, что и въ Каіафѣ, какъ архіереѣ въ несчастное лѣто осужденія и распятія Спасителя, — благодать священства дѣйствовала даже въ то время, какъ онъ давалъ въ синедрионѣ этотъ несчастный голосъ противъ Христа: *уже есть единому человеку умереть за люди* и проч. И такъ не Лютеру послѣдуя, а служа истинѣ — Христу, Основанію и Главѣ Церкви — и Россійской и вселенской, единственному Спасенію и Оправданію и для Св. Синода, какъ для Востока и Запада и всего міра, — надо мнѣ рѣшиться на страшный шагъ требовать, чтобы или не обижали самой истины, безъ разъясненія которой неизбѣжно всему волноваться и распадаться, или сняли бы съ меня противное моей совѣсти и моему долгу предъ истинною, бремя мнимаго монашескаго послушанія деспотическому произволу, уже не противъ только меня идущему,

но и истинно пренебрегающему. Вотъ и все! И слава Богу за все!

Приложенное при семъ письмо къ Александрѣ Николаевнѣ²⁹⁾ не помедлите доставить въ ея квартиру—въ домъ генерала Зиновьева на Фонтанкѣ, около Троицкаго подворья. Хорошо, еслибы вы лично побывали здѣсь и узнали въ случаѣ отсутствія Александры Никол. изъ Питера, гдѣ она находится. Туда и отошлите — сдѣлайте милость—это очень нужное письмо. Простите, что слишкомъ обременяю васъ.

Вашъ А. Теодоръ.

20 октября 1861 г.

20.

Добрые мои Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Господь съ Вами и съ дитятемъ вашимъ—маленькой Катенькой!

Пишу къ Вамъ 24-го ноября послѣ литургіи и потому поздравляю Васъ, Екатерина Петровна со днемъ вашего Ангела и съ именинницею дочкой, а Васъ, Александръ Алексѣичъ, съ безцѣнными именинницами. Сегодня и мнѣ повѣяло вашею радостію съ самаго утра. Обыкновенно я просыпаюсь больной и съ тугой на сердцѣ; первыя минуты пробужденія моемъ бываютъ безпокойны и тяжелы и для духа и для тѣла. Сегодня пробужденіе мое было радостно и ободрительно.

Взяли ли Вы рукописи мои отъ Старчевскаго? Прошу Васъ покорнѣйше, Александръ Алексѣичъ, потрудиться — взять ихъ и удержать пока у себя. „О міротвореніи“, если рукопись не идетъ въ „Духъ Христіанина“, просто продайте за какую бы то ни было цѣну Николаю Григорьичу Овсяникову, только чтобы деньги высланы были мнѣ, а не остановлены за „Исслѣдованія объ Апокалипсисѣ“. За послѣднее дѣло заложена предъ Богомъ моя голова, какъ я вамъ объяснялъ это въ предъидущемъ письмѣ.

Вы впрочемъ ни мало не безпокойтесь. Дѣло Божіе.

Кланяюсь Вашей мамашѣ и Павлу П. съ Ольгой Петр., также и Александру Михайловичу, о. Леониду, вашему о.

²⁹⁾ Шубиной.

Протоіерею, г. Пушину и всѣмъ знаемымъ нашимъ, если съ кѣмъ встрѣтитесь и вспомните обо мнѣ. Парѣнію Лукичу съ Серафимой Алекс. также прошу въ ихъ даль переправить мои поклоны.

У меня нѣтъ ни экземпляра о Гоголѣ, да и о А. Павлѣ. Пришлите экземпляра по три того и другаго, взявши „статьи объ А. Павлѣ“ у Г. Овсяникова.

Что случилось съ моимъ письмомъ къ Александрѣ Николаевнѣ? Еще ли она не въ Петербургѣ?

Редакцію „Духа Христіанина“ поблагодарите отъ меня за высылку мнѣ экземпляровъ этого журнала. Журналъ мнѣ нравится. Но я желалъ бы, чтобы въ немъ духъ христіанскій раскрывался сколько возможно чистымъ отъ односторонностей. Можно напр. сказать, что мы не знаемъ Христа только человѣка, но сказать, что *не знаемъ Христа человѣка*, значитъ вызывать и поддерживать другую ужасную крайность говорящихъ; не знаемъ Христа Бога. Вѣдь это и есть, по моему, главный пунктъ, въ которомъ мы, вмѣсто привлеченія къ себѣ современной мысли, гонить ее отъ себя. Христосъ есть Богочеловѣкъ, но Церковь не ошибается говоря: *Христосъ истинный Богъ нашъ*. Такъ точно можно еще говорить и то, что Христосъ есть человѣкъ. Въ словѣ Божіемъ прямо говорится: *человѣкъ Христосъ Іисусъ*. Какъ же говорить, что мы не знаемъ Христа человѣка? — Не знаю, какъ разсуждаютъ другіе, а я вотъ что думаю: если Богъ Отецъ является или открытъ намъ только въ Сынѣ, а Сынъ явился намъ чрезъ вочеловѣчіе, то и самое ученіе о Божествѣ въ истинномъ духѣ преподавать можно и должно не иначе, какъ имѣя въ неопустительномъ виду свисхождение Бога Слова—Сына до воспріятія всей человѣческой природы, и притомъ за грѣшныхъ и заблуждающихъ. Въ противномъ случаѣ, простите меня, — наше ученіе о Божествѣ свихнетъ мало по малу на фарисейской или жидовской духъ. Прошу Васъ прочесть эти строки доброму Отцу Гумилевскому ³⁰⁾ (разумѣется, къ его свѣдѣнію и обсужденію).

Эка времячко Богъ далъ намъ! Одни дѣло и мысли.

И слова (какъ и вообще дѣло жизни) ведутъ внѣ Христа

³⁰⁾ См. примѣч. 9-ое.

и единодушно учать, что такъ и слѣдуетъ внѣ Христа вести дѣло мысли и слова (какъ вообще дѣло жизни). А дру- же—и это служители Православнаго христіанства—открыто считаютъ за повтореніе Крыловскаго квартета духовное уси- ліе и опытъ войти, по отношенію къ мірской мысли и слову въ духъ *Христово снисхожденія* со святаго своего Неба въ нашъ грѣшный міръ. Ужели въ моихъ письмахъ къ Гоголю еще не видно того, что писаны они не изъ усердія къ другу, какимъ Гоголь никогда и не былъ для меня, а изъ усердія послужить сколько-нибудь тому, чтобы дѣло свѣтской мысли и слова, дѣло въ особенности этой великой и прекрасной области искусства, было ведено по Христу (иначе оно про- падеть, а это соединено съ гибелью самихъ людей)? — Ктожь какъ не духовное лицо призвано служить этому? „Да Гоголь не могъ еще доходить до того, чтобы въ каждой строчкѣ своей говорить или думать о Христвѣ“. Если бы и такъ, то извѣстно должно быть священнику, что свѣтъ Хри- стовъ, насколько онъ свѣтитъ въ самой тьмѣ, обыкновенно дѣйствуетъ или раскрывается безсознательно со стороны лю- дей. Мнѣ хотѣлось (и это была моя задача по отношенію къ дѣлу Гоголя въ славу самого Господа и Спасителя нашего) выяснить, что свѣтъ во тьмѣ безсознательности свѣтящійся, все же есть именно Христовъ. И у Гомера видно свѣтленіе этого же свѣта. Но конечно, было бы смѣшно возражать, что Гомеръ не могъ говорить или думать (сознательно) о Хри- стѣ. Нѣтъ Странникъ нашъ видно и самъ еще не видитъ сознательно Отческаго Града, хотя и думаетъ вести къ нему бѣдныхъ, бѣдныхъ при такомъ руководствѣ, земныхъ стран- ииковъ.—Вѣдь если меня и съ лица земли стерли, а истина все же ни въ огнѣ не сгоритъ, ни въ водѣ не потонетъ.— Дай Богъ всѣмъ всякаго добра! Простите, мои безцѣнные друзья, вашего А. Ө.

21.

Дѣбрые мои Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Поздравляю Васъ съ великими праздниками и благодарю Васъ за Вашу любовь и доброту ко мнѣ. Только и есть от- раднаго для меня въ расположенности ко мнѣ близкихъ мо- ихъ. Маленькой Катенькѣ мой поцѣлуй и Божіе благосло-

веніе. Мамашѣ Надеждѣ Петровнѣ и Павлу Петровичу съ Ольгой Петровной—мои поклонны и искренніе привѣты.

Все, сказано вами, Александръ Алексѣичъ, о затруднительности и упадкѣ книжной торговли и объ относящихся къ тому предметахъ убѣждаетъ меня, что, дѣйствительно, не хорошо и не удачно наше предпріятіе или порученіе печатать *О миротвореніи* Старчевскому. Вѣдь если и 50 руб. даль бы Овсяниковъ, то все же это надежнѣе и лучше, чѣмъ принять вѣднѣе ярмо—обязательство платиться статьями, въ которыхъ, въ самомъ то дѣлѣ, не нуждаются. 50 руб. годились бы напр. въ уплату Печаткину за бумагу. Вѣдь всѣ подобныя Господа, при случаѣ отзовутся однимъ, что до насъ больше дѣло не касается,—какъ отозвался Гречулевичъ.³¹⁾ Покорнѣйше прошу Васъ взять у Печаткина, когда онъ пришлетъ къ вамъ свои предложенія, точный счетъ долга за бумагу, у него взятую. Гречулевичъ, я думаю, по крайней мѣрѣ не откажется просмотрѣть и повѣрить его счетъ *). Буду платить за этотъ долгъ магистѣрскимъ окладомъ. Но Владиміра Ивановича Ловягина покорнѣйше прошу не тревожить и намекомъ, что нужны деньги въ уплату долга моего. Мнѣ безцѣнно и то, что онъ вызвался самъ издать книжку *о Новомъ Заветѣ*, какъ Вы—*Три письма къ Гоголю*. Спѣшу къ Вамъ писать въ тотъ же день, какъ получилъ Ваше письмо,—именно въ предупрежденіе вашихъ запросовъ къ Влад. Ивановичу. Если же я опоздалъ и Вы уже имѣли рѣчь съ нимъ, то ради Бога, не помедлите извѣстить его, что это сдѣлано помимо моей воли и передайте ему просьбу мою, чтобы онъ не беспокоился. — Думается мнѣ, что и Старчевскій едва ли началъ печатать мою рукопись, въ этомъ случаѣ будьте добры—возьмите ее у него вмѣстѣ съ другими моими рукописями. Вы можете имѣть сношеніе съ Старчевскимъ помимо г. Хитрова. Рукопись *О миротвореніи* если она еще не въ типографіи, лучше отдать хоть бы меньше, чѣмъ за 50 руб. г. Овсяникову. Если же она печатается, то такъ и быть.

Вы спрашиваете моего мнѣнія о вашей статьѣ о Св. Тихонѣ. Мы цѣлымъ обществомъ прочитали эту статью съ

³¹⁾ О. Василій, издатель „Странника“.

*) Впрочемъ, лучше ужъ не касайтесь Гречулевича. *Примѣч. о Феодорѣ*.

удовольствіемъ и вмѣстѣ съ пользою. Больше теперь не могу сказать по той простой причинѣ, что чувствую себя не ловко. Не писалъ о статьѣ доселѣ, потому что въ каждомъ письмѣ увлекало какое-либо особое дѣло.

Простите, не растревожилъ ли я и васъ своимъ письмомъ. Успокоимся на одномъ, что за все слава Богу!

Вашъ А. Θεодоръ.

Благодарю и за извѣстіе о дорогихъ мнѣ людяхъ. Александру Николаевну я уже видѣлъ и получилъ отъ нея книги, посланныя вами. Очень благодаренъ.

Ночь съ 26 на 27 декабря 1861 года.

22

Добрые мои Александръ Алексѣичъ и Екатеринна Петровна!
Христосъ съ Вами.

Что это не пишете ко мнѣ? Радъ я случаю—сказать вамъ хоть слово одно чрезъ добрѣйшую Александру Николаевну. Маменька моя теперь тоже въ Переяславлѣ въ женскомъ монастырѣ, сколько ей угодно будетъ пожить.

Объ уплатѣ за бумагу войдите, если не затруднитесь въ объясненіи съ Ник. Григ. Овсяниковымъ, который, конечно, настолько уже распродалъ моихъ книгъ, чтобы за вычетомъ процентовъ, слѣдующихъ за продажу, уплатить мой долгъ за бумагу. Вѣдь дѣло объ Апокалипсисѣ, по слову между мною и Овсяниковымъ, должно идти своимъ особымъ порядкомъ. Впрочемъ сдѣлайте и переговоры съ нимъ объ этомъ, какъ только вамъ угодно, а если это затрудняетъ васъ сколько-нибудь, то и ничего не говорите.

Катиньку малинкую цѣлую въ Господѣ. Кланяются вамъ обоимъ Предводитель дворянства здѣшняго Серг. Ів. Радышевской и дочь его Анна Сергѣевна.

Мамашѣ и другимъ ея дѣтямъ—мой поклонъ.

Простите Вашего А. Θεодора.

Я опасаюсь, не оскорбило ли Васъ или не обезпокоило ли мое предъидущее письмо.

Слава Богу за все!

23.

Добрые мои Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

На силу-то я получилъ отъ васъ письмо. Христось съ Вами и съ малюткой вашей!

Письмо ваше меня утѣшило особенно тѣмъ, что въ немъ такъ хорошо выразилась ваша, Александръ Алексѣичъ, добросердечная, довѣрчивая къ людямъ и откровенная душа. Кто это пожертвовалъ мнѣ 50 руб. серебромъ? Господь? Да? Ну такъ и благословимъ Господа.

Такъ вы ратуете за меня? Благодарю милость Божию ко мнѣ и за это, други мои! Что же вы не прислали мнѣ брошюрки вашей или цѣлой томъ книжки? И. о. Архимандритъ, Настоятель мой, радъ этому сердечно, что вы не даете обижать меня. Книжечку пришлите.

Наканунѣ получения или нѣтъ въ самый день получения вашего письма, только еще *до получения* его, я отослалъ Старчевскому еще статью, относящуюся къ *крестьянскому вопросу* съ духовной стороны его значенія. Писалъ къ нему и письмо, но жалко, что напередъ не получилъ и не прочиталъ вашего письма. Вѣдь рукопись мою *О миротвореніи* словно въ плѣнь взяли, когда и не видно, чтобы печатали ее, и назадъ не отдають. Прилагаю при семъ письмо къ Хитрову; прочитайте его сами и передайте Александру Ивановичу, если ничего не найдете противъ моихъ распоряженій. Запечатайте письмо облаткой.

Писалъ я къ Вамъ съ Александрой Николаевной, которая сама хотѣла у васъ быть. Видно, еще не была. Мой искренній ей поклонъ, когда увидите съ нею. Хотѣлось бы мнѣ узнать что-нибудь о Вѣрѣ Владиміровнѣ ³²⁾ и о Жуковскихъ ни слуху, ни духу ни о комъ изъ нихъ. Надеждѣ Петровнѣ съ Ольгой Петровной и Павломъ Петровичемъ кланяюсь отъ души.

Вамъ, Екатерина Петровна, и я соболѣзную не по одному сердечному участию. Тоже цѣлый мѣсяцъ прохворалъ отъ простуды. Будьте здоровы, спокойны и радостны оба и съ малюткой вашей. Маминька моя и О. Архимандритъ Нифонтъ вамъ съ любовію кланяются. Посмотрите, какъ мило-

³²⁾ Толстой.

стивъ ко мнѣ Господь: еще когда ѣхалъ я въ свой монастырь, вызвался меня проводить одинъ кончившій курсъ Семинаріи студентъ, который потомъ и выправилъ пачпортъ годовой и живетъ теперь со мной, выполняя всѣ услуги келейника и, кромѣ того, переписывая мои бумаги. Его имя—Осипъ Михайловичъ; онъ съ любовью, какъ родной, принимаетъ свѣдѣнія о васъ, мною передаваемыя. Также съ любовью и уваженіемъ обыкновенно спрашиваютъ о васъ мои Переяславскіе добрые знакомые—Предводитель и дочь его, о которыхъ я вамъ уже писалъ. Поѣздку въ Питеръ они отложили. Александра Николаевна видѣла барышню — дочь; спросите у ней объ этой моей знакомѣ.

Христосъ съ вами и Царица Небесная!

Простите Вашего А. Феодора.

10-го февраля 1862 года.

О. Протоіерею Сергѣю Алексѣичу и съ супругой, О. Леониду и всѣмъ, помнящимъ меня, передайте мои поклоны.

24.

Еще здравствуйте, добрые мои

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Набесѣдовался я съ вами вдоволь, читая вашу книжку, писанную въ мою защиту. Говорю вамъ обоимъ; потому что слышенъ мнѣ въ книжкѣ духъ соучастья и помощи и со стороны Екатерины Петровны. Говорю: — набесѣдовался; потому что въ книжкѣ такъ живо выразилась прямая и вмѣстѣ кроткая, безпритязательная личность ваша, Александръ Алексѣичъ. Господь да воздастъ вамъ обоимъ своею благодатію за трудъ любви къ истинѣ и вмѣстѣ ко мнѣ! Критика или, лучше, антикритика — пронизательная, основательная, остроумная, ясная, мирная въ самыхъ серьезныхъ и колкихъ обличеніяхъ. Слава Богу! Вотъ не даромъ же вы заѣхали въ Питеръ, Александръ Алексѣичъ! Признаюсь,—я думалъ-было, что отъ людей прямого голоса за меня и именно въ интересѣ истины Божіей, какъ нужной для всѣхъ и требующей отъ насъ настоятельности, надо ждать болѣе въ будущемъ, когда буду въ могилѣ. Но ваша книжка сказала мнѣ другое. Спасибо вамъ, что отнимаете у меня поводъ къ жалобѣ.

вамъ на нравственное одиночество, или безучастность во мнѣ со стороны другихъ людей. Благодарю васъ предъ Богомъ!

И такъ какъ вы трудитесь серьезно; то я считаю должнымъ сказать вамъ на ваше обсужденіе два или три замѣчанія о вашемъ трудѣ. Это чудесно вы сдѣлали, указавъ на различіе значенія дѣла Христова съ Его стороны отъ усвоенія благодати Его съ нашей стороны: Господь за всѣхъ насъ сталъ человѣкомъ и умеръ и воскресъ и возсѣлъ одесную Отца, хотя бы и никто изъ насъ не усвоилъ вполне такой благодати, имѣющей поприщемъ своимъ—раскрываться во все времена и въ самую вѣчность. Но мнѣ желалось бы (и это очень нужно), чтобы вы это дополняли для себя и другихъ вотъ еще чѣмъ:—Для самаго усвоенія благодати спасенія должно и необходимо узнавать, сколько можно—во всей силѣ и истинѣ, духъ благодати, взятой самой по себѣ, или значеніе дѣла Христова съ Его собственной стороны. Не зная или односторонне и мелко зная, что и какъ сдѣлалъ для насъ съ своей стороны Самъ Господь, можемъ ли мы и входить въ духъ Его благодати, или усвоить себѣ благодать Христова дѣла? Зная прямо, въ чемъ именно существо и сила Христова дѣла и Его благодати, я могу если не съ Павломъ впереди другихъ бѣжать, то хоть съ младенцами ползти по направленію благодати. Не признавая, что Христосъ умеръ за всѣхъ и всякіе грѣхи, нельзя и входить въ человѣколюбивый духъ Его.—Это первое! Безъ выставленія на видъ этого (это существенно входило въ задачу моего сочиненія), самое разграниченіе Христова дѣла отъ нашего усвоенія Его благодати не заканчивается еще вашего разбора, каково именно и куда ведетъ обличаемое вами направленіе.

Будь у васъ въ виду сказанное выше,—вы лучше, живѣе и вѣрнѣе поняли бы слова Павловой похвалы крестомъ Христовымъ: *имже*, говоритъ онъ, *мнѣ мѣръ распяся и азъ міру*. Въ этихъ словахъ Павелъ чудно выразилъ, какъ онъ усвоилъ (и слѣд. какъ намъ надо усвоить) Христову благодать спасенія, которую онъ такъ глубоко разумѣлъ. Въ крестѣ Христовомъ истинно явлена и совершилась такая неизслѣдимая любовь Господня къ намъ или ко всему міру, что всѣ грѣхи и заблужденія міра, какъ и каждаго изъ насъ, отяготѣли на Немъ и вынесены Имъ во всей ихъ преступности

предъ Правдою, во всей виновности предъ Отцемъ Небеснымъ, во всей, потому, и смертоносности своей. Вкуси съ Павломъ этой любви Господней хоть сколько-нибудь (говорю это себѣ самому), войди хоть чуточку въ ея направленіе; и ты поймешь хоть отвлеченно, что распятіе ветхаго человѣка съ его страстями и похотями есть *не просто угашеніе въ души или тѣлѣ движеній грѣха и лжи*, но одушевленіе (не иначе какъ въ силѣ Св. Духа) Святою и Божественною чистою любовью Господнею, по которой съ Макаріемъ Велик., такъ и забрала бы ты всѣхъ въ свое сердце и утробу. не разбирая добрыхъ отъ злыхъ, или, опять съ Павломъ, молился бы быть отлученнымъ (анаѣма) отъ Христа за братію, самъ однако живя чуждымъ всего лживаго сыно-Христомъ.

Въ этомъ именно и обосновано внушаемое моею книгою направленіе—весь міръ искать и спасать Христомъ, раскрывать и проводить свѣтъ Его во всякую среду — не только наукъ или искусствъ, но и купли, и продажи, земледѣлія, всякой службы гражданской. Истинно-человѣческое только во Христѣ; но и все наше фальшиво-человѣческое не было помѣхою Христу совершать наше спасеніе чрезъ понесеніе Имъ нашихъ фальшей въ Себѣ Самомъ, въ своемъ святомъ Богочеловѣчествѣ. Будемъ и мы держаться духа такой Его любви; и намъ или Ему въ насъ также не будетъ помѣхою фальшиво-человѣческое, въ нашемъ служеніи Христовой спасительной для грѣшныхъ истинѣ и благодати. Это второе. У васъ вышло блѣдно и довольно безжизненно толкованіе словъ А. Павла о крестѣ Христовомъ.

Вотъ еще что нужно вамъ добавить къ вашему: „далось ему покаяніе“! Да! Каяться необходимо должно. Но для этого напередъ надо знать въ чемъ каяться, — надо понять, въ чемъ мы невѣрны Христу, гонимъ духъ Его въ своихъ дѣлахъ, мысляхъ и расположеніяхъ, увы—иногда и въ самомъ направленіи нашей вѣры и ревности. Этому и можетъ, и хотѣла бы послужить книга „О православіи въ отношеніи къ современности“. Это третье!

Наконецъ не мѣшало бы остановиться на вопросѣ, гдѣ корень озлобленія на меня въ Аскоченскомъ и его братіи. По моему, корень этого—въ незнаніи и нехотѣніи знать существа дѣла Христовой благодати и истины или Православія и въ образовавшемся отсюда направленіи, противномъ

направленію истины Христовой. Это выводъ изъ всѣхъ предъидущихъ моихъ замѣчаній.—Брате мой! какъ бы нужно было бы поднять вопросъ о направленіяхъ въ дѣлѣ вѣры, мысли, науки, жизни. Тѣ, которымъ я предлагалъ это, прилебregли этимъ. А между тѣмъ этотъ вопросъ надо рѣшить прежде другихъ вопросовъ, чтобы вѣрно рѣшать и эти послѣдніе. Ну, вотъ напр. возьмемъ вопросъ объ улучшеніи быта духовенства. Это вѣрно, что наиболѣе простыхъ способовъ къ этому надобно искать (и упорядочить ихъ) въ самыхъ приходахъ. Но пока не будемъ выяснять и выдерживать мы должнаго духовнаго направленія относительно приходовъ, они не дадутъ намъ требуемыхъ способовъ; а прежде, и въ періодъ гоненій, давались эти способы, когда и послѣднее церковное служеніе (въ родѣ нашего пономарства) было... не наемническое, а свободное служеніе по дару самой благодати и въ духѣ любви Христовой, спасенію человѣка. Жалко мнѣ, что Александру Михайловичу не даютъ развернуться по прямому направленію истины. Прочтите ему мое письмо до конца, пусть хоть въ самомъ себѣ идетъ у него дѣло впередъ соотвѣтственно благородному его духу и таланту!

Простите меня грѣшнаго! Цѣлую Васъ обоихъ и съ Катинькою.

Вашъ А. Феодоръ.

Владиміру Ивановичу Головину моя искренняя благодарность за книжку его, служащую прекраснымъ выраженіемъ для меня доброй его памяти обо мнѣ.

25.

Ну, Братъ Александръ Алексѣичъ и Сестра Екатерина Петровна,—доходитъ дѣло мое, до того, что [бы] прибѣгнуть къ послѣдней и рѣшительной мѣрѣ—распроститься съ званіемъ. Евграфъ Ивановичъ на дняхъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ извѣщаетъ о слышанномъ отъ Чистовича, что предпринятое и уже начатое печатаніемъ изданіе моихъ „Исслѣдованій объ Апокалипсисѣ“ запрещено Синодомъ. Выходитъ, дѣло кончено. Прошу васъ передать это г. Овсяникову, если онъ еще не знаетъ; да когда уже рѣшительно будетъ извѣстно это синодальное постановленіе—узнать, куда дѣвнуть мою

рукопись, и въ Цензурномъ Комитетѣ, если ему будетъ указъ изъ Синода, или чрезъ Синодальнаго экзекутора Николая Андреевича Лебедевича—Древскаго, который, помните, провожалъ меня, прошу списать для меня самое постановленіе. Рукописью, если можно будетъ завладѣть (думается мнѣ, что пришлютъ ее въ Ценз. Комитетъ), непременно овладѣйте, какъ мой довѣренный. Не отяготитесь, родной мой Александръ Алексѣичъ, (но и не слишкомъ захопочивайтесь, а такъ, тихимъ шагомъ идите) этими розысками и трудами по вопросу, получающему уже такое значеніе „быть или не быть“. Не бросать же намъ слова Божія; лучше брошу себя самого.

— Объ этомъ и довольно.

Нѣсколько еще словъ о брошюрѣ вашей въ мою защиту. Я говорилъ уже собственно о полемической сторонѣ этой книжки. Теперь, мой другъ, хочу передать вамъ мои мысли (для вашего обсужденія, смотрите, опасливаго и спокойнаго) объ одномъ предметѣ, раскрываемомъ вашей книжкою; беру этотъ предметъ безотносительно къ полемикѣ, а самъ по себѣ. Намъ съ вами нужна и дорога чистая истина. Буду предъ вами, какъ подсудимый; а вы, какъ судья, разбирайте сами дѣло. Я не могу согласиться, Александръ Алексѣичъ, съ той идеей (ходячей у насъ, взятой вами изъ сочиненія „Оконечныхъ причинахъ“³³⁾ и потому, очевидно, раздѣляемой и Ректоромъ Московской³⁴⁾ Академіи и Митрополитомъ самимъ³⁵⁾ и покойнымъ Θεодоромъ Александр.,³⁶⁾ которые всѣ перечитывали сочиненіе покойнаго Дмитрія Григорьича³⁷⁾ по статьямъ)—не могу согласиться съ идеей, будто грѣхъ въ чловѣкѣ слегка коснулся духа, притупившись (чрезъ преимущественное раскрытіе своей раслительности) въ тѣлесности. Это все клонится къ униженію тѣла предъ духомъ, не по природѣ ихъ, а по отношенію къ самому нравственному злу. Тутъ слышу я въ духѣ аристократическія или помѣщичьи стремленія держать мужичество тѣла въ крѣпостной зависимости; но это не позволить Царь Христось, наравнѣ взявшій и тѣлесность чловѣческую вмѣстѣ съ духомъ—въ Свою

³³⁾ Дм. Гр. Левскаго.

³⁴⁾ Прот. А. В. Горскимъ.

³⁵⁾ Филаретомъ

³⁶⁾ Прот. Голубинскимъ.

³⁷⁾ Левицкаго.

Богочеловѣческую личность и потому издавшій какъ бы такой указъ для духа человѣческаго: „держи свое благородство, какъ духъ, родной уже мнѣ; выдерживай себя и предъ тѣлесностью, какъ именно духъ—сущность самодѣйственная и тончайшая, движущая тѣло; но, Боже сохрани тебя отъ того, чтобы опускаться при этомъ изъ виду родство и самой тѣлесности съ моимъ Богочеловѣчествомъ и так. об. закрѣплять ее за собою, какъ какого мужика крѣпостнаго за барининомъ. Будь, какъ высшій, относительно тѣлесности,—оживляй и движи ее; иначе ты отвѣтишь не за себя только, но и за нее—не смотри и на нее, какъ на чуждую благородства по самой своей (нормальной) природѣ, а главное—какъ, и при самой немощи то своей, уже родную всевысочайшему благородству Единороднаго, воспринявшаго тѣлесность въ единство своего Богочеловѣческаго лица“. Скажете: а какъ же подвижники просто ругали тѣло, какъ раба лѣниваго, непокорнаго, злаго?—Отвѣчаю: это-то и вводитъ въ заблужденіе нѣкоторыхъ; подвижники смотрѣли на тѣло не отвлеченно отъ движущаго его духа, безъ котораго тѣло—мертвый прахъ; они, какъ сообщники Христовы, стремящіеся болѣе и болѣе усвоить Его себѣ съ Его благодатію, царственно-властительное,—выражали въ самой своей строгости надъ тѣломъ еще большую строгость надъ своимъ духомъ, дозволяющимъ себѣ въ тѣлесности упасть до ея инерціи. Вотъ на позднемъ Западѣ стали строгость болѣе или менѣе ограничивать тѣлесностью и потеряли духъ истинно-православной строгости; мы и въ этомъ, какъ во многомъ другомъ, упадаемъ до духа Западнаго. Не хорошо у Аскаченскаго собственно это (Кіевское) раздѣленіе духа, души и тѣла; *духъ*, когда отдѣляется или отмѣчается въ Писаніи отъ души, это есть сила или благодать того, что бываетъ и совершается и есть въ человѣкѣ—*истинно по Христу и со Христомъ*, относится ли оно къ тѣлесной или къ духовной сторонѣ человѣческаго существа. *Бысть первый Адамъ* (весь съ духов. и тѣлесн. стороны) *въ душу живу*, говоритъ Апостоль, *последній Адамъ* (относительно и души, и тѣла) *въ духъ животворящъ*.

Но, говорите вы въ книжкѣ, Павелъ находилъ и испытывалъ окаянство именно въ *тѣлѣ смерти сея*. У васъ, позвольте сказать, это разобрано, по моему, очень недостаточно.

Первый недостатокъ тотъ, что у васъ отнесено это сознаніе окаянства просто къ самому Апостолу. Но весь ходъ рѣчи Апостольской (въ VII гл. посл. къ Рим.) показываетъ, что Апостоль говоритъ въ первомъ лицѣ (сначала множеств. числа, а потомъ единственнаго) отъ лица вообще человѣчества спасаемаго, пережившаго уже состоянія и до закона, и подъ закономъ, и введеннаго уже въ состояніе благодати (Прочитайте сами ст. 7—9 и сличите съ 24: въ послѣднемъ такъ же я разумѣется, да и говорится о немъ то же, что въ 9 ст.). Извольте усмотрѣть, дѣло въ чемъ: Апостоль раскрываетъ, что дѣйствуя по направленію подзаконнаго состоянія (т. е. по направленію — стремиться исполнять долгъ и, по мѣрѣ успѣха въ этомъ исполненіи долга, считать себя уже правымъ или спасеннымъ); далеко не уйдешь по пути правды, изорвешься весь въ своихъ усиліяхъ исполнить какъ слѣдуетъ долгъ законный, но все-таки, какъ уже чуждый первобытной въ человѣкѣ жизни Божіей, не исполнишь этого долга въ живой его силѣ—въ силѣ самой Божіей жизни и найдешь себя въ безвыходномъ окаянствѣ; это испытало уже все спасаемое человѣчество, насколько оно въ подзаконномъ состояніи держалось не благодатнаго направленія, а просто усиливалось исполнить законный долгъ. Это испыталъ и Павелъ до христіанства,—пожалуй то же сталъ бы испытывать онъ и въ Христіанствѣ (подобно напр. намъ грѣшнымъ), если бы (подобно намъ) сталъ держаться прежняго іудейскаго направленія дѣлать дѣла правды и спасенія просто только, какъ законный долгъ, съ исполненіемъ котораго ты уже и правъ,—а не такъ бы совершалъ дѣла правды (отъ простого тѣлеснаго трудолюбія и изнуренія тѣла до своихъ райскихъ созерцаній), какъ въ этихъ самыхъ дѣлахъ правды приобрѣталъ бы и усвоялъ себѣ самого Христа—единственную нашу правду. Вникните ради Бога хорошенъко въ это; въдь вопросъ о надлежащемъ направленіи относится не къ тому только, когда вы подаете милостыню мнѣ грѣшному или кому другому и т. под., но и къ занятіямъ ученымъ, ко всему дѣлу мысли и науки, которое, безъ сомнѣнія, не захотите выводить изъ области правды.—Ну такъ понимаете вы первый вашъ недостатокъ? Другой недостатокъ у васъ тотъ, что въ апостольскихъ выраженіяхъ: *тѣло смерти сея*,—*законъ дѣйствующій во удыхъ* и под., вы понимаете не со-

всѣмъ по апостольски, какъ мнѣ кажется. Апостоль смотритъ на грѣхъ, какъ онъ дѣйствуетъ въ человѣкѣ, смотритъ на это не отвлеченно, а какъ есть, въ самой живой дѣйствительности. Дѣйствительность же нашей жизни такова, что не только тѣла нельзя отвлекать отъ оживляющаго и движущаго его духа (иначе тѣло будетъ прахъ мертвый и слѣд. не относится уже къ жизни), но и самый духъ (разумѣю, какъ знаете изъ вышесказаннаго, всю духовную сторону нашего существа) живетъ и внутренно и вовнѣ не иначе, какъ внѣдренный въ тѣлесность и потому пользуясь ея органами, движа ихъ и въ свою очередь завися отъ нихъ. Послѣ этого представьте же себѣ дѣйственность и раскрытiе грѣха въ самой живой дѣйствительности, а не отвлеченно: и вы увидите въ этомъ грѣхѣ, какъ какой-то *смертоносный законъ*, дѣйствующій въ самыхъ удахъ и органахъ тѣлесныхъ и дѣлающій потому изъ нашего тѣла тѣло смерти; и не потому это, что будто въ тѣлесности преимущественно раскрывается (хотя бы только для своего притупленiя) грѣховность, а потому, что всякая духовная дѣйственность, принадлежа глав. обр. духу нашему, не можетъ быть у человѣка, въ настоящей жизни, живую дѣйственностью иначе, какъ въ тѣлесности человѣка, въ ея удахъ и органахъ. (Возьмите напр. самую мысль нашу; повредится мозгъ—и тогда какъ эта дѣйственность духа, т. е. мысль будетъ раскрываться въ человѣкѣ, не внѣ только, но и внутри его?!). Обсудите и это, Братъ мой дорогой;—мнѣ желательно было бы, чтобы и Екатерина Петровна имѣла въ этой вашей работѣ свою мѣру участя. Вы тутъ можете увидите, какая великая доля правды есть и въ матеріализмѣ, при настоящемъ состоянiи противоположныхъ ему воззрѣнiй.

Не скрою отъ васъ и себя и того, что Апостоль представляетъ избавленiе тѣла, какъ нѣчто еще желанное и ожидаемое (Рим. VIII, 23); тѣло духовное будетъ уже по всеобщемъ воскресенiи, говорить онъ.—Видно, скажетъ кто-нибудь, тѣлу еще теперь не вполне доступно состоянiе по Христу, которое уже и теперь сообщило бы ему свою духовность; значить въ немъ грѣховности больше или она въ немъ глубже, чѣмъ въ духѣ.—А въ самомъ то дѣлѣ, отвѣчая, Ап-ль только разграничиваетъ настоящее наше состоянiе вообще, а не по одному тѣлу (которое т. е. тѣло относи-

тельно жизни, Ап-ль имѣеть въ виду всегда, какъ оживляемое и движимое духомъ, а относительно нашей смерти, какъ такую сторону нашего существа, безъ которой самый духъ чувствуетъ себя точно будто еще нагимъ,—такъ существенна у него потребность „попріодѣться“ въ тѣло) отъ будущаго нашего состоянія, и только въ этомъ отношеніи представляется настоящее еще далеко несовершеннымъ или недостигшимъ своего назначенія. Дѣлая подобное разграниченіе настоящаго отъ будущаго, Апостоль и самое состояніе, *со Христомъ быти*, относить только къ загробной жизни (ст. 23, 1 гл. Филп.), а теперь *въ тѣлѣ*, говоритъ, *отходимъ отъ Господа* (Кор.), очевидно не тѣломъ, а самую душу,—и не по грѣховности, а по духовно-физическому порядку, въ основаніе и первообразъ котораго и Самъ Спаситель *во днѣхъ плоти* представлялъ Себя только еще идущимъ ко Отцу, отъ Котораго Онъ пришелъ въ міръ (Іоан. XVI, 28): не грѣховность же тѣла Его, какой не было, отдаляла Его отъ открытаго сопребыванія, по самому челоуѣчеству, (не по тѣлу только, а и по душѣ), со Отцемъ. Скажу главное: грѣхъ притупляется въ нашей тѣлесности развѣ только потому, что страдаетъ немощами тѣла и наконецъ самую его смертію, *взрвующій* не только по волѣ, но и помимо своей воли (по словамъ молитвы: *хощу или не хощу, спаси мя*) вводится въ общеніе страстей Христовыхъ, которыми одними притупляется жало грѣховное... Тутъ имѣеть мѣсто бездна Христовой благодати относительно насъ грѣшныхъ, въ притупленіи жала грѣха и лжи—во всемъ, и въ гражданствѣ, и въ наукѣ, и во всякомъ родѣ жизни. Внѣ связи съ тѣломъ, съ нашимъ грѣховнымъ духомъ, кажется, и самой благодати не совладать бы, такъ что и самая связь нашего духа съ тѣломъ есть для насъ благодать. Вотъ что! Слава нашему Создателю! Простите вашего А. Ѳ.

Р. С. Предводитель Сергѣй Ивановичъ съ дочерью Анною Сергѣевной вамъ кланяются. Онъ хочетъ что-то послать вамъ письменнаго. Я часть читалъ, и отсовѣтовалъ ему; но онъ всетаки обратится къ вамъ. Участьемъ сердца не откажите ему за сочувствіе намъ. Цѣлую Катиньку и кланяюсь Надеждѣ Петровнѣ съ Павломъ Петровичемъ и Ольгой Петровной. Простите еще разъ вашего Феодора.

26.

Добрые мои Александръ Алексѣвичъ
и Екатерина Петровна!

Благодарю за письмо ваше, выражающее столько участія во мнѣ. Вы говорите, что надо остановиться на вопросѣ: что можно сдѣлать въ настоящемъ моемъ положеніи, и что можно имѣть въ виду въ предполагаемомъ чрезвычайномъ состояніи. Я думаю болѣе вотъ о чемъ: не рѣшаясь на этотъ шагъ, которымъ измѣняется все направленіе моей судьбы, я *призналъ бы* распоряженіе Синодальное относительно дѣла объ Апокалипсисѣ, а это распоряженіе, удерживая мою рукопись въ архивѣ, мѣтитъ не на одни недостатки ея, которые не имѣютъ характера неисправимости, а на закрытіе Апокалипсиса для моего истолкованія; съ этимъ распоряженіемъ соглашаться значитъ, по моему, выдавать дѣло Церкви и слова Божія изъ-за личныхъ опасностей и страховъ. Я не могу убавлять свою совѣсть тѣмъ, что пока терпѣть только *мое* истолкованіе апокалипсиса: эта стражба досталась мнѣ,—я и долженъ ее отстаивать. Кому и когда еще придется вступить въ такое же дѣло,—я не знаю; а до того времени книга Слова Божія, которую именно не велѣно запечатывать или закрывать (ибо, сказано, *время близко*), остается все подъ спудомъ...

Виды же мои на будущее, относительно личности моей, состоятъ въ томъ, что не вижу еще себѣ мѣста даже голову приклонить; обстоятельства мои и практичность въ жизни, хотя бы въ отношеніи къ изданію сочиненій и участію въ журналахъ, вамъ извѣстны; буду ждать, пока вы, Александръ Алексѣвичъ, сдѣлаетесь издателемъ и редакторомъ такого журнала, въ которомъ одна половина посвящалась бы раскрытію истины Христовой въ направленіи снисхожденія ея съ неба на землю, а другая обзрѣвала бы всю современную въ Россіи письменность и журналистику и особенно свѣтскую, чтобы, гдѣ ни путался бы человѣкъ, вездѣ кричать ему и протягивать братскую руку. Вотъ и все! А тамъ что Богъ дастъ!

Николаю Андреичу, съ моимъ искреннимъ къ нему и его супругѣ почтеніемъ, предложите вопросъ о томъ, всегда ли

или всё ли просьбы въ Синодъ пишутся на гербовой бумагѣ, и какой именно цѣны. Я послѣднее запомнилъ.

27 марта 1862 г.

Сергѣй Ивановичъ и его дочь съ любовію и уваженіемъ вамъ обоимъ кланяются; я имъ прочиталъ ваше письмо.

Маминька у меня больна до смертной опасности.

Статью мою, запрещенную по отзыву Карпова, я пересмотрѣлъ согласно съ его замѣчаніями и послалъ снова въ цензуру съ тѣмъ, чтобы именно Вы, Александръ Алексѣичъ, получили ее обратно. Понавѣдуйте, при случаѣ, о ней; настоящее заглавіе ея: „къ свѣдѣнію и обсужденію любящихъ истину“. О рукописи: *О міротвореніи*, ни слуху, ни духу, хотя я писалъ и Хитрову, какъ знаете, и Старчевскому.

Александръ Николаевичъ, какъ и вашей Мамашѣ и брату съ сестрой и всѣмъ знающимъ меня передайте мои поклоны.

Катинькѣ Божіе благословеніе!

Вашъ А. Теодоръ.

27.

Родные мои

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

28-го Марта маминька моя, раба Божія *Марѳа*, отошла въ другой міръ. Сотворите любовь,—помолитесь о ней; особенно когда бываете, Александръ Алексѣичъ, въ священнодѣйствіи литургіи.

Больше на этотъ разъ сказать нечего. Исполните ради Бога порученіе, о которомъ писано въ предъидущемъ письмѣ относительно прозевъ въ Синодъ; впрочемъ не отягощайтесь, а полегоньку, да потихоньку—приобрѣтите и сообщите нужныя мнѣ свѣдѣнія.

Въ „Сынъ Отечества“ послалъ я еще маленькія статейки въ великій постъ; ни слуху, ни духу о нихъ. И *О міротвореніи* нѣтъ извѣстій, хотя я писалъ объ этомъ самому Старчевскому. Не знаю, что и думать обо всемъ этомъ.

Простите, мои родные.—Кланяюсь всѣмъ вашимъ роднымъ. Помяните мою маминьку, и о. Леонида попросите объ этомъ, свидѣтельствуя ему мое почтеніе. Вашъ во Христѣ

А. Теодоръ.

2 Апрѣля
1862 г.

Р. S. Статью о критикѣ Хитрова, если она пройдетъ цензуру, удержите пока у себя, не отдавайте въ редакцію „Сына Отечества“,—только увѣдомьте меня. Катиньку малинскую цѣлую. Простите еще разъ и примите мое поздравленіе съ наступающимъ великимъ Праздникомъ Пасхи.

Въ редакціи „Сына Отечества“ возьмите, если можно, и мои замѣтки по поводу статьи Антоновича. Можетъ быть, и цензура не задерживаетъ ли? Можетъ, и редакція не находитъ годными для себя нѣкоторыя мои статьи? Не стѣснялись бы, а просто возвратили бы намъ эти статьи. И если уже, вѣроятно, печатаютъ „О міротвореніи“, то уплатимъ за нихъ и другими статьями.

28.

Добрые мои

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Христосъ съ Вами!

Сначала будемъ говорить о вашихъ (говорю о васъ обоихъ, чтобы вамъ въ Господѣ Иисусѣ ни въ чемъ не отдѣляться другъ отъ друга) о *вашихъ* запросахъ. „Жизнь Святителя Тихона“³⁸⁾—дай Богъ вамъ написать и лучше и скорѣе! Вамъ угодно знать мои мысли объ этомъ предметѣ? На основаніи твореній Св. Тихона: „Сокровище духовное, отъ міра собираемое“,—я давно уже смотрю на Святителя, какъ на такого Божія Угодника, который въ духовномъ своемъ совершенствѣ или Богоугожденіи, далекъ былъ духа безпощадныхъ приговоровъ на мірское и земное; онъ напротивъ, слѣдуя видно Сошедшему съ неба на землю и Взошедшему потомъ на небеса уже съ земнымъ человѣческимъ естествомъ, въ которомъ Онъ вынесъ въ Себѣ все мірское зло,—Святитель одушевлялся такимъ духомъ, чтобы собирать и духовное сокровище отъ міра. Потому и въ чудотвореніяхъ его я особенно останавливаюсь на двухъ, весьма знаменательныхъ случаяхъ. Одна женщина въ своей болѣзни совсѣмъ охладѣла или помертвѣла для жизни, для родныхъ самыхъ близкихъ и дорогихъ; ей казалось, что не только вся земля, но, помнится, и небо осквернены, что самые люди стали какъ будто не людьми, а являются Богъ въстѣ чѣмъ. Но когда ей, по молитвамъ Святителя, Богъ далъ здоровье (это

³⁸⁾ Напечатанъ въ 1865 г.: „Святитель Тихонъ Задонскій“. Спб.

было въ часовнѣ, гдѣ могилы Георгія Затворника и другихъ подобныхъ), то она прежде всего почувствовала, что Богъ возвращаетъ ей родныхъ, и съ любовію поклонилась въ землю матери родной. Вотъ если бы исцѣлилъ Господь эту современную болѣзнь, по которой забыли о томъ, что Сынъ Человѣческій, какимъ сталъ за человѣковъ Самъ Сынъ Божій Единосущный, усвоилъ человѣкамъ въ человѣческихъ родственныхъ отношеніяхъ Самого Своего Отца небеснаго въ силѣ Самого единосущнаго Отцу и Сыну Духа Святаго!! Да грѣхъ нашъ мѣшаетъ намъ воспользоваться? Но слава Христовой благодати, что Онъ пришелъ грѣшниковъ спасти и что не здравнѣ, какими воображали себя фарисеи, требуютъ врача себѣ, а болящія, мытари и язычники.—Другой случай—это явленіе, видѣнное тоже больною и едва ли не тою ли же самою, когда обносили кругомъ храма Божія свят. мощи,—явленіе Ангела Божія, сначала грустнаго и скорбнаго, смотрящаго на небо съ глубокою печалію, а потомъ сіяющаго радостію... Когда духъ Святителя Тихона, доселѣ связанный и стѣсняемый этимъ убійственнымъ направленіемъ осужденія мірскаго и земнаго, беззаботности о возвышеніи его до той во Христѣ высоты, чтобы и отъ міра собирать духовное сокровище,—этотъ духъ Тихона восторжествуетъ благодатію Христовою надъ духовными оковами, отяготѣвшими въ Россіи на духъ православія: то ей и аминь, радость будетъ и Ангеламъ Божиимъ. Если вамъ угодно, имѣйте въ виду мои мысли при написаніи „жизни“ молящагося за насъ Божія угодника Тихона.

Какъ, спрашиваете, Господь вынесъ на Себѣ грѣхи міра?—Такъ, что Своимъ человѣчествомъ, соединеннымъ *въ одно лице*, въ одно „я“ съ Божествомъ Его или съ единосущіемъ Отцу,—Господь былъ въ состояніи даже оставленія отъ Отца, любовь Котораго почиваетъ въ Немъ всею полнотою по самому существу и только ради Его простирается на созданія. Къ разнообразнымъ видамъ того же состоянія, сосредоточеннаго всею своею силою во время Его распятія, относится и весь крестоносный путь Спасителя отъ самого Его зачатія, всѣ виды Его истощанія. Но только грѣхъ рѣшительно чуждъ благоволенія Отца,—которое одно даетъ и содержитъ, по крайней мѣрѣ, самое только бытіе всякаго созданія,—только грѣхъ истинно оставленъ отъ Отца, состоитъ именно

въ отчужденіи отъ духа Его любви. И такъ, Христа, *невѣдшаго грѣха*, Отець небесный *грѣхомъ сотвори*; такъ именно и вынесъ Господь грѣхи міра всего, сколько это зависитъ отъ самой Его любви,—другой уже вопросъ, сколько мы усвоаемъ себѣ такую Его благодать. Муки ада, вѣчное отверженіе созданій невѣрныхъ, если вдуматься хорошенько, далеко, далеко не входятъ въ мѣру оставленія Отцемъ Христа Сына Божія; вѣдь всѣ созданія, во всѣ времена и въ вѣчности, только въ Сынѣ Божіемъ *состоятся*, только Имъ стоять и стоять могутъ.

Что касается до проявленія благодати и щедрости Христовой въ человѣческой тѣлесности,—это можете выяснитъ себѣ тѣмъ, что относится къ маленькой вашей Катѣ въ настоящемъ ея возрастѣ. То впрочемъ уже прежде всего разумѣется, что *тѣло безъ духа мертво* и бездѣйственно *есть* (но и мертвое тѣло, въ общеніи смерти Христовой, причастно и жизненности Христовой, — доказательство этого св. мощи). Но обратимся мыслію къ Катинькѣ. Ну, что вы подѣлаете съ нею въ отношеніи къ мысли ея, къ ея самосознанію, котораго нѣтъ еще и безъ котораго сердечныя движенія не разграничиваются еще совершенно отъ животныхъ инстинктовъ? Вы видите жизнь вашей малютки почти лишь настолько, насколько она проявляется въ ея тѣлесности и въ жизненныхъ стравленіяхъ послѣдней, къ которымъ относятся и дѣйствія внѣшнихъ чувствъ. Но вы, кормя напр. ребенка своего или держа его на рукахъ, или сберегая спокойствіе его сна и вообще здоровье малютки, не теряете изъ вида, что это дитя, вѣдь, ради любви къ намъ Спасителя, по дѣйствию Его благодати есть чадо самого Отца небеснаго; вы это помните, съ сокрушеніемъ хотя по временамъ и о грѣховномъ наслѣдіи, отъ васъ перешедшемъ къ безцѣнному дитяти, и опять съ неослабною, живою и умиленною вѣрою во вземлющаго грѣхи міра Агнца Божія. Что вы думаете, тогда произойдетъ? Тѣлесное кормленіе, успокоеніе, здоровье или расстройство здоровья и покоя? все это, относящееся къ тѣлесности и въ малюткѣ еще не достигающее до самосознанія духа,—будетъ непрерывнымъ проводникомъ для малютки Благодати Господней, той именно Благодати, что Онъ за человѣка былъ и самъ малюткою; и дитя ваше будетъ возрастать по первообразу и духу Егоже, въ человѣ-

чествѣ тоже, возраставшаго *премудростію и разумомъ и благодатію у Бога и чловѣковъ*. (Тихо и кротко, умиленно надо это дѣлать въ своемъ сердцѣ и мысли!)—Подумайте, сколько духовно-безсознательныхъ и несмысленныхъ, этихъ ребятъ духовныхъ. На мысль ихъ дѣйствовать мудрено; но духовно-отеческая или материнская любовь можетъ и до нихъ добираться, угощая напр. въ лицѣ ихъ или кого-либо изъ нихъ самого Христа.

Теперь скажу о себѣ. Непремѣнно достаньте мнѣ копию съ отзыва, по которому мой грудъ Объ Апокалипсисѣ запрещенъ; это возлагаю на вашу любовь. Еще, разспросите Николая Андреевича экзекутора о всемъ порядкѣ дѣла о разстриженіи и немедля увѣдомьте меня; хорошо, если узнали бы вы въ какомъ смыслѣ просилъ разстриженія года два тому назадъ одинъ казанскій архимандритъ,—именно Мелетій.—Изъ этого, видите, какъ я готовлюсь и радъ принять свое назначеніе въ Муромъ.

Всѣмъ, или почти всѣмъ, добрые мои, я чужой духовно. Такъ тому и быть.

О статьяхъ (не одной, а двухъ, въ цензурѣ находящихся, о *Новомъ Заветѣ* и еще касательно Антоновича) навѣдывайтесь, и сколько отъ васъ зависитъ, двигайте это дѣло ради Господа,—ради Его чловѣколюбія. Александра Михайловича я уважаю и люблю, какъ рѣдко кого; но дѣло „Православ. Обзорнія“ нейдетъ впередъ, и талантъ „А. Троицкаго“ не получаетъ свойственнаго ему дѣла, къ крайнему моему огорченію.

Я писалъ кое-что о нѣкоторыхъ журналахъ, и отослалъ писанное въ „Дух. Вѣстникъ“. Писалъ еще о Тургеневскомъ романѣ „Отцы и дѣти“, и отослалъ сегодня въ „Русскій Вѣстникъ“³⁹⁾. Но *это знайте пока одни* (выполните это), доколѣ не увидите въ печати. А „О міротвореніи“ что?.. Ну простите Вашего А. Θεодора.

25 мая 1862 г.

PS. У меня братъ Арсеній гостить; вамъ съ любовію кланяется.

29.

3 іюня 1862 г.

Братъ мой Александръ Алексѣичъ и сестра Екатерина Петровна съ дѣточкой!

³⁹⁾ Ст. напечатана въ кн. „(1) современныхъ потребностяхъ мысли и жизни“. М. 1865 г.

Очень благодаренъ я вамъ за присылку мнѣ отзыва о моихъ „Исслѣдованіяхъ Апокалипсиса“. Признаюсь, — пока я зналъ, этотъ отзывъ только по немногимъ вашимъ же словамъ о немъ, я соглашался съ нимъ во всемъ существенномъ, какъ последнее представлялось мнѣ. Прочитавъ самый отзывъ вижу, что ученый духовный мужъ, по мнѣнію котораго основано рѣшеніе Синодское о запрещеніи не только печатать, но и возвратить мнѣ мое сочиненіе, какъ вредное; — даже и *общаго толка* не объяснилъ себѣ въ моемъ трудѣ. Мерещится ему, что у меня тотъ или другой образъ апокалипсическій значить Магомета, Павла I-го, Екатерину имп. д., тогда какъ я и стою за то, что въ Апокалипсисѣ раскрывается собственно духъ и сила Новозавѣтныхъ судебъ и временъ, и что, потому, указаніе на лица имѣеть свой смыслъ только въ томъ отношеніи, насколько эти лица послужили къ проявленію духа своихъ временъ. Былъ случай, когда къ А. Петру приразился сатана, и Господь имѣя въ виду собственно этотъ сатанинскій духъ назвалъ Петра сатанною; ужели слѣдуетъ изъ этого, что самый сатана есть Петръ? Вотъ такіе то странные выводы и дѣлаетъ отзывъ противъ моихъ „исслѣдованій“. Друзья, друзья! Развѣ я когда говорилъ вамъ о моей непогрѣшимости? что же вы мнѣ толкуете: „ну, а если твое изъясненіе Апок. не оправдывается истиною?“ Я знаю одну истину и одного ея учителя — Самого Спасителя; мнѣ радость, когда Онъ одинъ, и въ отношеніи къ моему труду объ Апокалипсисѣ, окажется истиною. Но все же я открыто предъ всѣми скажу, что сужденіе о судьбахъ Церкви Новозавѣтной съ точки зрѣнія вѣтхозавѣтной, останавливающейся на чувственныхъ личностяхъ и народностяхъ, а еще не проникающей въ самый духъ и силу дѣла, есть сужденіе фальшивое, какъ бы ни былъ ученъ или сановитъ въ Церкви разсуждающій подобнымъ образомъ. Тотъ или другой Архіерей или весь Синодъ, признавая въ себѣ отсутствіе этого вселенски-Божественнаго качества — *непогрѣшимости*, — будутъ вѣрнѣ истинѣ и святѣ сами по себѣ, нежели ревнуя, по вашему, о выходѣ отъ нихъ будто бы только непреложно-священныхъ судовъ и совершенныхъ произведеній.

По сей же почтѣ посылаю 1, прошеніе въ Синодъ о разстриженіи и 2, представленіе (или записку) о запутанности

дѣла, касающагося моихъ „изслѣдованій объ Апок.“,—запутанности и въ отношеніи къ книгопродавцу г. Овсяникову, и по важнымъ недосмотрамъ самой критики моего труда, послужившей основаніемъ запрещенія, и по близкому отношенію къ смыслу Апок. (какъ я его разумѣю) другой библейской книги, именно 3 кн. Ездры. Закключаю свое представленіе тою мыслию—предавая послѣднюю на благоразсмотрѣніе и благоизволеніе Самого Синода,—не лучше ли возвратить мою рукопись мнѣ для пересмотра, если угодно, такую, чтобы отнять и поводы къ такимъ недоразумѣніямъ, въ какія впала критика Антонія. Само собою разумѣется, что никто не могъ бы вынудить отъ меня свѣдѣнія, откуда досталъ я эту критику или отзывъ, хотя въ этомъ и нѣтъ ничего опаснаго для кого бы то ни было.

„Руки вамъ свяжу“,—говорите обо мнѣ вы, разумѣя мое рѣшеніе выйти изъ священнаго званія. Нѣтъ; связанные еще руки нечего вязать снова. Хотите ли быть свободны,—имѣйте въ виду Самого Спасителя, — какъ единственнаго Учителя нашего, и именно помните и усвойте себѣ тотъ Его духъ, по которому Онъ сошелъ въ нашъ земной міръ изъ небснаго даже монастыря не равноангельскихъ монаховъ, а самихъ св. Ангеловъ въ IX чинѣ. А пока еще занимаютъ васъ не столько прямыя воззрѣнія къ Самому Господу — единому Человѣколюбцу, единственной правдѣ и премудрости нашей, сколько разныя идейки о синтезѣ, да анализѣ напр.; то вы еще столько связаны въ своемъ умѣ и работахъ умственныхъ, что не замѣтите въ Моисей напр. Александровичѣ разумѣнія Христовой истины, пожалуй—и основательнаго и многосторонняго, но трактующаго эту истину, какъ мертвые факты по мертвымъ памятникамъ. Тутъ ужъ дѣло не въ анализѣ. Съ другой стороны, будете напр. и меня винить въ односторонности синтеза, какъ это вы сдѣлали въ прошедшемъ вашемъ письмѣ, рассуждая о моихъ изслѣдованіяхъ по Апок.; а между тѣмъ въ *подробныхъ* истолкованіяхъ Св. Писанія вообще и въ частности Апокалипсиса я несравненно болѣе дѣйствую анализомъ, чѣмъ синтезомъ. Куда же дѣнется ваша теорія съ синтезомъ и анализомъ?.. На первый разъ вы попадете съ этой теоріей на тотъ путь, чтобы вразумлять меня, что, по дѣлу Апок., сердиться не на кого, что, если считаютъ вреднымъ

мое сочиненіе до того, что надо было удержать его въ цензурномъ архивѣ на ряду съ разными бреднями или умственными буйствами,—это такъ, ничего,—заниматься подобнымъ сочиненіемъ еще можно съ доброю надеждою... Чтожь дѣлать дѣлать, если синтезъ проклятый испортилъ все мое дѣло?..

Говорю все это съ улыбкою мира и любви, а не досады и гнѣва. И впередъ прошу васъ также быть откровеннымъ со мною, за что я очень вамъ благодаренъ.

Слова два о моей рѣшимости, столько, по вашему, гибельной для дѣла истины. У насъ есть двѣ, дѣйствительно гибельныя, бѣды: съ одной стороны, благочестиво мыслящіе и настроенные люди не слѣдуютъ живому духу самой истины, вошедшей съ неба на землю и восшедшей опять на небо уже съ земнымъ, вынесшимъ на себѣ грѣховную ложь міра, естествомъ, не слѣдуютъ до того, что и лучшіе изъ нихъ трактуютъ истину, какъ мертвый фактъ по мертвымъ памятникамъ; а съ другой стороны—занимающіеся земнымъ въ мысляхъ своихъ и въ жизни, не знаютъ ни истины, ни гуманности Воплощеннаго въ земное естество и Царствующаго надъ міромъ не просто по своему всевластію, а и чрезъ принятіе на себя вины и смертоносности всякихъ мірскихъ мятежностей, такъ что никому и ничему нельзя выбиться изъ-подъ Его державы никомъ образомъ. Вотъ я эти мысли раскрываю и раскрывалъ во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ, такъ же какъ и въ изслѣдованіяхъ объ Апокалипсисѣ. Но кто же меня слушаетъ? Самые преданные мнѣ бываютъ таковы всего чаще только дотолѣ, пока дѣло не дойдетъ до дѣйствительной пробы. Такъ мало выдерживаютъ обыкновенно эту испытательную пробу, что тѣ же преданные люди оказываются уже какъ будто ничего не слышавшими отъ меня и ни въ чемъ мнѣ не сочувствовавшими. Это и было и доселѣ продолжается у меня. И такъ, видно, лучше испробовать самому уже рѣшительно сойти въ Господѣ съ неба нашего на землю, изъ монастыря въ міръ, и стать въ положеніе или состояніе обществѣтственное съ мірянами и вообще съ занимающимися земнымъ. И вотъ я иду къ разстриженію и, если живъ буду, даже къ женитбѣ. Настроеніе мое, и по стремленіямъ и по затрудненіямъ внутреннимъ, такое же въ настоящихъ обстоятельствахъ, какъ когда я

сряжался идти въ монастырь. Чтожь? Ужели оклавши ручки смотрѣть, какъ нещадно, словно отъ поджоговъ, горитъ дѣло и благочестиво мыслящихъ и занимающихся земнымъ? Если другіе не сочувствуютъ мнѣ въ существѣ дѣла и прочнымъ образомъ, то хоть самому надо идти къ самому средоточію общей пожарной опасности. Дѣло по даннымъ разберется. Вашъ А. Теодоръ.

Р. S. Узнайте отъ Н. Г. Овсяникова, Александръ Алексѣичъ, что онъ думаетъ сдѣлать и извѣстите его о моихъ дѣйствіяхъ.

30.

22-го іюня 1862 года.

Благодарю Бога за все, доброе мои,—благодарю и за то что не стало у меня и васъ. Дѣло въ томъ, что настоящія мои мысли и извѣстная рѣшимость—держатся на силѣ всего моего образа мыслей и духовнаго настроенія. Значитъ, мы взаимно обманывались, когда воображали себя, будто мы единомысленны. Но, слава Богу и за то, что это обольщеніе наше обличилось. Зная, что корень нашего образа мыслей и настроенія духовнаго не одинъ и тотъ же (какъ открылось это чрезъ пробу настоящихъ моихъ обстоятельствъ), скорѣе можно дойти и до прочнаго союза въ самой истинѣ, нежели мечтая о единомысліи, но не узнавая другъ друга въ существенно-важныхъ дѣлахъ; въ послѣднемъ случаѣ не возможенъ прочный союзъ по дѣлу истины.

Слова два на нѣкоторыя ваши мысли. Отвѣтственность и за мірянъ, какъ за духовныхъ, взялъ на себя и уже выполнилъ одинъ, Христосъ Господь. Намъ только нужно усвоить, для своего спасенія, духъ и силу этой Христовой благодати. Намъ надо, если опять самъ Богъ дастъ, принять и успокоить, и въ отношеніи къ мірянамъ, духъ Христова за нихъ самопожертвованія, не узнаваемый уже нынѣ даже болѣе свѣжими людьми изъ духовенства.

Стоять на стражѣ дѣла объ Апокалипсисѣ и вообще дѣла Истины Христовой, съ удержаніемъ мною сана и отношеній настоящихъ, оказалось до того не благонадежнымъ для этого дѣла, что трудъ Объ Апокалипсисѣ запрещенъ въ силу закона, направленнаго противъ безнравственныхъ и зловредныхъ для общества сочиненій,

а въ разумѣніи и примѣненіи истины приходится расходиться съ самыми близкими по духу людьми. Ясно, что надо перемѣнить внѣшній порядокъ этой стражи, а взяться уже за порядокъ прямо духа и истины, хотя бы это казалось столько же безнадежнымъ для дѣла истины, сколько казалось такимъ распятіе Самого Учителя истины, возбуждавшее соблазнъ въ однихъ и признаваемое въ дѣлѣ вѣры за безуміе другими. Вѣдь, существенною прибылію для меня будетъ, если хоть одинъ изъ прежнихъ моихъ друзей не только сознаетъ не прочность и обманъ прежней дружбы по дѣлу истины, но отчетливо примѣнить, что я и теперь не противъ истины. Это, очевидно, будетъ для меня шагомъ впередъ дѣйствительнымъ, а не мнимымъ; а вмѣстѣ это же вѣрнѣе будетъ дѣйствовать и противъ тѣхъ понятій, по которымъ истина, во многихъ отношеніяхъ, находится словно въ плѣну. Вѣдь не личность напр. того или другаго цензора, а господствующія понятія задерживаютъ и тѣснятъ вашу „Духъ Христіанина“. Хоть одинъ изъ васъ—дойди до сущности дѣла въ понятіяхъ; это уже вѣрный шагъ къ исправленію неправильныхъ господствующихъ понятій. Ну, а если и не одного такого не найдется, все таки мнѣ полезно знать это, а не обманывать себя разными сочувствіями.

Если и въ анализѣ моемъ вы находите основнымъ синтезъ; то—знаете ли—и въ анализѣ чьемъ бы то ни было тоже отыщется такой же синтезъ. У меня въ основаніи анализа, положимъ, есть уже синтетическая мысль о Христвѣ, какъ истинѣ. То же и въ анализѣ напр. Добролюбова или Чернышевскаго — выйдетъ основная мысль синтетическая, именно: мысль о томъ, что истина только то, что я самъ (говорю отъ лица названныхъ господъ) осязаю какъ истинное.—Основаніемъ синтеза Моисея Александровича Голубева служить также синтетическая мысль о Христвѣ какъ истинѣ, но мысль, взятая общо и отвлеченно, и потому мертво. У меня же основаніемъ анализа и тѣмъ болѣе сѣменемъ синтеза служить такая мысль о Христвѣ (какъ истинѣ), что къ Ею же истинѣ я отношу и *дознаніе истины только по осязаемости ея для меня* (какъ для Θомы); мало этого, къ самому духу и существу истины отношу и то, чтобы во Христвѣ выносить и бѣду самыхъ заблужденій. И вотъ почему мыслительность послѣдняго рода должна быть жизненнѣе,

чѣмъ Голубевская мыслительность. Дѣло, какъ видите, зависить не отъ синтетическаго только пріема мыслительности. Надѣюсь, что слова мои вы не отнесете къ самохвальству личному; они сказаны въ интересѣ истины.

Простите, но испытывайте по истинѣ, готоваго къ услугамъ вашимъ А. Теодора.

Р. С. Если что дознаете относительно моего дѣла, прошу не оставить меня увѣдомленіемъ. Желательно также и нужно узнать, что думаетъ дѣлать г. Овсяниковъ.

Со мной теперь у меня духовно почти никого нѣтъ. Катиньку Александровну цѣлую. Кланяюсь Надеждѣ Петровнѣ и Павлу съ Ольгой Петровной.

31.

Добрые и родные мои Александръ Алексѣевичъ и Екатерина Петровна!

Простите, что огорчилъ васъ своимъ послѣднимъ, довольно давнимъ уже письмомъ. Зато вы сами все до тонкости разобрали въ этомъ дѣлѣ, смотря на это дѣло глазами свѣтлой любви. Благодарю васъ, родные мои! Не знаю, въ какомъ ходу и въ хеду ли мое дѣло въ Синодѣ; вы мнѣ ничего не сказали, какъ принята моя просьба о разстриженіи,—только о представленіи насчетъ Апокалипсиса сказывалъ мнѣ о. Нифонтъ—монахъ, познакомившійся съ вами и посѣтившій недавно меня, что это представленіе „дошло“ по назначенію,—онъ говорилъ такъ съ вашихъ словъ. Извѣстите меня, покорнѣйше прошу васъ, поскорѣе о томъ, что слышно обо всемъ моемъ дѣлѣ; да кстати приложите или изложите форму прошеній на Высочайшее имя, по своду законовъ,—мнѣ придется, видно, повторить просьбу о сложеніи сана, а я забылъ, какъ по формѣ надо заканчивать подобныя прошенія,—кто-нибудь изъ знакомыхъ чиновниковъ вамъ покажетъ эту форму въ Сводѣ законовъ. Впрочемъ, если отяготительно это въ какомъ-либо отношеніи, не извольте мною беспокоиться: только, главное, не помедлите извѣстительнымъ письмомъ.

Къ вамъ послалъ я чрезъ Академическаго студента три книжки „Современника“; другихъ нѣтъ на лицо,—получите послѣ. Студенту этому, именемъ Владиміру Владиміровичу, подарите „Три письма къ Гоголю“.

Отъ Н. Г. Овсяникова нужно бы мнѣ, для точнаго выясненія отношеній моихъ къ нему, получить обстоятельное расчисленіе всего, касающагося финансовой части по распродажѣ моихъ книгъ, и отдѣльное расчисленіе того же по дѣлу объ Апокалипсисѣ. По послѣднему дѣлу придется, кажется, судиться съ Синодомъ. Я не понимаю вашего выраженія, Александръ Алексѣевичъ, что Владыка разрѣшилъ г. Овсяникову вѣяться за искъ; Николай Григорьевичъ вправѣ искать правды и безъ разрѣшенія.

А. И. Хитрову писалъ я, чтобы редакция „Сына Отечества“, расчитавъ финансовую часть по моимъ статьямъ, вручила бы деньги вамъ на случай моихъ нуждъ; мнѣ хочется, чтобы уплата за издержки, по изданію книжки *О міротвореніи*, получаемы были съ распродажи этой книжки.

Скажу вамъ теперь прямо, что, если я еще живъ буду и именно переживу это томительное переходное время мое, я войду въ благодать брака, чтобы, и въ нравственной брани или борьбѣ чуть не со всѣми, удержаться въ живой сердечной связи со всѣми. Надо вѣдь самому пройти тѣмъ путемъ, чтобы *и въ мірскомъ было духовное*,—за что я стою и безъ чего не обновится или не оживѣетъ въ насъ и самое духовное, какъ я рассуждаю. Анна Сергѣевна, о которой вы уже слышали отъ меня и на имя которой Батюшка Леонидъ Петровичъ (ему глубокой отъ меня поклонъ) прислалъ ко мнѣ 10 р. сер.,—это моя избранная, представительница или живой образъ для меня Святой Церкви Христовой по благодати брака, если то Богу будетъ угодно. Видите, я все вамъ говорю, чтобы о прошломъ недоразумѣніи и помину у насъ не было. Путь, очевидно, не безопасный, но иду въ томъ же духѣ и съ тѣмъ же словомъ, какъ вступалъ и въ монашество (которому все же не хочу измѣнять): *ей, Богу содѣйствующу!* Прочитайте послѣднюю половину VIII гл. посл. къ Римлянамъ; больше мнѣ не на что опираться.—У меня, какъ знаете, ничего нѣтъ.

Жду отъ васъ письма.

Вашъ въ Господѣ

А. Феодоръ.

Вашимъ и моимъ роднымъ кланяюсь.

26 Августа
1862 г.

32.

Дорогіе и добрые мои

Александръ Алексѣвичъ и Екатерина Петровна!

Податель письма этого—Осипъ Михайловичъ Малининъ, студентъ Тверской Семинаріи, во всю бытность мою въ Никитскомъ монастырѣ имѣлъ усердіе и любовь успокоивать меня своими услугами и послушаніемъ, для чего нарочно выправилъ годичный паспортъ. Онъ теперь имѣетъ нужду побыть нѣсколько времени въ Петербургѣ. Будьте добры—послушнику любви окажите любовь: примите его къ себѣ, пока ему нужно побыть въ Питерѣ. Въ этомъ и весь предметъ и цѣль настоящаго письма. Онъ человѣкъ добрый и простосердечный; онъ мнѣ много и переписывалъ изъ моихъ дѣлъ, безъ всякой съ моей стороны благодарности. Окажите же ему, хоть вы за меня, гостепрѣимство братское.

Вашимъ всѣмъ кланяюсь.

Вашъ А. Теодоръ.

33.

Добрый Александръ Ивановичъ!

Благодарю васъ ⁴⁰⁾ за высылку мнѣ книгъ. Покорнѣйше прошу еще похлопотать о выдачѣ пяти книжекъ „О міротвореніи“ студенту Осипу Михайловичу Малинину, который пользуется гостепрѣимствомъ Александра Алексѣвича.

Благодарю васъ и за удовлетворительныя объясненія съ редакціей о моемъ дѣлѣ, желаніяхъ и нуждахъ.

А что же „Сынъ Отечества“ не даетъ у себя мѣста моей критикѣ на романъ Тургенева „Отцы и дѣти“ и статейки о юродствѣ, посланной въ прежнемъ письмѣ моемъ къ вамъ? Если эти статьи лишнія для „Сына Отечества“,—прошу выдать ихъ изъ вашей редакціи тому же студ. Малинину.

У васъ вѣдь все монополисты въ дѣлѣ мысли и слова, хотя и находятъ монополию вредною въ дѣлѣ торговли и промышленности. Вотъ я посылалъ свою критику на Тургеневскій романъ въ „Русскій Вѣстникъ“; мнѣ прислали ее назадъ съ объясненіемъ, что нѣкоторыя изъ моихъ основныхъ положеній не согласны съ положеніями редакціи. Видно тоже и у васъ. Вы писали объ „Отцахъ и дѣтяхъ“ Тургенева: мои мысли не совсѣмъ сходятся съ вашими,—ну и

⁴⁰⁾ Письмо къ А. Н. Хитрову.

выходить, что надо заботиться о единствѣ направленія въ „Сынѣ Отечества“. Такъ что ли? Вотъ и юродствъ вы не любите; а я, какъ и вашъ моралистъ Бѣлинскій, признаю высокое геройство въ подвигѣ юродства, хотя не отвергаю и разныхъ фальшей въ этомъ явленіи. Значить, и рѣчи мои о юродствѣ ужь надоѣли вамъ. Но только вотъ дѣло въ чемъ. Пока еще только идетъ къ выясненію правящей всѣмъ истины, лучшее единство — въ добросовѣстной любви къ истинѣ, возвышающейся надъ пристрастіями. Въ особенности не слѣдуетъ журналистикѣ обходить изъ-за чего бы то ни было такой вопросъ, какъ вопросъ о расходящихся старомъ и новомъ поколѣніи и о происходящихъ отсюда, а еще болѣе угрожающихъ, нестроеніяхъ,—хотя бы этотъ вопросъ поднимался изъ-за—не похваленаго уже у насъ романа.—Также что касается и вопроса о юродствѣ, съ нимъ существенно связано дѣло *знанія*. Это послѣднее дѣло у насъ, Александръ Ивановичъ, такъ юродливо трактуется, что даже въ катехизисѣ *вѣра* поставляется въ нѣкоторую противоположность *знанію*. Это, по моему,—смертельная обида Начальнику и Совершителю нашей вѣры, взявшему Себѣ со всею нашею природою и умъ нашъ и сохранившему, съ Божескимъ дѣйствіемъ, и человѣческое, слѣдоват. и дѣйствіе мысли человѣческой—познаваніе и знаніе. Вѣдь вы, журнальные дѣльцы, обязаны хоть понемногу выводить на чистую воду эти фальши, безъ поправки которыхъ ровно ничего не подѣлаешь. А вы, чуть что коснется не совсѣмъ пріятно какой либо вашей летучей фразы или цѣлой коллекціи фразъ,—ужь бросаете это какъ негодное.—Да этого или другаго чего, скажете, нынѣ не любятъ? Но хоть и одинъ со вниманіемъ и сочувствіемъ прочтаетъ легонькую, положимъ, статейчку, касающуюся дѣла истины и знанія,—и за то славу Богу! Вотъ я въ Сынѣ же Отечества нашель родную мнѣ статью о Варушкина, которая, по моему, и одна можетъ осмыслить все разнородное содержаніе „Сына Отечества“,—и это крѣпко ободрило меня въ моемъ дѣлѣ.

Извините, что много говорю вамъ; подозреваю, что въ вашемъ суетливомъ многодѣліи вы, пожалуй, и не прочтаете всего письма. Отъ почтеннаго Алберта Викентьевича жду письма, по вашему слову.

Вашъ А. Феодоръ.

34.

Добрые мои

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Благодарю васъ за гостепріимство, оказанное Осипу Михайловичу.

Похлопочите, Александръ Алексѣичъ сдѣлайте милость— о выдачѣ Осипу Михайловичу пяти экземпляровъ моей книжки „О міротвореніи“. Еще, добрые мои, онъ нуждается въ небольшой суммѣ денегъ, издержавшись на проѣздъ въ Питеръ; окажите мнѣ милость и любовь—одолжите его.

Подаль ли г. Овсяниковъ искъ по издержкамъ на остановленное изданіе моего труда Объ Апокалипсисѣ? извѣстите меня, если что узнаете.

Что до моихъ дѣлъ, нахожу, добрые и дорогіе мои, особенное утѣшеніе въ томъ, что по поводу этого дѣла, дознаются истинно любяшіе меня и дѣйствительно сочувствующіе моему образу мыслей. Жалѣющихъ же меня и я съ своей стороны жалѣю.

Благодарю Васъ за Вашу любовь ко мнѣ и цѣлую Вашу Катиньку.

Простите Вашего

А. Θεодора.

25 Сентября
1862 г.

35.

Вечеръ дня Св. Великомученицы Екатерины.

Поздравляю васъ, добрые мои,—Александра Алексѣевича съ Имянинницею, а Екатерину Петровну со днемъ Ангела, и обоихъ васъ еще съ имянинницею—дочькою!

Что это вы такъ долго молчите? Неужели опять волнуютъ васъ недоразумѣнія обо мнѣ? Но, родные мои, предавайте мое дѣло Агнцу Божію—Самому Господу нашему и вѣруйте Ему. Я теперь нахожусь уже на „увѣщаніи“ Настоятеля съ братією, по распоряженію Епархіальнаго Начальства. Молитесь, чтобы дѣло мое и вообще моя судьба, безъ препятствія и томленія для меня, шли къ своему назначенію.

Съ большимъ удовольствіемъ прочиталъ я ваши, Александръ Алексѣичъ, бібліографическія замѣтки о моей книж-

къ: „О міротвореніи“. Но знаете ли что? Я мечталъ найти для себя, съ своимъ Богословіемъ, мѣсто въ геологіи и вообще въ современномъ естествовѣдѣніи. А вы нашли, что я только „не поддаюсь обаянію этихъ наукъ“. Видите ли, какъ мы привыкли несочувственно относиться къ свѣтскому или мірскому? Изъ этого и усматривайте необходимость для человѣка, признающаго надежду лучшаго для Церкви и міра именно въ водвореніи Благодати среди свѣтскаго и мірскаго,—необходимость рѣшительно спуститься въ среду свѣтскую.

Скажите еще мнѣ, неужели вы находите „обаятельными“ тѣ представленія, по которымъ міръ образуется изъ темнаго боренія матеріальныхъ силъ и стихій, а не изъ живаго творчества? Также, почему вы опустили изъ вниманія, что совсѣмъ неудовлетворительно то Богословское представленіе о міротвореніи, по которому міръ получаетъ бытіе по холодному слову всемогущества: *да будетъ*, а не по (выраженному въ Богѣ Слово) акту Творческой Любви, подвигнутой во всѣхъ Своихъ внутреннихъ глубинахъ, даже до готовности пожертвовать Собою для неизблемой твердости міробытія? Это я говорю съ вами только для общаго нашего удовольствія и утѣшенія истиною Христовою.

Какъ вашъ трудъ о Святителѣ Тихонѣ! Не слишкомъ ли вы себя мучите этимъ трудомъ? Но смотрите,—ради Бога ничего не высказывайте въ своемъ трудѣ и даже по возможности не думайте, о предосудительной недостаточности чьихъ либо предшествующихъ трудовъ по тому же предмету. За чѣмъ оскорблять другихъ и допускать самовосхваленіе?

Желалъ бы я узнать поточнѣе, дѣйствительно ли митрополитъ обѣщаль или уже вручилъ г. Овсяникову такую или другую сумму по дѣлу остановленнаго отпечатанія моихъ изслѣдованій объ Апокалипсисѣ.

Редакцію „Сына Отечества“ просилъ я чрезъ А. И. Хитрова, чтобы слѣдующее за отпечатаніе книжки „О міротвореніи“ ваяли изъ выручки отъ распродажи книги, а деньги за статьи передали бы вамъ,—вѣдь я, по своимъ обстоятельствамъ остаюсь безъ всякихъ средствъ,—вы деньги удержали бы у себя до моего востребованія. Хитровъ писалъ мнѣ, что Старчевскій не прочь отъ этого и хотѣлъ самъ писать ко мнѣ. Но, видно, и „Сынъ Отечества“ не хочетъ

ли раздѣлять пренебреженіе ко мнѣ другихъ?—Что же?—Только бы мнѣ не быть неблагороднымъ и неблагодарнымъ въ отношеніи къ этому журналу, за его другія услуги мнѣ. Извѣстите, если что узнаете; но не безпокойтесь слишкомъ.

Слава Богу за все!—Осипъ Михайл. говорилъ мнѣ, что онъ передалъ мою критич. статью на романъ „Отцы и дѣти“ изъ редакціи „Сына Отечества“, которой, видно, ужъ не нужно мое, въ редакцію „Время“. Нельзя ли о судьбѣ этой статьи навести справки? Впрочемъ это сдѣлайте только въ томъ случаѣ, когда будете въ Академіи. Здѣсь спросите у студента Владиміра Владиміровича Богословскаго о судьбѣ моей статьи. Онъ взялся справиться объ ней въ самой редакціи, какъ завѣрялъ меня Осипъ Михайловичъ. Простите. Вашей мамашѣ и брату съ сестрой кланяюсь; также Леониду Петровичу и Александру Михайловичу. Пишетъ ли послѣдній для „Правосл. Обзорнія“? Что-то мнѣ не замѣтно его перо. Простите еще вашего А. Θεодора.

36.

28 дек. 1862 г.

Добрые и дорогіе мои друзья Александръ Алексѣевичъ и Екатерина Петровна!

Пишу вамъ сейчасъ по полученіи и прочтеніи вашего письма, за которое очень благодаренъ. Съ великими праздниками и наступающимъ новымъ годомъ и я васъ поздравляю. Но о дѣлѣ.—Прежде и болѣе всего нужнымъ считаю поговорить объ отношеніи литературномъ съ вашей (тоже и моей) стороны къ Аскоченскому. Это, братъ мой, пустяки и глупость говорить и думать о литературномъ и какомъ бы ни было еще процессѣ съ нимъ. Если я еще что-нибудь значу для васъ, покорнѣйше прошу васъ не обращать на его наглости (да и не на что у него) вниманія ни малѣйшаго; а для этого и вовсе не читать его. Довольно ужъ для него сдѣлано. Если еще есть у него какая нибудь любовь къ истинѣ и правдѣ; то, по крайней мѣрѣ, онъ ожесточенно считаетъ ложное воззрѣніе за святую истину — (подъ ложнымъ воззрѣніемъ, я разумѣю, конечно, только то, что есть у него лживаго, не касаясь всего прочаго). Это вѣдь слѣпоты духа; слѣпому не растолкуете вы ни одного цвѣта или вида свѣта. А здоровье намъ нужно на болѣе производи-

тельныя добрыя дѣла. Вы и не входите въ разговоры объ Аскоченскомъ, или говорите только въ томъ общемъ смыслѣ, что съ духомъ іудейства ничего не подѣлаешь. Я отъ васъ требую этого, а не только что прошу. Можете только тамъ или здѣсь въ своихъ сочиненіяхъ сказать мимоходомъ къ слову, что вотъ до чего доходятъ у насъ нѣкоторые ревнующіе безъ разума хрістіане—основную въ хрістіанствѣ мысль объ Агнцѣ Божіемъ, вземлющемъ грѣхи міра, считаютъ принципомъ какихъ то хитросплетеній.

Въ убѣжденіе къ этому вотъ что скажу вамъ. Вы не Аскоченскому чета, — отъ васъ слово правды мнѣ пріятно и дорого слышать. Но я радъ и благодарю васъ, что вы не послали ко мнѣ написаннаго уже письма „съ внушеніями и уговорами“. Оно бы меня только разбредило и огорчило. Мы уже довольно объяснились по моему дѣлу. На меня или на васъ нашла какая-то слѣпота, если еще мы не понимаемъ другъ друга по этому моему вопросу.—Зачѣмъ же попусту намъ отравлять другъ друга? Оставимъ времени помочь выясненію всего дѣла. Такъ ли? Для меня мое положеніе или задача уже опредѣлена—*проводить духъ благодати священства и монашества и въ средѣхъ мірскихъ, безъ чего — гибель этимъ средѣмъ и чажоточная бѣда для самого обладанія благодатію.* А духъ благодати — духъ того же Агнца Божія, сошедшаго съ неба на землю для взятія грѣховъ міра. Вотъ и все!

Судя по тому, что мнѣ неминуюемо предстоитъ, было бы лучше, если бы редакція „Сына Отечества“ взяла 200 руб. изъ идушей выручки за книжку „О міротвореніи“. Не только я, но и моя избранная не имѣетъ почти ничего. Не иначе какъ имѣя это въ виду, ведите по этому дѣлу сношенія или переговоры съ редакціею „Сына Отечества“. Деньги же берегите „со тщаніемъ“, что называется: прошу объ этомъ особенно Екатерину Петровну.

За успѣхъ въ жизнеописаніи святителя Тихона благодарю св. Угодника Божія. За чѣмъ бы вамъ, думаю я, не довольствоваться только цензурнымъ разсмотрѣніемъ этого сочиненія? По крайней мѣрѣ, и вы хлопочите объ отсылкѣ этого труда къ митрополиту Филарету. Подумайте, что онъ сдѣлалъ изъ сочиненной А. В. Горскимъ исторіи Сергіевой Лавры. Оставилъ одинъ остовъ, а прочее вычеркнулъ. Онъ разумѣетъ человѣка *святаго* такъ, что *живого* человѣка

уже и не замѣчаетъ. У него вообще есть крайность идеализма.

Кажется, я помирилъ бы васъ съ Тургеневымъ, если бы мнѣ пришлось лично прочесть для васъ хоть одну его повѣсть. У него, по моему, именно нѣтъ фотографическаго снимка страстей и характеровъ, какимъ отличаются другіе беллетристы и романисты. Онъ всегда слышитъ совершающуюся въ человѣческой судьбѣ высшую властительную мысль; и такъ какъ онъ еще не выяснилъ себѣ рѣшительно, что это есть мысль Агнца Божія, не людей дѣлающаго Своими жертвами, а Собою пожертвовавшаго за людей, то на Тургеневскихъ герояхъ и ощущается, дѣйствительно, что то роковое, лишающее ихъ обольстительнаго очертанія, или заманчиваго выраженія. Поэтому мнѣ непріятно было, что „Сынъ Отечества“ побрезгалъ моею статью. Толки объ отношеніи „Отцевъ и дѣтей“ къ памяти и лицу Добролюбова—грубая и пустая выдумка, на мой взглядъ: сплетни—худое литературное начало.

Не знаю, куда же Ос. Михайл. могъ дѣвать мою статью объ Тургеневскомъ романѣ и почему онъ мнѣ не передалъ этой статьи. Онъ при всей своей добротѣ и услужливости предо мною способенъ и на глупости. Знаете ли, что по его милости (хотя и не безъ содѣйствія другихъ), одно мое къ вамъ письмо, въ которомъ я откровенно объяснялъ вамъ свои намѣренія, ходило *въ копіи* по Переяславлю? Это было около половины августа. (Будьте, замѣчу мимоходомъ, и вы осторожны: не все всѣмъ довѣряйте). Но придумать не умѣю, какую глупость могъ онъ сдѣлать съ моею статью. Надо бы, при случаѣ, спросить извѣстнаго, кажется, вамъ студента Академіи Владиміра Владиміров. Богословскаго, которому Осипъ Михайл. могъ передать статью мою и предъ самымъ входомъ въ вагонъ.

Ваша мысль о свиданіи, Богъ дастъ, лѣтомъ, — мнѣ не представляется мечтою; это удобно можетъ устроиться, если Богу угодно и я еще живъ буду. Тогда уже можетъ совершиться предстоящая мнѣ катастрофа, и вы увидите меня самъ-друга на будущее у Бога!

Знаете ли еще что? вмѣсто дразговъ съ Аскоченскимъ давайте ка подумывать объ изданіи *своего* журнала, такого, въ которомъ бы слѣдима была не одна духовная мысль или

вообще сторона съ примѣненіемъ ея къ жизни дѣйствительной, но по духовному слѣдилась бы и сторона свѣтская, какъ литература, журналистика, политика, общественная и всяческая жизнь. Только найти издателя, и такъ составить программу, чтобы ее одобрили. Безъ подобнаго органа духовной и свѣтской мысли мудрено дойти до единенія въ началахъ, необходимаго для народнаго просвѣщенія и благоустройства. Какъ вы объ этомъ думаете? Само собою разумѣется, что этимъ торопиться нечего до благопріятныхъ обстоятельствъ, но и отлагать это въ долгій ящикъ тоже не для чего.

Но главное — нравственно въ своемъ духѣ и дѣлѣ покончите съ Аскоченскимъ. На самыя дерзкія выходки довольно будетъ сказать, что ругателю не отвѣчаютъ; иначе надо было бы тоже ругаться. Берегите здоровье на лучшее! Письма и протестъ Аскоченскаго я давно сжегъ.

Простите, добрые мои! Анна Сергѣевна вамъ кланяется и особенно благодарить васъ, Екатерина Петровна, за ваши добрыя строки. Катиньку цѣлую. Сергѣю Ивановичу при первомъ же случаѣ передамъ ваши слова, Александръ Алексѣичъ!

Простите вашего А. Феодора.

Всѣмъ вашимъ, начиная съ мамыши, кланяюсь.

Р. S. Ваша „журналистика“ мнѣ крѣпко по сердцу; люблю я ваши статьи, въ которыхъ вы знакомите съ новыми сочиненіями или переводами. Да выручите ли вы когда-нибудь изъ цензуры мою статью о старыхъ и новыхъ философахъ? Направленіе, выраженное въ этой статьѣ, мнѣ такъ дорого, что я признаюсь, только въ этомъ направленіи я вижу надежду лучшаго въ будущемъ; чтобы вѣрнѣе и безпрепятственнѣе служить этому направленію я ищу разстриженія, не имѣя за собой ровно ничего матеріальнаго кромѣ, разумѣется, тѣла и одежды, которая впрочемъ ужъ не будетъ годиться на новомъ моемъ пути. Для „Сына Отечества“, если для него я не буду лишнимъ (чего впрочемъ мнѣ ужъ нечего бояться, когда я оказываюсь лишнимъ въ родномъ и дорогомъ мнѣ званіи), — я хотѣлъ бы начать рядъ статей о нашемъ бытѣ и обществѣ во всѣхъ его слояхъ, сколько мнѣ это доступно и окажется нужнымъ для нагляднаго освѣщенія всего человѣческаго такимъ свѣтомъ Христовой человѣколюбивой благодати и истины; статьи эти должны

быть въ родѣ и формѣ, напр., моихъ „разговоровъ по крестьянскому вопросу“,—иначе я не сумѣю освободиться отъ вѣѣвшейся въ меня трудности изложенія по новымъ вопросамъ. Но это уже въ слѣдующемъ году; подписываться буду просто — „Бухаревъ“. По сердцу ли это будетъ редакціи „Сына Отечества“,—извѣстите меня.

Еще покорно прошу обратить критическое вниманіе на ясное, простое для пониманія, проникнутое тихимъ чувствомъ — твореніе моего добраго товарища и друга священника Владиславлева „Поученія о Богослуженіи“⁴¹⁾; у васъ печаталось объявленіе объ этой двухъ-частной книгѣ. Стоить вниманія!

Есть еще свѣтлая мысль въ „Духов. Вѣстникѣ“, которую замѣтить не мѣшаетъ въ „журналистикѣ“ вашей. Это въ августовской книжкѣ. Вотъ эта, принадлежащая переводной статьѣ мысль. „Если удовольствія имѣютъ обаятельную силу, отвлекающую многихъ отъ служенія Богу; то поэтому то и слѣдуетъ позаботиться о возвышеніи и удовольствіи къ посвященію ихъ Отцу небесному, *дающему намъ вся обильно въ наслажденіе*“. Какъ это хорошо.

37.

Среда 6 февраля 1863 г.

Добрые мои Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Прежде всего представляю вамъ подательницу этого письма, Наталью Николаевну, послушницу Пензенской Ковыляевской общины. Надѣюсь, что въ Господѣ она окажется вамъ родной. Она передастъ вамъ мои тетради. Я назначаю ихъ для „Сына Отечества“, если ихъ примутъ здѣсь. Я вѣдь не рассчитываю уже *ни на кого*, чтобы не оставили меня. Но и я тоже никому не намѣренъ уступить правды. А. И. Хитровъ — человекъ, который самъ же поставляетъ на видъ высокой отзывѣ Бѣлинскаго о подвигѣ юродства, не опускаетъ случая смѣяться надъ юродствомъ. Зачѣмъ же онъ лицемѣритъ въ выраженіи своего сочувствія къ Бѣлинскому? Человекъ, который на листахъ „Сына Отечества“ могъ бы какъ священникъ служить истинѣ, скорчилъ себя въ узкій эгоизмъ, по кото-

⁴¹⁾ Вас. Феод., потомъ протоіерей; о немъ см. Ист. Тверск. Сем.—ріи Колосова, стр. 439—440. примѣч. 2-ое.

рому не даетъ мѣста чему бы то ни было, несогласному съ какимъ-либо легкимъ его взглядомъ и сужденіемъ. Благо— намъ самимъ живется, и деньги есть, а то нечего заботиться много объ истинѣ. Да и „что есть истина?“ Эдакіе дѣльцы литературные обижаютъ и другихъ, и себя самихъ. Я могу сказать г. Хитрову эту правду не только по участию моему въ немъ, ради прежнихъ моихъ къ нему отношеній, но и по настоящему моему положенію и стремленію всѣмъ пожертвовать для дѣла истины. Ну, такъ, если примутъ статьи въ „Сынъ Отечества“, то ладно; а то удержите ихъ у себя до моего востребованія ихъ обратно. Болванъ Осипъ Мих. нагаль мнѣ относительно моей критической статьи на романъ „Отцы и дѣти“; и самую статью затерялъ ли, бросилъ ли или разорвалъ, а только мнѣ не возвратилъ. Досадно на глухихъ!—Влад. Владим. Богословскій извѣстилъ меня, что онъ выручилъ изъ цензуры мою статью *О старыхъ и новыхъ философахъ* и передалъ вамъ. Скажите, безъ замедленія — пожалуйста, взяли-ль эту статью въ „Сынъ Отечества“, откуда ее и представляли въ цензуру. Если не взяли, то поддержите пока и эту статью у себя. Я укажу вамъ удобный случай къ отсылкѣ всѣхъ моихъ статей обратно ко мнѣ. Простите. Желаю вамъ благодушествовать и процвѣтать во всемъ. Вашъ во Христѣ А. Феодоръ.

Р. S. Изъ присылаемыхъ статей, если бы онѣ пошли въ ходъ, первая должна идти — „Замѣтки критическія“, а потомъ — какъ намѣчены другія статьи цифрами съ лѣвой стороны, на первой страницѣ каждой изъ нихъ.—Прощайте. Катиньку маленькую цѣлую. Роднымъ вашимъ кланяюсь.

38.

Добрые мои, Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна! Господь Своею благодатію да будетъ съ вами и вашей Катей.

Прежде всего поговоримъ о полемикѣ съ Аскоченскимъ. „Домаш. Бесѣды“ я не читаю, а потому не знаю и статьи, подписанной именовъ священн. Аванасія. Впрочемъ я и теперь тѣхъ же мыслей, чтобы вамъ, Александръ Алексѣичъ, не завязывать никакого дѣла съ Аскоченскимъ; повторяю, что это повело бы васъ только къ огорченіямъ духа, вред-

нымъ для здоровья. Но знаете ли что? — пришлите ко *мнѣ* статью, напечатанную подъ именемъ автора о Аѳанасія. Я чую здѣсь вѣчто другого рода. Характеръ „чрезвычайной бойкости“, который вы признаете за статьей, намекаетъ на набившуюся руку ловкаго на подобныя вещи мастера. Дѣло въ томъ, что вашу книжку противъ Аскоченскаго я прошлымъ лѣтомъ послалъ въ редакцію „Духовн. Вѣстника“, причѣмъ была приложена и моя статейка противъ бойкихъ критическихъ статей (въ этомъ журналѣ) Сербинова на сочиненія Филарета Черниговскаго. У меня въ мысляхъ и сердцѣ было одно, чтобы остеречь критику „Духов. Вѣстника“ отъ дурнаго тона и направленія. Но редакція журнала приняла мою статью за враждебное дѣло и объясняла мнѣ, что и съ ея стороны можетъ произойти тоже, что я испыталъ отъ „Домашней Бесѣды“. Статейка моя была возвращена мнѣ, и я прекратилъ мои отношенія къ „Духовн. Вѣстнику“, потребовавъ и другія мои статьи изъ редакціи назадъ. Мнѣ думается, не Сербинову ли (тоже псевдонимъ) принадлежитъ бойкая статья quasi о Аѳанасія, тѣмъ болѣе, что это всѣ дѣятели изъ Кіевской Академіи, также какъ Кіевляниномъ по губерніи подписался и свящ. Аѳанасій. Тонъ и руку Сербинова я угадаю; въ особой статьѣ, именно въ письмѣ къ вамъ, объясню свои мысли о его антикритикѣ, равно и причины, по которымъ отсовѣтываю вамъ отвѣчать на эту антикритику. Кстати пришлите и чьи-то „замѣтки по поводу критикъ“ на мою книгу „о православіи“, — брошюрку, о которой объявленіе помѣщено при Христіанскомъ Чтеніи. Равно съ точностію цитуйте слова Аскоченскаго о синякѣ, произведенномъ будто бы на вашемъ темени камнями статьи Аѳанасія. Также вышлите и тѣ мои письма къ вамъ, въ которыхъ я высказывалъ вамъ свое мнѣніе о вашей книжкѣ.

Вы, конечно, ужъ догадались, что статейка моя по поводу критики на сочиненія Филарета Черниговскаго, возвращенная мнѣ „Дух. Вѣстникомъ“, и есть та самая, которая съ Натальей Николаевной послана къ вамъ. Потому, видите какъ нужно озаботиться ея отпечатаніемъ въ „Сынѣ Отечества“. — За ваши не медлительныя распоряженія другими моими статьями благодарю; не помедлите извѣстить и о послѣдствіяхъ, что же не высылаютъ мнѣ „Сына Отечества“, если не отказываются здѣсь помѣщать мои статьи? На слу-

чай, еслибы вздумали посылать мнѣ этотъ журналъ, посылаю адресъ для этого: „Въ Переславлѣ Залѣсскомъ. Его Высокоблагородію Сергѣю Ивановичу Родышевскому“. Это—на случай всякихъ возможныхъ моихъ отлучекъ или даже совершенной перемѣны жительства.

Не знаю, какъ понимать ваши слова: „успокоились ли вы хоть немного противъ лѣта?“ У меня въ этомъ отношеніи новаго нѣтъ ничего не только противъ лѣта, но и противъ Петербургской моей жизни. Тревоги и безпокойства мои—отъ нравственнаго одиночества; они и высказываются съ силою, когда послѣднее даетъ себѣ сильно чувствовать. Это было и въ Питерѣ и въ Казани и въ Лаврѣ даже. Также не понятны мнѣ слова Екатерины Петровны: „рѣдко вы утѣшаете насъ письмами, а не получивши отъ васъ письма, мы не смѣемъ докучать вамъ“. Мнѣ кажется, что вы рѣдко пишете ко мнѣ, хотя я не медлю и люблю писать вамъ. Единъ Святъ, Единъ Господь Иисусъ Христосъ въ славу Бога Отца; Онъ дѣйствительно лучше всѣхъ другихъ знаетъ, что мнѣ надо дѣлать. Екатерину Петровну поздравляю съ приобщеніемъ Св. Таинъ и прошу васъ обоихъ прислать мнѣ ея портретъ; Александра Алексѣича есть у меня два портрета. Простите, други мои! Спасибо вамъ за любовь. Всѣмъ вашимъ кланяюсь. Катю цѣлую.

Вашъ А. Феодоръ.

5-го Марта 1863 г.

Во Владимірѣ, безъ сомнѣнія, придется ѣхать и, думаю, скоро; потому отвѣчайте поскорѣе. Адресъ и изъ Владиміра, конечно, пришлю вамъ.

P. S. Будьте добры, Наталья Николаевна, — побывайте у Александра Алексѣича, какъ вамъ будетъ удобно, и, передавъ ему и Екатеринѣ Петровнѣ мои поклоны, отдайте ему этотъ клочокъ съ слѣдующими строчками.

Александръ Алексѣичъ!

Прошу васъ прибавить, въ посланной къ вамъ тетрадкѣ *примѣчаніе* *подъ чертою* къ тому мѣсту, гдѣ говорится о журнальныхъ дѣятеляхъ, и именно о предоставленіи ихъ, относительно внутреннихъ ихъ побужденій, суду собственной

ихъ совѣсти, не называя ихъ произвольно (?) гордецами или невѣрами и том. подоб.

Вотъ это *примѣчаніе*: Мнѣ и теперь жалко, что пришлось разсуждать о какихъ бы ни было журнальныхъ дѣятеляхъ въ такомъ тонѣ, какъ будто о людяхъ, грѣшнѣйшихъ меня. Нарочно дѣлаю эту оговорку, не желая, не только говорить, но и казаться говорящими въ подобномъ дурномъ тонѣ и духѣ.

Авторъ.

Другое прибавленіе сдѣлайте на самомъ концѣ моего маленькаго письма, которое переписать для отпечатанія просилъ я васъ. Это прибавленіе надо сдѣлать въ самомъ текстѣ, а не въ примѣчаніи. Вотъ что прибавьте: Да и вообще для истиннаго и прочнаго улучшенія чего бы то ни было быта надо наиболѣе раскрывать и усиливать то направленіе, чтобы и матерьяльное или внѣшне-бытовое возвысить, по возможности, къ благодатно духовному значенію и силѣ. *Ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ.*

А. Ѣеодоръ.

39.

Ѣоминчо воскресенье 1863 г.

Христосъ воскресе,

добрые мои друзья Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Благодарю васъ за ваше живое братство со мною. Но изъ вашихъ объясненій, безспорно братскихъ, Александръ Алексѣичъ, видно, что вы и доселѣ еще все хотите, въ отношеніи ко мнѣ, *оправдится самъ*. Брате, брате! Имѣйте ко мнѣ состраданіе. Кто меня теперь болѣе или менѣе не осуждаетъ то внутренно, то и прямо въ глаза? Думаете ли, что это легко сносить? Напомню вамъ кое-что изъ нашей исторіи. На Барклайдетолли, когда онъ, спасая отечество и оберегая силы его для побѣды надъ страшнымъ врагомъ, по видимости—уступалъ послѣднему,—бросали каменя жестокихъ упрековъ и подозрѣній, начиная чуть не отъ самаго

Престола до послѣдняго рядового въ арміи и до мужика въ нашемъ народѣ. Ему было такъ тяжело, что, переставъ быть полководцемъ, онъ искалъ себѣ одного утѣшенія—честной смерти въ бояхъ съ непріателемъ. Таково и мое дѣло и положеніе. Но какъ вы тамъ себя ни оправдывайте и ни вините меня въ своей душѣ, мой путь въ Господѣ уже рѣшенъ. На наступившей Гоминой недѣлѣ, думаю, во вторникъ отправлюсь во Владиміръ, куда приказано „выслать“ меня въ консисторію. Оттуда пришло къ вамъ адресъ, какъ ко мнѣ писать; а пока погодите писать, впрочемъ вы и безъ того не торопливы на этотъ счетъ, какъ и сами сознаетесь. Видите ли, какъ горько съ вами говорю, а мнѣ хотѣлось бы въ бесѣдѣ съ вами успокоиваться и отдыхать сердцемъ. Вотъ я, по причинѣ весенней бездорожицы, долженъ буду ѣхать во Владиміръ не прямо, а чрезъ Лавру Сергіеву и Москву. Боже мой! Всѣ мои здѣсь братья и отцы—для меня уже какъ чужіе; и мнѣ надо будетъ ихъ или миновать, зайдя только къ святымъ мощамъ, или же преогорчаться ихъ бесѣдою, съ огорченіемъ конечно и для нихъ самихъ. Вездѣ или во всѣхъ почти около себя слышу вздохи, какъ будто они терпятъ отъ меня, а мнѣ самому такъ привольно и легко. Сердце Екатерины Петровны лучше меня понимаетъ, чѣмъ вашъ умъ, Александръ Алексѣичъ! Но вы оба—одно, и я, изливъ свою грусть вамъ обоимъ, обоихъ же васъ и благодарю сердечно, какъ моихъ искреннихъ родныхъ и истинныхъ друзей,—при семъ и цѣлую васъ, съ благодареніемъ за васъ Господу Богу. Тутъ же, конечно, поцѣлуй мой и Катенькѣ маленькой.

Отвѣтъ на другіе запросы найдете въ прилагаемомъ здѣсь для печати большомъ къ вамъ письмѣ. Озаботьтесь ради Бога отпечатаніемъ въ „Сынъ Отечества“ этой статьи, съ прибавленіемъ къ нему, въ видѣ постскрипта, давняго письма моего къ вамъ съ замѣтками на вашу книгу. Вы сами ужъ его перепишите; это письмо, присланное вами обратно ко мнѣ и здѣсь же приложенное. Послѣ заглавія вотъ таково:

Р. С. При семъ прилагается прежнее и уже давнее письмо съ замѣтками на книгу: „Приемы, знанія и проч. В. И. Аскоченскаго“,—начните со словъ моихъ:

Признаюсь, я думалъ было, что отъ людей... и т. далѣе

(см. переднюю стран.), а кончите словами на послѣдней странч. и строкѣ:... въ духѣ любви Христовой, спасенію человѣка.

А. Ѳеодоръ.

Всѣмъ вашимъ, начиная съ Мамаши кланяюсь.

О несчастіи Александра Михайловича вы мнѣ только впервые написали въ прошломъ письмѣ. Желалъ бы я теперь видѣться съ ними обоими...

Простите меня, дорогіе мои!

Вашъ А. Ѳеодоръ.

40

Добрые мои друзья

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Христосъ воскресе!

Пишу вамъ изъ Владиміра, изъ Архіерейскаго дома, гдѣ нахожусь уже съ недѣлю: И вотъ вамъ на первыхъ же строкѣхъ мой адресъ: Во Владиміръ (губерн.). Такому то *при Архіерейскомъ домѣ; въ Рождественскомъ монастырѣ.* Не знаю, что у васъ тамъ въ Питерѣ дѣлается? Печатаются ли мои статьи въ „Сынѣ Отечества“? Я въ великомъ еще посту видѣлъ въ немъ одну свою статью. А что статья, ужъ одобренная, о *старыхъ и новыхъ философахъ.* Предметъ этотъ или вопросъ новый, едва-едва тронутый. Долго ли „Сыну Отечества“ смотрѣтъ въ глаза (какъ будто ожидая и прося себѣ какой подачки) въ глаза другихъ журналовъ, которые за это только призирають его? Почему бы не стать въ твердое и независимое положеніе серьезной любви къ истинѣ? Въдъ и новый маленькій Виелеемъ *еда малъ во владыкахъ Израилевыхъ?* Какъ тамъ себѣ хотять, истина одна для всѣхъ и когда нибудь возьметъ свое. И доселѣ мнѣ досадно это человѣкоугодливое или эгоистическое малодушіе, по которому не захотѣли отпечатать въ Сынѣ Отечества мою статью о романѣ Тургенева? Хоть бы одному человѣку могла бы она посвѣтить, какъ намъ надо бы читать романы и повѣсти, и какъ понимать нынѣшнее бѣдовое время. А счеты ваши съ „Сыномъ Отечества“ по моему дѣлу приведены ли въ совершенную ясность и въ должное удовлетвореніе? Въдъ

это вы, не ловкій практикъ, чрезъ сдѣлку съ этою редакціею объ изданіи книжки: *О міротвореніи* — поставили меня въ невыгодное для меня отношеніе къ „Сыну Отечества“... Но Господь сильнѣе всѣхъ, со всѣми справится по своему. Вотъ что, мои друзья! Катиньку маленькую цѣлую. Надеждѣ Петровнѣ съ Ольгой Петровной и Павломъ Петровичемъ мои сердечные поклоны, также и о. Леониду съ братомъ и еще почтенному семейству Галаховыхъ—о. протоіерею Сергію и Екатеринѣ Кириловнѣ съ дѣтьми. Что ихъ Кирилль?—О тяжелою крестѣ Александра Михайловича думаю такъ, что, волею или неволею съ нашей стороны Господь дастъ намъ выносить какое-то истинно помѣшательство въ нашемъ христіанскомъ мірѣ, не исключая большинства самыхъ православныхъ; да мы то первые съумасшедшіе, съ свѣтомъ солнечнымъ попавшіе въ осязаемую тьму то отъ безумной ревности противъ челоуѣколюбиваго Христова духа, то съ безумнымъ же забываніемъ Христа. Такъ есть великая благодать и въ обстоятельствахъ дорогаго мнѣ Иванцева; а иначе сказала бы я, что на такихъ людяхъ и талантахъ отвѣтственность не малая.

Прошу передать, въ запечатанномъ пакетѣ—безъ замедленія, прилагаемая здѣсь *по экономическому разсчету*—письмеца Влад. Владим. Богословскому и Петру Петровичу Преображенскому, въ Академію; я думаю Павелъ Петровичъ безъ затрудненія это исполнить.

Повторяю вамъ мой совѣтъ не связываться съ партіей Аскоченскаго. *Родъ сей знаменія ищетъ и знаменія иного не дается ему, токмо знаменіе Іоны пророка*, въ которомъ они найдутъ также одинъ соблазнъ. Я говорю, что пока іудейскій духъ будетъ продолжаться въ этой партіи, ничего не подѣлаешь съ нею кромѣ того, чтобы сойти въ духовную глубину Христовой смерти, принятой равно за іудеевъ и язычниковъ. Тоже и по дѣлу объ Апокалипсисѣ.

Прощайте и не замедляйте писать ко мнѣ, не сердясь на меня ни за что.

Вашъ Феодоръ.

18-го Апрѣля 1863 года.

Всѣ книжки „Современника“, какія у меня были, взялъ для доставки вамъ Осипъ Мих., которымъ и я за его двусмысленную глупость очень недоволенъ.

Портретъ вашъ, Екатерина Петровна, желаетъ имѣть уважающая и любящая васъ обоихъ моя въ Господѣ Анна Сергѣевна.

41.

Милые, добрые мои

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Очень вамъ обоимъ благодаренъ я за письмо ваше, Екатерина Петровна. Но прошу Васъ обоихъ обратить серьезное вниманіе вашей любви вотъ на чтѣ:—Вотъ я теперь ужъ не далекъ отъ того, что у меня не будетъ и ста рублей магистерскаго оклада, а со мною будетъ другое еще лице, у котораго всѣ надежды только во мнѣ. Что же у меня?! Прошу васъ покорнѣйше объ одномъ, чтобы вы, единственно по вашей добротѣ и любви ко мнѣ взяли на себя одинъ трудъ, строго впрочемъ обязательный,—привести въ совершенную и опредѣленную ясность 1, мои отношенія къ „Сыну Отечества“. Екатерина Петровна пишетъ, что книжка „о міротвореніи“ идетъ очень хорошо, но что вы ничего не получаете изъ этого. Спрашиваете: кто же получаетъ? Екатерина Петровна пишетъ, что изъ причитающихся съ редакціи „Сына Отечества“ денегъ болѣе 300 руб.,—надо вычесть за изданіе книжки „О міротвореніи“ болѣе 200 руб. Видно, не „Сынъ Отечества“ получаетъ выручку отъ распродажи книгъ. Кто же это? А если у книгопродавцевъ дѣло съ издававшею мою книжку редакціею „Сына Отечества“; то выручка идетъ въ эту редакцію, а потому зачѣмъ же вычесть изъ того, что слѣдуетъ мнѣ за мои статьи? Ради Бога выясните мнѣ это.—Редакція „Сына Отечества“ ведетъ себя явно неблагородно. Пусть; судиться или спорить съ нею я не буду. Пусть только безъ дальнѣйшихъ околичностей отдастъ сколько можетъ или *сколько хочетъ*, за мои статьи и покончить счетъ по изданію моей книжки. Пусть она не думаетъ (и вы прочитайте это письмо г. Хитрову, которымъ я очень, конечно, доволенъ по этому дѣлу—), что я, который своею головою отвѣчаю за мое участіе въ журнальномъ дѣлѣ,—не дорожа моими отношеніями къ моимъ „отцамъ“, тѣмъ болѣе не могу дорожить никакимъ двусмысленнымъ отношеніямъ къ „Сыну Отечества“. Разумѣется, жертвою я же самъ, а не они, добрые люди! (это вѣрно!).

И, Потрудитесь ради Самаго Бога выяснить мои отношенія къ г. Овсяникову. Сколько и какихъ книгъ моихъ онъ распродалъ? Сколько выручилъ? Что слѣдуетъ ему и мнѣ? А по дѣлу объ Апокалипсисѣ онъ знаетъ, что не я взялъ обратно у него мой трудъ. Я за это не отвѣчаю. Пусть онъ ищетъ суда. Не деньги, а люди пропадаютъ изъ-за этого дѣла.—Впрочемъ, милые и добрые мои, я хочу только одного, чтобы приведены были въ ясность мои литературныя и книжныя отношенія теперь же, когда я заканчиваю дѣла по другимъ еще высшимъ отношеніямъ. Не отяготитесь моимъ порученіемъ, хоть ради того, что вы, по распоряженію Промысла, вошли въ самыя первоначальныя поводы къ моимъ нынѣшнимъ обстоятельствамъ. Статьи мои у „Сына Отечества“ возьмите, если онѣ имъ не нужны. Если возьметъ „Странникъ“, ладно; а то пришлите мнѣ. Буду нищенкою, а съ негодяйствомъ не мирюсь.

Вашъ А. Феодоръ.

42.

Дорогіе мои

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Пишу къ вамъ уже изъ Переяславля. Шестимѣсячный искусъ „увѣщаній“ конченъ; дѣло идетъ въ Судно для рѣшенія окончательнаго. Слава Богу за все! Иду въ новый міръ для дознанія или раскрытія въ немъ всѣхъ существенныхъ стихій стараго.

Что писалъ я о „Сынѣ Отечества“, то, мои милые, и теперь подтверждаю. Я много обязанъ этому журналу за принятіе моихъ статей по дѣлу съ Аскоченскимъ, но въ то же время не могъ я не замѣчать съ горестію, какъ, съ самаго же начала этого дѣла, въ томъ же журналѣ дѣлались карикатуры и на меня вмѣстѣ съ Аскоченскимъ. Помните, напр., карикатуру, какъ *Викторъ* Викторовичъ и *Федоръ* Федоровичъ представлены въ какихъ то глупыхъ усиліяхъ и положеніяхъ; это было въ самый разгаръ шума по моему дѣлу съ Апокалипсисомъ. А потомъ эти отказы вамъ, Александръ Алексѣичъ, въ принятіи,—эти растягиванье и даже пренебреженіе долга уплаты за статьи,—это отказы помѣщать нѣкоторыя мои статьи,—обращеніе въ своекорыстную пользу

для себя и въ запутанное задерживанье меня — изданія книжки „О міротвореніи“, все это заставляетъ скорѣе покончить съ редакціею „Сына Отечества“. Только, разумѣется, это должно быть спокойно и *мирно*, хотя бы съ явной обидой для меня, мнѣ не хочется обижать этихъ людей родственной потачкой ихъ недобросовѣстности и нечестности, которыя, кажется, вздумали воспользоваться для себя, елико возможно, и самую мою безпомощностію. Но вѣдь, повторю сказанное въ прежнемъ письмѣ,—Господь—не мечта, и Онъ крѣпче и сильнѣе всѣхъ.

Васъ, Екатерина Петровна, крѣпко благодаритъ Анна Сергѣевна за ваше прошлое доброе письмо; она чувствуетъ живо самое близкое духовное родство съ нею, судя по вашему письму. Она желаетъ вамъ и вашей Катѣ всякаго лучшаго добра, какъ и я.

Мнѣ хотѣлось бы помѣстить въ „Сынѣ Отечества“, если редакция захочетъ, только критическія статьи 1, по дѣлу съ партией Аскоченскаго (послано къ вамъ на Фоминой вмѣстѣ съ брошюрами, которыя вы присылали ко мнѣ) и 2, по сочиненіямъ Филарета Черниговскаго, да еще 3) о старыхъ и новыхъ философахъ. Прочія надо бы взять обратно: Сдѣлайте по вашему лучшему усмотрѣнію, имѣя въ виду прежніе опыты вашей, злоупотребленной другими, довѣрчивости и простосердечія.

Простите вашего А. Θεодора.

1 Іюля 1863 года.

43

Добрые мои

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Господь своею благодатію да будетъ всегда съ вами и вашей Катинькой!

Благодарю и я за ваше родственное посѣщеніе, въ которомъ вы лично и самымъ дѣломъ выразили вашу твердую и живую любовь ко мнѣ. Жаль, что Катинька и вы, Екатерина Петровна, не остались и безъ непріятности—разумѣю вашъ кашель. Въ слѣдующій разъ напишите, прошелъ ли этотъ кашель и еще не напоминаетъ ли чѣмъ о себѣ ушибъ, нанесенный Екатериной Петровной по милости не ловкаго ку-

чера. Не скрою отъ васъ, что и я, по отбытіи вашемъ, тоже
 немножко покашлялъ, только не тѣломъ, а духомъ. Нѣ-
 сколько фразъ Александра Алексѣича,—сказанныхъ мнѣ при
 разныхъ случаяхъ и, безспорно и явно, выражающихъ сер-
 дечную заботливость обо мнѣ и искреннюю, добродушную
 расположенность ко мнѣ, — все же прозвучали для меня
 горькимъ указаніемъ на мое духовное одиночество, на не
 сочувствіе моимъ стремленіямъ и надеждамъ со стороны
 самыхъ близкихъ ко мнѣ людей. Будемъ помнить, дорогіе
 мои, что Спаситель, сойдя въ нашъ бѣднѣйшій міръ, умеръ не
 отъ голода, хотя въ отношеніи къ житейскому Онъ жилъ
 подобно нежнущимъ и непрядущимъ птицамъ небеснымъ
 или лиліямъ полевымъ; Онъ умеръ отъ людей, несогласныхъ
 съ Его духомъ, съ Его образомъ мыслей и расположеній.
 Онъ и нынѣ все тотъ же, въ Которомъ существенно почи-
 ваетъ вся любовь Отца и съ Которымъ *еда не вся намъ дар-*
ствуетъ Божія благодать... Вотъ въ чемъ вы должны утвер-
 ждать меня для моего новаго пути! Слышно, что уже со-
 стоялось синодальное рѣшеніе удовлетворить меня въ моей
 просьбѣ о растриженіи; мнѣ за вѣрное передавали даже то,
 что и во Владимірѣ уже пришло мое дѣло. Въ такомъ слу-
 чаѣ, если я отправлюсь туда черезъ Лавру, я васъ еще за-
 стану у вашего батюшки (которому, также какъ и матушкѣ
 и сестрѣ, передайте мои поклоны,—подобно и въ Питерѣ
 всѣмъ; я непременно заѣду къ вамъ. Можетъ быть, не до-
 везетъ ли меня до васъ и о. Архим. Нифонтъ. Мнѣ хочется
 побывать у вашихъ родителей. Надо также поклониться бла-
 женнымъ Кириллу и Маріи; не даромъ православное русское
 благочестіе требуетъ отъ поклонниковъ преподобнаго Сергія
 предварительнаго поклоненія на могилѣ Его родителей. Это
 значить, по моему мнѣнію, что тогда мы истинно почтимъ
 и усвоимъ себѣ направленіе святости Сергіевой, когда и въ
 его родителяхъ почтимъ отсвѣтъ благодатнаго Отчества не-
 беснаго нашего Отца. Направленіе Препод. Сергія высказа-
 лось въ томъ, какъ онъ и самъ принималъ участіе въ дѣ-
 лахъ русской державы и посылалъ своихъ монаховъ въ спо-
 движники русскихъ воиновъ. Матерь Божія—по ея обща-
 нію—есть всегдашняя покровительница обители Преподоб-
 наго, взятой, разумѣется, въ самой силѣ и духѣ. Вотъ что
 меня ободряетъ и облагодаетиваетъ на моемъ новомъ пути.

Въ заключеніе прошу васъ, Александръ Алексѣвичъ, распорядиться, какъ знаете, о скорѣйшемъ напечатаніи въ „Сынѣ Отечества“ моихъ статей: 1, о старыхъ и новыхъ философахъ и—здѣсь не мѣшаетъ замѣтить подѣ строкой, что она написана въ 1861 году, хотя еще и донынѣ не были высказываемы въ печати подобныя мыслямъ моей статьи идеи; 2) мою статью „по поводу критики Сербиновича.—интересъ здѣсь только въ томъ, чтобы не оскорблять научнаго достоинства и направленія въ Филаретѣ Черниговскомъ,—какихъ у насъ крайне не много между духовными: 3) письмо къ вамъ по дѣлу статьи г. „Собесѣдника“. Знаете ли что,—я думаю писать вамъ письма по поводу и вопросамъ журналистики. Вы будете озабочиваться ихъ отпечатаніемъ въ „Сынѣ Отечества“ или другомъ журналѣ. Не откажитесь отъ этого. Авна Сергѣевна вамъ обоимъ говорить тоже, что и я; она очень, очень полюбила васъ и вашу Катиньку, которую отъ всего сердца цѣлуетъ также какъ и Екатерину Петровну. Всѣ вами названныя и не названныя переславскіе знакомые, начиная отъ Сергѣя Ивановича и о. Архимандрита, съ любовью и уваженіемъ кланяются вамъ. Простите, родные, вашего Теодора.

44.

Извѣстите, родные мои, и о рукописяхъ „о пр. Іереміи“ и „о пр. Іезекіилѣ“. Господь съ вами, дорогіе мои, Своею благодатію!—Миролюбіе, но и твердость нужны намъ.

Цѣлую васъ обоихъ и Катиньку съ вами; клянюсь Мамашѣ вашей и брату съ сестрицей, да и всѣмъ приснымъ. Какой крестъ на семействѣ Галаховыхъ! Господь съ ними!—Радуюсь за Александра Михайловича;⁴²⁾ напишите что-нибудь и о Парѣеніи Лукичѣ съ его Серафимой (кажется) и о семействѣ ихъ родныхъ, гдѣ мы вмѣстѣ были въ одинъ вечеръ. Простите вашего навсегда въ Господѣ А. Теодора.

⁴²⁾ 1863 г. А. М. принялъ священство и изъ профессоровъ церковной исторіи Петроградской Ак—міи перешелъ въ законоучителя Московск. Александровскаго военнаго училища.

45.

Добрые мои

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Пишу къ вамъ въ день пророка Іліи въ домѣ Батюшки Владиміра Владиміровича ⁴³⁾ о. Владиміра, тотчасъ же послѣ обѣда. Вы помните, что Батюшка Владиміра Владиміровича священствуетъ при Церкви Св. Пророка Іліи. Этимъ и объясните себѣ, какъ я попалъ сюда обѣдать.

Что же вы не отвѣчаете мнѣ ничего на мое письмо? Видно, самого Владиміра Владиміровича, гостившаго у васъ въ Хотьковѣ, три дня, вы признали за живое письмо отъ васъ ко мнѣ. Дѣйствительно, онъ передалъ мнѣ добрыя вѣсти объ васъ. Я впрочемъ желалъ бы еще услышать или прочитать въ вашемъ письмѣ, что поѣздка ваша въ Переславль осталась безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій для вашего здоровья.

Что касается до меня, кромѣ тѣхъ вѣстей объ окончаніи моего дѣла, какія сообщены мною вамъ въ прежнемъ письмѣ, ничего доселѣ не слышу. А признаюсь, желалъ бы, чтобы скорѣе все было кончено. Мнѣ очень желательно, да и нужно, пересмотрѣть мои „Изслѣдованія объ Апокалипсисѣ“. Это дѣло лежитъ на мнѣ, какъ на Святителѣ Димитріѣ—трудъ *Четы-Миней*. Кажется, спокойно бы я умеръ, когда бы пересмотрѣлъ и докончилъ дѣло объ Апокалипсисѣ, именно подъ вліяніемъ и при содѣйствіи Анны Сергѣевны. Надобно, чтобы подобное дѣло пошло въ свѣтъ въ такомъ видѣ, чтобы *поставляло на видъ, а не закрывало* свѣтъ Откровенія Божія о судьбахъ человѣчества. Молите вмѣстѣ со мною Царя Небеснаго, чтобы именно такъ исполнить и довершить это дѣло, сколько отъ насъ зависитъ. А напечатать все равно—можно будетъ и за-границей ⁴⁴⁾. Только мнѣ до слезъ жалко Россію и стыдно за нее, если бы, дѣйствительно, оказалась необходимымъ дѣлу объ Апокалипсисѣ искать себѣ пріюта за границей. По совѣсти говорю, что даже съ точки зрѣнія Аскоченскаго и подобныхъ ему не умѣю и не могу усмотрѣть въ этомъ дѣлѣ что либо, подлежащее задержкѣ и запреще-

⁴³⁾ Богословскаго, родомъ изъ Переславля.

⁴⁴⁾ Этотъ проектъ былъ предложенъ М. П. Погодинымъ.

нію по основательнымъ резонамъ. Вы, Александръ Алексѣичъ, конечно—можете усумниться въ этомъ, потому что вы все таки не вполне раздѣляете мои мысли. Вѣдь правда? Главное—выдерживайте *добросовѣстность* своихъ возрѣній и безпристрастіе, а вмѣстѣ, разумѣется, не будьте пристрастны и къ себѣ самому. Все Господь откроетъ. Мнѣ же, въ самомъ дѣлѣ, довольно и любви ко мнѣ, какую вы оба имѣете. Благодарю васъ, и цѣлую Катиньку. Анна Сергѣевна вамъ кланяется съ сердечною любовію и увѣренностію въ васъ обоихъ. Недавно были здѣсь знаемый вами петербуржецъ Иванъ Александровичъ съ Ѳедосѣемъ Ивановичемъ—братомъ Сергѣя Ивановича. Совѣтую вамъ, Александръ Алексѣичъ, съ подобными людьми не разсуждать о дѣлѣ, чтобы васъ не перетолковали. Они люди, пожалуй, добрые, но могутъ за тысячу верстъ ѣхать для того только, чтобы сдѣлать вредъ людямъ, которыхъ они не понимаютъ. И объ васъ, кроткій и благочестивый Александръ Алексѣичъ, скажутъ они, что вамъ, изволите видѣть, только ряса мѣшаетъ быть на сценѣ, а то вы родились актеромъ. Роднымъ вашимъ и моимъ въ Хотьковѣ и Питерѣ кланяюсь. Желалъ бы я узнать, почему одинъ изъ моихъ разговоровъ, именно второй—средній, не напечатали въ „Сынъ Отечества“, когда первый и третій напечатаны.

Простите, родные мои, вашего А. Ѳеодора.

20 іюля 1863 г.

46.

21 іюля 1863 г.

Предобрые мои

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

О. Ѳеодоръ позволилъ мнѣ сдѣлать въ его письмѣ, какую мнѣ угодно, приписку. Но я не рѣшаюсь марать чужихъ писемъ, и беру лоскутокъ бумаги (и не полу-листъ изъ опасанія не отдать за два лота).

Отъ души благодарю Васъ за Вашъ весьма ласковый и радушный пріемъ—въ Хотьковѣ. Изъ Сергіева Посада поѣздка моя домой была очень счастливая. Какъ только сошлась съ дороги, тутъ же взялъ билетъ въ вольный дилижансъ, гдѣ сидѣть было спокойно. Дома, безъ преувеличенія

могу сказать, ждали меня съ нетерпѣніемъ. Что сказалъ, то и исполнилъ. Во Воскресенье,—т. е. 7 числа, я навѣстилъ о. Феодора, Онъ былъ мнѣ весьма и весьма радъ. Ему я передалъ, кажется, все, что Вы поручили мнѣ сказать. Поѣздка его въ Хотьковъ, кажется, не состоится. По крайней мѣрѣ онъ сказалъ мнѣ, что до окончательнаго рѣшенія дѣла онъ не можетъ отлучиться (почему? и отъ кого это зависитъ?—не знаю). Его здоровье на мой взглядъ хуже прежняго; и едва ли не развивается чахотка. Теперь онъ постоянно кашляетъ. Анны Сергѣевны я не видалъ до сихъ поръ. Ильинъ день проводилъ я въ хлопотахъ по хозяйству. Гостей было довольно и въ числѣ ихъ многуважаемый о. Феодоръ. Родители мои очень сожалѣли, что Васъ имъ не пришлось видѣть и познакомиться. Право, досадно это.

Сейчасъ видѣлъ я о. Феодора и Анну Сергѣевну, которой свидѣтельствовала и отъ васъ почтеніе.

Вашему Батюшкѣ о. Алексѣю свидѣтельствую глубочайшее почтеніе, и благодарю ихъ за радушіе; Петру Алексѣичу и Федору Алексѣичу и всѣмъ вашимъ роднымъ свидѣтельствую глубочайшее почтеніе; Катеньку цѣлую.

Желаю Вамъ проводить время весело и благополучно возвратиться въ Петербургъ.

Уважающій Васъ—покорнѣйшій слуга

Вашъ Богословскій.

47.

8-го августа 1863 г.

Мои дорогіе Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Поздравляю васъ съ новымъ вашимъ другомъ—Александромъ Матвѣичемъ Бухаревымъ, а о. Феодоръ 31-го іюля приказалъ вамъ долго жить на радость и пользу для себя и другихъ⁴⁵⁾. Заботьтесь, чтобы чего не отпечатали въ „Сынѣ Отечества“—съ именемъ Архим. Феодора; отнынѣ подписываюсь подъ своими статьями и другими сочиненіями—просто: А. Бухаревъ. Осенью же, Богъ дастъ, надо мнѣ побывать у васъ въ Питерѣ; возьму билетъ до Искова. Тогда

⁴⁵⁾ Въ этотъ день во Владимірской Д. Консисторія Архим. Феодоръ официально снялъ санъ.

поговоримъ обо всемъ. Вчера только узналъ я о вашихъ особенныхъ, даже денежныхъ отношеніяхъ къ моему доброму брату. Но рѣчь обо всемъ послѣ. Буду, Богъ дастъ у васъ самъ-другъ съ Анной Сергѣевной.

Адресъ ко мнѣ: о. Діакону при Филипповской Церкви Арсею Мат. Бухареву съ передачею Александру Матвѣич. Бухареву.

Все ли благополучно вы доѣхали? Какъ Катинька? Господь съ нею и вами. Кланяюсь Надеждѣ Петровнѣ съ Павломъ Петров. и Ольгой Петровной и всѣмъ, соучаствующимъ моему положенію.

Можетъ быть побываю на слѣдующей же недѣлѣ у добрѣйшаго и почтеннѣйшаго Батюшки. Не помедлите прислать мнѣ оба ваше доброе слово, съ названіемъ меня Александромъ.

Вашъ въ Господѣ Александръ Бухаревъ.

Обоимъ вамъ братъ кланяется съ благодарною любовью.

Въ Москвѣ былъ я у о. Порфирія; онъ принялъ меня съ любовью.

48.

23 Августа 1863 г.

Добрые друзья наши

Петръ Алексѣичъ и Любовь Николаевна! ⁴⁶⁾

Господь со всѣми нами.

Вотъ когда отвѣчаю тебѣ, братъ Петръ, на твое послѣднее письмо ко мнѣ! Дѣло не въ трехъ или четырехъ мѣсяцахъ, прошедшихъ отъ твоего письма ко мнѣ до моего къ тебѣ, а въ тѣхъ событіяхъ, какія совершились въ эти мѣсяцы. Твое послѣднее письмо получилъ я, сколько помню, вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ Владиміра, куда я сряжался при отправленіи къ тебѣ моего письма съ вопросомъ о смерти Екатерины. Во Владимірѣ я былъ подвергнутъ послѣднимъ увѣщаніямъ, послѣ чего дѣло обо мнѣ было препровождено въ Синодъ, откуда мѣсяца черезъ полтора и послѣдовало

⁴⁶⁾ Ильинскій (или вѣрнѣе Ильинскій), племянникъ А. М-ча по сестрѣ Екатеринѣ М-нѣ, былъ докторомъ, кажется, въ г. Нерехтѣ. Костр. губ.

опредѣленіе о снятіи съ меня, по моему желанію, монашескаго и священнослужительскаго сана. 31-го Іюля я сталъ снова Александромъ Матвѣвичемъ Бухаревымъ. 16-го Августа мнѣ далъ Господь Богъ жену—Анну Сергѣевну (изъ рода переславскихъ дворянъ Родышевскихъ). Въ тотъ же день я съ женою отправился изъ Переславля чрезъ Ростовъ и Угличъ въ Тверь; куда и прибыли мы 21-го числа. На минуту нашего прибытія къ брату Арсенію (который вмѣстѣ съ своею женою предложили для жительства нашего половину своего дома), случилось быть у нихъ въ домѣ Борковскому священнику о. Павлу съ женою Марьею Алексѣевною. Богу нашему за все слава!—22 ч. явился къ намъ, по дорогѣ въ Питеръ, кутаческой Александръ. Онъ передалъ намъ весьма нерадостную вѣсть—о смерти и другой моей сестры Евдокіи ⁴⁷⁾, послѣдовавшей въ самый день моего брака—10-го Августа. Она скончалась послѣ родовъ, впрочемъ отъ осложненной болѣзни, въ составѣ которой была и лихорадка, и всегдашнее изнуреніе и истощеніе отъ родовъ. Новорожденный Илія тоже скончался за недѣлю до смерти своей матери.

Эти послѣднія обстоятельства напоминаютъ мнѣ твое мрачное разсужденіе о даниловскомъ родѣ твоего родителя. Брате мой! я такъ думаю, что, если *на беззаконія* какого бы то ни было племени и рода, или одного только человѣка, *назрится Господь*, то *кто постоитъ?* Но я вѣрую въ Господа, умершаго за беззаконныхъ и грѣшныхъ, и потому въ огненномъ очищеніи, совершаемомъ еще въ настоящей жизни надъ человекомъ или цѣлымъ родомъ, вижу не столько гнѣвъ, сколько милость Божію, вводящую грѣшныхъ въ соучастіе, волею или неволею, въ спасительныхъ страданіяхъ Агнца Божія, вземлющаго грѣхи всего міра. Вѣра, настроенная такимъ образомъ, будетъ молитвенно и привлекать къ себѣ и другимъ милующую благодать Христову. Съ такою вѣрою и помяни, Петръ Алексѣичъ и вы, Любовь Николаевна, усопшую Евдокію, также какъ и мать вашу Екатерину.

Простите—не знаю, найдете ли васъ мое письмо въ Нерехтѣ.

Ваши Александръ и Анна.

⁴⁷⁾ Была замужемъ за свящ. Ів. Павл. Любимовымъ служившимъ въ с. Кутачахъ.

24-го Августа. Поздравляемъ тебя, Петръ Алексѣичъ, со днемъ Ангела, а Любовь Николаевну съ именинникомъ.

Братъ Арсеній съ Ириной Петровной кланяются вамъ, впрочемъ съ пенею сердечною, зачѣмъ вы не побывали у нихъ, когда были въ Ворахъ. Любимовъ жметъ вамъ руки.

49.

Добрые наши Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Давно бы слѣдовало намъ писать къ вамъ. Вы видите, что я говорю съ вами уже самъ-другъ. Бракъ мой съ Анной Сергѣевной совершенъ въ Переяславлѣ 16-го Августа; въ тотъ же день мы и выѣхали оттуда. Въ Твери мы находимся съ 21-го Августа. Я, по обычаю пописываю; намѣреніе быть въ Петербургѣ осенью не оставляемъ, потому что это *нужно* (какъ говорить въ романѣ „что дѣлать“ Никчѣтушка Ломовъ). Къ вамъ, Александръ Алексѣичъ, просьба отъ меня, и притомъ покорнѣйшая и настоятельная, о томъ, чтобы 1) взять изъ редакціи „Сына Отечества“ мою статью о старыхъ и новыхъ философахъ, также еще одинъ изъ разговоровъ, который остался непечатаннымъ, равно и статейки о сочиненіяхъ Филарета Харьковскаго и о „Собесѣдникѣ“, писавшемъ обо мнѣ въ Домашней Бесѣдѣ — все это, видно, не нужно для „Сына Отечества“; 2) справиться у о. Гречулевича о моихъ статьяхъ касательно Пророковъ Іереміи и Іезекіиля и тоже взять ихъ, если они не нужны редакціи въ скоромъ времени; 3) достать у Александра Ив. Хитрова напечатанные въ „Сынѣ Отечества“ два разговора мои въ нынѣшнемъ году, также замѣтки мои на письма Парижскаго Протоіерея Васильева (что напечатано было въ С. О. въ прошломъ году, наконецъ самую первую мою статью объ Аскоченскомъ. Видите, въ чемъ дѣло: мнѣ хочется, при помощи Божіей, составить сборничекъ изъ моихъ статей и выдать ихъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ „о мирѣ между духовнымъ и мірскимъ или свѣтскимъ, на началахъ православія“. Вотъ съ чѣмъ пріѣхать въ Петербургъ далъ бы мнѣ Господь! Переговоримъ объ этомъ, Богъ дастъ, лично. Хотѣлось бы также, если дастъ Богъ, приготовить „Большихъ пророковъ“ и „исслѣдованія о подлинности и цѣлости 3 кн. Ездры“. Это впрочемъ у меня уже почти готово. Отдаюсь во всемъ на волю Божію. И слава Богу за все!

Вы жалѣете, что не помогли мнѣ въ Москвѣ въ закупкѣ свѣтской одежды. Жалѣлъ и я объ этомъ, тѣмъ болѣе, что и доселѣ не знаю причины, по которой вы, изъявляя накануне свою готовность къ этой дружеской услугѣ, на другой день уже ничего не упоминали объ этомъ; а я не хотѣлъ васъ затруднять и потому тоже молчалъ. Свѣтская одежда меня, сколько относится до моего личнаго настроенія, насколько не ставила въ неловкое для меня положеніе; и вы, Александръ Алексѣичъ, напрасно безпокоились за меня на этотъ счетъ. Были другія обстоятельства безпокоющія, о которыхъ я говорилъ вамъ въ Москвѣ; но Царь небесный просто устранилъ или упразднилъ всякія затрудненія и препятствія къ моему союзу съ Анной Сергѣевной. Лично расскажем вамъ, какъ просто и вмѣстѣ весело сложилась наша свадьба.

Ваши въ Господѣ Александръ и Анна.

Катиньку оба цѣлуемъ. Роднымъ вашимъ, начиная съ ма-
маши, кланяюсь. Братъ Арсеній изъявляетъ вамъ самъ и
все его семейство уваженіе, любовь и признательность; и
просить; какъ онъ выражается, долготерпѣнія. Я узналъ
только въ послѣднее время объ одолженіи, какое вы сдѣлали
ему. Добрые!

Надо бы васъ еще прежде извѣстить объ одномъ, очень
тяжеломъ для меня обстоятельстве, но и говорить объ этомъ
тяжело. Я послалъ Государю просительное письмо и за-
писку по дѣлу объ Апокалипсисѣ; но мои моленія переданы
„по принадлежности“ (какъ оффиціально меня завѣрили).
Оберъ-Прокурору Св. Сѣнода, и слѣд. на судъ тѣхъ, отъ
чьего приговора защиты дѣлу, относящемуся къ слову Бо-
жю, я и искалъ съ вѣрноподданическими моленіями у Са-
модержавія. Но объ этомъ настоятельно прошу не говорить
и съ присными вашими и даже со мною *); мнѣ это тяжело,
когда говорю, слышу или даже думаю объ этомъ. Усугубимъ
только наши молитвы за Россію и Царя, за Церковь нашу и
ея предстоятелей. Авось перейдетъ какъ нибудь это страшно-
критическое время, которое мы переживаемъ, не хотя и зная

*) Развѣ что узнаете фактически относящееся къ этому дѣлу.

его значеніе, такъ осязательно удостовѣряемое оправданнымъ уже событіями Божест. Откровеніемъ. Передаю, какъ и всегда все дѣло самому Человѣколюбцу Господу. Что жъ еще оставалось бы мнѣ дѣлать? Все, кажется, испробовано и сдѣлано, съ подкрѣпленіемъ того и всею моею судьбою. Но винить никого не желаю,—только бы насъ самъ Богъ не обвинилъ за невниманіе къ Божію; Онъ насъ видимо и всячески бережетъ, а мы и проч... Слава Богу за все! Извѣстите—не помедлите, здоровъ ли о. Макарій и все ли у него благополучно. Мнѣ надо будетъ скоро обратиться къ нему съ дѣломъ.

Катиньку цѣлуемъ, оба здоровы и ваши Бухаревы.

50.

11 декабря 1863 г.

Добрые наши друзья

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Слишкомъ поздно благодаримъ васъ за ваше гостепримство и радушіе къ намъ, въ бытность нашу въ Петербургѣ. Это замедленіе отъ того, что, по возвращеніи въ Тверь, оказалось нужнымъ для меня серьезно полѣчиться; тревоги путешествія, отчасти и простуда, также заботы и нѣкоторыя неприятыя впечатлѣнія довольно разрушительно подѣйствовали на мое, и безъ того глубоко подкопанное, здоровье. Ко мнѣ ѣздилъ докторъ, и теперь еще не выхожу изъ комнаты. Тутъ же надо было, сейчасъ же по пріѣздѣ, отыскать болѣе удобную квартиру; такъ какъ найденная для насъ въ бытность нашу въ Петербургѣ, своимъ неудобствомъ и особенно тяжелой атмосферой своей совсѣмъ заставляла меня слечь въ постель. И такъ видите, что трудно было намъ озаботиться писать къ вамъ ранѣе. Тѣмъ болѣе, что я по возможности, не оставлялъ и своихъ письменныхъ работъ: потому что, хотя при посредствѣ вашемъ, и положилъ въ государственный банкъ этотъ нашъ огромный капиталъ въ 190 руб., на который вы, Александръ Алексѣичъ, указывали г. Старчевскому какъ на обезпеченіе для насъ, но я все-таки сознаю себя вдвойнѣ подлежащимъ всей строгости этого апостольскаго слова: „кто не дѣлаеть, тотъ и не ѣшь“. Гос-

подъ много милуетъ и ущедряетъ насъ. Слава Ему за все! Вѣруемъ и надѣмся, что Самъ, снисходившій до потребностей въ пищу, питьѣ, одеждѣ и жилищѣ, не оставитъ и насъ въ этихъ потребностяхъ. Для насъ все это—въ Немъ, да и работа моя въ Немъ-же.

Мой докторъ представляетъ мнѣ, что въ моемъ состояніи здоровья всего бы лучше ѣхать за-границу. Но вопросъ этотъ связанъ для меня и съ другимъ вопросомъ, который для меня важнѣе вопроса и о моемъ здоровьѣ, хотя для другихъ, конечно, не значить ровно ничего. Это — вопросъ объ отпечатаніи за-границей моего труда объ Апокалипсисѣ. Прошу впрочемъ васъ не говорить объ этомъ ни съ кѣмъ. Мнѣ хотѣлось бы и нужно было бы поразспросить объ этомъ Пареепія Лукича; будьте добры,—пришлите его адресъ, если онъ не затруднитъ васъ. Если Господу угодно будетъ мое предпріятіе, то Онъ пошлетъ мнѣ и нужныя для его исполненія средства. Кажется, спокойно умеръ бы я, если бы трудъ объ Апокалипсисѣ оставилъ уже напечатаннымъ, и особенно не на русскомъ только, но и съ переводомъ на одинъ изъ новѣйшихъ европейскихъ языковъ.

Анна Сергѣевна здорова и съ благодарностію за вашу любовь увѣряетъ въ такихъ же чувствахъ къ вамъ и съ своей стороны. Катиньку цѣлуемъ оба. Вашей мамашѣ, Ольгѣ Петровнѣ и Павлу Петровичу наши искренніе поклоны; также и всѣмъ помнящимъ меня съ любовью. А. И. Хитрову братски жму руку, также и Петру Петровичу съ Владиміромъ Владиміровичемъ.

Простите вашихъ въ Господѣ Александра и Анну Бухаревыхъ.

Р. S. Тресковый жиръ пью ужъ постоянно.

Адресъ: на мое имя — въ *Затѣмицкой части, во 2 Покров. улицѣ, въ домѣ о. Діакона Покровской Церкви.*

51.

Добрые мои или лучше наши друзья

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Не нашель я въ Твери „Духа Христіанина“ въ приходскихъ церквахъ, а въ Семинаріи не бываю; и потому вашу

статью, Александръ Алексѣичъ, противъ Бокля — еще не могъ прочитать. Жалѣю, что вы мнѣ не дали прочитать эту статью въ бытность мою въ Питерѣ; это предметъ—чрезвычайно важный и вмѣстѣ щекотливый; того и гляди, что чегонибудь не доскажешь или перескажешь. Съ покойнымъ Кирѣвскимъ я схожусь, но не совсѣмъ, но объ этомъ рѣчь наша впереди, когда я прочитаю вашу статью.— Не можетъ быть по моему мнѣнію, чтобы васъ Преосв. Исидоръ ⁴⁸⁾ считалъ не православнымъ или даже не христіаниномъ въ сочиненіяхъ вашихъ, собственно за вашу пріязнь ко мнѣ; это вѣдь не Аскоченскій. Я подозреваю, не прокрался ли у васъ какой-либо отгѣнокъ мысли о законности права философствовать въ независимости отъ Христа и вѣры, или что-нибудь въ родѣ этого.

Я квартирую теперь въ *Церковномъ Соборномъ домѣ, около самаго Тверскаго Собора у о. Діакона Колоколова*. Такъ и пишите адресъ. Александру Ивановичу Хитрову постарайтесь дать знать, что, и съ перемѣной адреса, можно посылать ко мнѣ №№ „Сына Отечества“ по напечатаннымъ уже въ редакціи адресамъ въ *квартиру у Покровскаго Діакона*. Все равно, — буду лично брать изъ почтамта №№ „Сына Отечества“. Я уже 15-го января получилъ присланные мнѣ №№, потому что не зналъ о ихъ присылкѣ, а на почтѣ ожидали, когда я пришло или самъ приду за этими №№. Простите.

Анна Сергѣевна и я здоровы, оба цѣлуемъ маленькую Катеньку и всѣмъ вашимъ кланяемся.

Ваши въ Господѣ А. и А. Бухаревы.

52.

Добрые наши друзья!

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Господь съ вами своею благодатію.

Мое предчувствіе не обмануло меня насчетъ вашей статьи, Александръ Алексѣичъ! Листокъ который вы прислали мнѣ — съ бракомъ. Вотъ вамъ, если угодно, двѣ мои замѣтки, — обратите на нихъ полное ваше вниманіе — покорнѣйше прошу объ этомъ.

⁴⁸⁾ Митр. С.-и-бургскій.

1) Основная ваша мысль: „Вѣра должна воспитать духовныя силы человѣка до свободнаго, сознательнаго или разумнаго дѣйствованія, согласнаго впрочемъ съ основными ея догматами; она должна освятить всѣ естественныя, въ предѣлахъ законности заключающіяся дѣйствія и стремленія человѣка“. Тутъ таятся двѣ несостоятельности предъ истинною. Вѣра у васъ служитъ главнымъ образомъ дѣлу воспитанія человѣка или народа; возросшій въ школѣ вѣры человѣкъ или народъ дѣйствуетъ уже съ внутреннею самостоятельностью и независимостью, только не расходясь съ Вѣрою, которая зато освящаетъ независимыя и самостоятельныя движенія и стремленія этого человѣка или народа, „заключающіяся въ предѣлахъ законности“. Апостоль въ законность относить къ мѣрамъ воспитательнаго пѣстунства, а насколько кто, по его ученію, входитъ въ истинную силу и состояніе вѣры, — такой, именно по этому самому, находится уже въ самостоятельномъ, независимомъ возрастѣ, во всемъ одушевляясь свободнымъ и властительнымъ Духомъ Сына Божія... Это первое! Далѣе, у васъ человѣкъ, духовно возросшій, долженъ дѣйствовать своими духовными силами, какъ онъ самъ находитъ лучше и разумнѣе „согласно впрочемъ съ основными догматами Вѣры“; онъ самъ себѣ голова, дѣйствующая своимъ умомъ, своею волею и сердцемъ, для которой только нѣкоторымъ сдерживающимъ ограниченіемъ (психологически всегда болѣе неприятнымъ, чѣмъ пріятнымъ) служатъ основныя догматы вѣры. А Церковь православная учитъ, что только *святымъ Духомъ всяка душа живится* и дѣйствительно *святлется* только *Тройчскимъ единствомъ священнотайнъ*, зная одного голову надъ собой Самого Христа, съ Которымъ и Которымъ — человѣкъ уже и становится по надлежащему и самъ себѣ голова. Въ этомъ норма самой нашей природы духовной. Да и освящается лишь то и настолько, что и насколько проникается Духомъ Святымъ, безъ Котораго, что ни дѣлали бы вы и какъ ни ограждали бы себя предѣлами законности, все — дрянъ и скверна. Тоже — и независимость, какъ скоро она не условливается Самимъ Духомъ, Владычественнымъ и Святымъ, хотя бы прямо и не отвергала основныхъ догматовъ вѣры. А потому, что есть или было лучшаго и живаго и у язычниковъ, древнихъ и новѣйшихъ, это было и есть

не что иное, какъ совершающееся въ силѣ же Св. Духа (хотя только предваряющей озареніе свѣтомъ Самого Христа, просвѣщающаго человѣка и во тьмѣ). Говорящіе отъ имени вѣры все это тонко должны разъяснить себѣ, а то отчасти справедливо будутъ навлекать замѣчанія и укоризны, какія высказалъ Преосв. Исидоръ.

2) „Промышленность, такъ повторяете вы покойнаго Кирѣвскаго, управляетъ міромъ безъ вѣры и поэзіи“... И у васъ, дѣйствительно, всѣмъ ходомъ западнаго развитія доказано, что промышленность — просто дрянь, идолъ. А идоловъ истина низвергаетъ безпощадно. И выходитъ, такимъ образомъ, аскочиновщина. И такъ и въ этой идеѣ промышленности у васъ что-нибудь—да не такъ. Въ самомъ дѣлѣ,— что, если кромѣ слѣдимой вами и Кирѣвскимъ стороны, въ промышленности еще есть и развивается (хотя пока и глухо или бессознательно) и другая вполнѣ прекрасная сторона? Что, если и духъ мудрости и человѣколюбія, снисшедшаго съ пронебснаго престола до матеріальности до плоти, инстинктивно слышится по крайней мѣрѣ серьезными и честными промышленниками и экономистами, и только по этому они всецѣло предаются своему дѣлу, не хотя помимо или во вредъ этого дѣла знать ни вѣры, ни поэзіи?.. Вѣдь вы съ Кирѣвскимъ, съ придачею и Аскоченскаго, будете въ своихъ сужденіяхъ о промышленности не правы, односторонни. За это, впрочемъ, кромѣ меня, никто не укоритъ васъ во имя православія. И серьезно упрекаю во имя вѣры. — Полно объ этомъ.

Недавно былъ я въ Москвѣ, — удѣлалъ дѣло объ изданіи отцензурованныхъ рукописей. Одна книжка уже и отпечатана, „Письма о благодати таинствъ“. Всѣхъ книжекъ должно быть семь или восемь. Вышлю вамъ по почтѣ не прежде выхода всѣхъ; развѣ будетъ какая особая оказія.— Редакція „Сына Отечества“ дамѣренно или ненамѣренно слѣдуетъ вашему, Александръ Алексѣичъ, совѣту — не присылаетъ мнѣ ничего, да и перестала мое печатать, хотя за нею много моихъ статей. Вѣдь надо усиленно и непрерывно трубить, чтобъ хоть кого-нибудь разбудить. Видно придется такъ покончить съ „Сыномъ Отеч.“. Жалко мнѣ ихъ, что и проч. Простите! Анна Сергѣевна и я цѣлуемъ васъ обоихъ и третью Катеньку. Кланяйтесь отъ насъ всѣмъ вашимъ. Извѣ-

стите насъ о Владим. Владиміровичѣ и Петрѣ Петровичѣ, здоровы ли они и вообще какъ процвѣтають. Ваши Бухаревы.

P. S. Напишите отъ меня въ Хотьковъ сердечные поклоны доброму Старцу съ семействомъ.

53.

Добрые мои или наши друзья,

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Благодаримъ васъ за вашу любовь къ намъ и за деньги, какъ очевидное о ней свидѣтельство. Но книги „Печаль и радость, по слову Божію“ все-таки еще не высылаю. Вы меня простите, если скажу вамъ, Александръ Алексѣичъ, правду, что вы моихъ книгъ мало читаете или слишкомъ мало обсуждаете ихъ содержаніе. Поймите, ради Бога, что мое недовольство, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, происходитъ не отъ болѣзненности моей, раздражаемой особенностями моего положенія. Подумайте, что вѣдь теперь, напримѣръ, мнѣ надо выражать только довольство и удовольствіе. Вѣдь у меня почти нѣтъ такихъ другихъ людей, какъ вы, принимающихъ сердечное и дѣятельное участіе въ насъ: значить, мнѣ это очень, очень дорого. Но все-таки считаю даже долгомъ поцѣловать вамъ въ смыслѣ, высказанномъ выше.

Вы говорите, по поводу знакомства съ Есхиломъ и Софокломъ, о множествѣ „въ человѣкѣ естественнаго добра или вообще естественнаго духовнаго богатства; такъ что у васъ возникаетъ желаніе лучше познакомиться съ поэзіей древнихъ, чтобы лучше изучить человѣка въ естественномъ состояніи“. Но это добро или духовное богатство—что оно въ сущности и основаніи своемъ? На сколько оно, дѣйствительно, добро или духовное богатство,—оно Христовъ благодатный свѣтъ, свѣтящійся и во тьмѣ язычниковъ: *свои имъ пророки*, насколько были такими, озарялись свѣтениемъ Христовымъ ради дѣйствовавшего уже и тогда, отъ сложенія міра, хотя имѣвшаго осуществиться еще послѣ, самопожертвованія Его за міръ. Другаго добра или богатства духовнаго, кромѣ Христова, не было въ естествѣ человѣческомъ

даже и прежде вторженія въ него тьмы грѣховной; откуда же оно взялось бы послѣ? Или разбирайте дѣло съ другого конца, — доискивайтесь, что такое само по себѣ это духовное богатство у язычниковъ. Порожденіе самого естества, а не благодати? Но естество оживляется и освѣщается этимъ добромъ, какъ чѣмъ то высшимъ себя и властительнымъ надъ собою, судящимъ и заправляющимъ всю естественную область; а порожденіе естественно подчиняется порождающему началу.—Видите, что худо въ представленіи вашемъ: Христось Господь не оставлялъ ради свое Агнчаго самопожертвованія и оставившихъ Его язычниковъ, а мы эту славу похищаемъ у Его благодати и челоуѣколюбія и приписываемъ естеству. Это все равно, какъ существующее въ естественномъ порядкѣ отчислать и отъ непосредственныхъ дѣйствій Того, Кто Самъ же носить всяческая; въ порядкѣ нашего духовнаго естества—оживляться и освѣщаться добромъ и истинною не иначе, какъ по благодати Сына Божія, отъ сложения міра уже устремившагося къ вочелоуѣченію ради насъ. Но зачѣмъ тогда, скажете вы, особый порядокъ благодати, отдѣльный отъ порядка естества и ему болѣе или менѣе, если не вполне противоположный? Отвѣчаю: порядку благодати противоположенъ собственно порядокъ грѣха, а не естества нашего, напротивъ въ порядкѣ естества нашего—быть намъ именно подъ благодатию; при всемъ томъ, порядокъ благодати всегда былъ и есть не то, что порядокъ естества, а особый порядокъ. Такъ и въ первобытномъ состояніи естества, благодать его осѣняла и проникала по своимъ собственнымъ основаніямъ и въ силу своего собственного порядка—любви Отца небеснаго, почивающей въ Его Сынѣ и ради Его простертой на созданія, ради именно самой Его готовности низойти Самому до тварнаго бытія, и притомъ даже смертельно-страдальческаго. Этотъ порядокъ и раскрылся во Христѣ и дѣйствуетъ въ Его Церкви на все времена; изъ этого же свѣтоноснаго порядка свѣтъ Христовъ свѣтился и въ тьму язычества.—Вы этотъ благодатный свѣтъ и изучайте, слѣдите, насколько онъ касался и Софокла или Эскила или вообще языческой поэзіи; души этихъ язычниковъ вмѣстѣ и съ тѣми душами, на которыя они дѣйствовали своими сочиненіями, будутъ вамъ благодарны за возбужденіе въ нихъ живаго Христова свѣта, про-

никакшаго въ нихъ и, видно, ими не отринутаго, хотя и не увѣданнаго въ своемъ значеніи.

Вотъ теперь, милые мои, и въ Христіанскомъ мірѣ возобновился этотъ порядокъ вещей, какимъ въ древнемъ мірѣ было язычество. Многіе христіане — почти все дѣлаютъ и мыслятъ не по Христу, а по идоламъ чуждыхъ Ему идей и страстей, и это не только впавшіе уже въ прямое невѣріе, но и сами вѣрующіе;—въ области Богословія они еще не прочь отъ Господа, а въ другихъ областяхъ и для нихъ Господь—какъ ужъ не Господь, не хозяинъ дѣла. Но Господь,—зная, что безъ Него только зло и смерть,—свѣтитъ намъ и въ эти области, гдѣ возобновляемъ языческое невѣдѣніе,—свѣтитъ своимъ добромъ, истиною и жизнію, къ которымъ принадлежитъ все сколько нибудь доброе и живое въ этихъ областяхъ, насколько оно добро и живо... Чтожъ? Станемъ ли такое человѣколюбіе Его благодати закрывать для себя изъ-за самаго Его снисхожденія къ намъ? Примѣняйте тоже и къ древнему язычеству.—Но, скажете, мы ужъ Христіане. — Но, скажу и я вамъ,—какъ язычникамъ древняго міра необходимо было чрезъ крещеніе входить въ Церковь Христову для своего спасенія, для упроченія за собою и тѣхъ лучей благодати, которые проходили къ нимъ и въ языческіе мраки; такъ и намъ, уже въ крещеніи умершимъ для всякаго начала внѣ Христа, надо *помышлять* и держать себя уже *мертвыми для грѣха* или для чуждаго Христу начала, а *живыми Христомъ для Бога* (См. Рим. VI, 11), чтобы опять не возобновлять разрушеннаго Христомъ, а напротивъ упрочить за собою свѣтеніе Его и въ нашей безсознательности. Иначе мы будемъ виноватѣ самыхъ язычниковъ, т. е. у насъ будетъ темнѣе, чѣмъ въ язычествѣ, какъ это уже и постигло многихъ въ христіанскомъ мірѣ. Надо наконецъ кончиться этому несчастному порядку вещей. Будемте стараться объ этомъ.

Анна Сергѣевна настояла, чтобы не медлить отсылкою вамъ моей книжки. Вотъ здѣсь въ очеркѣ книги „Пѣсни Пѣсней“ вы увидите, что невѣста проситъ своего Возлюбленнаго „возвратиться къ ней по горамъ раздѣленія“. Вникните хорошенько въ смыслъ этихъ словъ, какъ они изъясняются у меня. Когда Господь снова въ средахъ земныхъ, въ которыхъ Онъ предварительно отображалъ Свою истину

и благодать, отсвѣчивая ими и языческому міру,—сіять будетъ самымъ уже существомъ Своей истины и благодати: тогда (и это время уже начинается) естественно для насъ яснѣе будетъ, какъ благодатный свѣтъ отсвѣчивалъ въ земныхъ средахъ въ древнемъ мірѣ. Вы и замѣчаете или изучаете слѣды этого свѣта, какъ онъ отходилъ или заходилъ для древняго міра; направляйте это изученіе къ тому, чтобы прямо и сознательно воспринимать Христовъ свѣтъ въ земныхъ средахъ, къ которымъ относится и область языческой поэзіи, — и тогда онъ болѣе и болѣе будетъ восходить въ этихъ средахъ уже прямымъ своимъ свѣтомъ. Такъ снова воротится Божеств. Женихъ Истины по горамъ раздѣленія. Чувщій и твердо признающій сущность истины въ самомъ земномъ, но еще не дознавшій и въ земномъ Христа, но зато ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ уже не уживающійся, это реалистъ Базаровъ, рѣдкій по честности въ своемъ.

Простите меня!

Цѣлуемъ оба Катиньку. Кланяйтесь Надеждѣ Петровнѣ и всѣмъ вашимъ роднымъ, нечужимъ и для насъ.

Ваши Александръ и Анна Бухаревы.

54.

Дорогіе наши Александръ Алексѣевичъ и Екатерина Петровна!

Слава Господу, устроившему у Васъ и съ Вами такъ много благодатно-прекраснаго! Не писали мы Вамъ собственно потому, что получивъ чрезъ Тверского Протодіакона извѣстіе о новомъ вашемъ назначеніи⁴⁹⁾, ждали отъ Васъ новаго адреса. А мнѣ была и личная надобность писать, и именно сдѣлать Вамъ, Александръ Алексѣичъ, нѣкоторыя порученія; но объ этомъ послѣ. Теперь же, или прежде всякихъ другихъ объясненій, примите отъ насъ обоихъ привѣтствіе: Христосъ воскресъ! Съ этимъ привѣтомъ поцѣлуйте за насъ и Катиньку съ новой жилицей здѣшняго свѣта Сашинькой. То же поздравленіе передайте и Петру Петровичу⁵⁰⁾ съ его

⁴⁹⁾ Въ Кронштадтъ.

⁵⁰⁾ Преображенскій, былъ женатъ на Ольгѣ Петровнѣ, сестрѣ Екат. П—вы Лебедевой, почитатель о. Феодора; познакомился съ нимъ въ Петроградѣ.

невѣстой Ольгой Петровной и общей мамашѣ Надеждѣ Петровнѣ, также Владиміру Владиміровичу, Павлу Петровичу, О. Леониду и всѣмъ помнящимъ меня съ участіемъ любви. Преосвященнѣйшаго Герасима⁵¹⁾ да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, какъ и онъ не отрекается отъ меня и помнитъ обо мнѣ съ любовью. О какъ я долженъ благодарить Создателя и Спасителя нашего за Его благодать и щедроты ко мнѣ! Пишу къ вамъ въ великій четвертокъ послѣ приобщенія Св. Таинъ; мой отецъ Духовный не отяготилъ меня эпитиміинымъ лишеніемъ этой Благодати, сказавъ мнѣ, что довольно съ меня моего креста. Это говорю вамъ, какъ моимъ или нашимъ приснымъ, если и вы не отрекаетесь отъ меня.

Слова два скажу вамъ и по вопросамъ о *знаніи* и о *промысленности*, заданнымъ вами въ предъидущемъ письмѣ. Вы склоняетесь къ мысли, что знаніе всякихъ вещей (а не однѣхъ Богословскихъ), получаемое на основаніи прямо Христа Бога Слова и въ силѣ Св. Духа, принадлежитъ развѣ только будущей жизни, а теперь можетъ быть только искомымъ. Совершенство знанія, состоящее въ открытомъ свѣтѣ созерцанія, принадлежитъ дѣйствительно будущей жизни, такъ же какъ совершенство и торжество добродѣтели или радость о Св. Духѣ, раскрытая въ полное блаженство. Но во вѣки вѣковъ да не будетъ и нѣтъ того, чтобы Господь, предоставивъ намъ еще нынѣ приобрѣтать и усвоить Его въ качествѣ всесвятой правды и утѣшенія, отказалъ намъ въ усвоеніи Его, какъ всеобъемлющей истины. Вы возражаете, что поэтому, наши познанія напр. о природѣ будутъ уже вдохновенными отъ Св. Духа и слѣдовательно потеряютъ свой научный характеръ. Отвѣчаю: вотъ и малѣйшее нравственное добро, въ его чистотѣ, можно намъ совершить не иначе, какъ усвоивъ себѣ Господа по благодати Св. Духа, но этимъ не нарушается, а напротивъ вполне поддерживается нравственный порядокъ, требующій отъ насъ усилій, подлежащій условіямъ постепенности, не исключаящій нашихъ немощей, преткновеній и даже паденій словомъ,

черезъ земляка о. Ѡ—ра—Вл. Вл. Богословскаго (по Переславлю), своего товарища по Академіи.

⁵¹⁾ Добросердовъ, еп. Ладожскій, викарій с.-петербургскій.

дѣломъ и помышленіемъ. Такъ точно, родные мои, и малая искра отъ чистаго свѣта истины доступна нашему разумѣнію не иначе въ существѣ дѣла, какъ тоже чрезъ приемлемое нами свѣщеніе Господа—единаго Свѣта, просвѣщающаго людей, свѣтящагося и въ нашей тьмѣ, но этимъ не исключается, а выполняется прямой научный порядокъ дознанія истины, идущій путемъ логики, опытовъ, усилій и даже самыхъ, иногда вѣковыхъ, неудачъ. Простите меня,—ваше возраженіе показываетъ мнѣ только то, какъ мы бѣдные забыли и пренебрегли, по отношенію къ знанію, благодать православнаго христіанства.

О промышленности вы написали въ письмѣ много мягче и снисходительнѣе, чѣмъ въ статьѣ. Но и этимъ я не доволенъ. Повѣрьте Господу, что сущность дѣла и въ отношеніи къ промышленности, какъ и ко всякой области жизненной, состоитъ собственно не въ ограниченіяхъ и умѣреніяхъ нашей любви къ житейскому, а въ томъ, чтобы вести и устроить дѣло житейское по Господу. Сколько бы вы не умѣряли и не обезсиливали вашего паэоса въ дѣлѣ промышленности, но если основаніе и начало этого дѣла у васъ не самъ Христосъ и Его правда, то вы только лишите себя энергіи чрезъ ваши умѣренія и сдѣлаетесь вялымъ промышленникомъ, а дѣло то ваше все таки будетъ дрянью. И наоборотъ если вы разумно и твердо сознаете, что и промышленные предметы принадлежать сокровищницамъ нашего Господа — Благодателя и что производствомъ ихъ, также какъ и оборотами вы собственно приводите въ движеніе таланты Его благодати на пользу сообщниковъ Его или вообще во благо тѣхъ, для кого Онъ и содѣлался Сыномъ человѣческимъ, испытавшимъ условія и потребности здѣшней жизни; то вамъ, взявшимъ это воззрѣніе за принципъ для себя, и не свойственно быть безъ паэоса, а слѣдовательно, и безъ горячей энергіи, въ дѣлѣ промышленности, и чѣмъ болѣе будетъ этого паэоса, одушевляющаго васъ и къ энергической практикѣ, тѣмъ лучше для пріобрѣтенія вами самаго Царствія Божія и правды Его;—не говорю ужъ, что чрезъ это будетъ *прилагаться* и выгодный успѣхъ вашего промышленнаго дѣла. Такъ точно и въ любви къ отцу, къ матери, женѣ, дѣтямъ сущность дѣла не въ умѣреннѣхъ или вялыхъ движеніяхъ этой любви, но въ томъ,

чтобы не любить ихъ помимо Господа, чтобы за самое основаніе любви къ нимъ признать и принять самого Господа, содѣлавшагося ради насъ человѣкомъ и ихъ содѣлывающаго своими собственными членами, чтобы всякое другое начало любви къ нимъ отринуть рѣшительно или просто *возненавидѣть*. Вотъ что! Примите это, если угодно, для вашего кронштадтскаго новоселья. Это, какъ видите, направлено вообще противъ системы умѣренія, вошедшей чрезъ перетолкованіе понятій о распинаніи себя со страстями,—системы, не доводящей до живаго усвоенія намъ Христа (а только чрезъ это и можно распять плоть свою со страстями и похотями, или стать мертвымъ для всякаго начала жизни, внѣ Христа),—системы, доведшей во многихъ христіанство и благочестіе до какой-то чахоточной вялости. Штурманскому въ Кронштадтѣ законоучителю желаю не держаться этой системы. Наконецъ и о моихъ потребностяхъ: 1) Мнѣ нужны книги мои. Похлопочите, пожалуйста, Александръ Алексѣичъ, взять у Ник. Григорьича Овсяникова (ему скажите поклонъ отъ меня) 30 экзем. *объ Апостолѣ Павлѣ*, да о *Православіи* 15 экзем. еще у Хитрова 30 экземпл. о *міротвореніи* и наконецъ у себя экземпляр. 20 *писемъ къ Гоголю*. Уложите это въ тюкъ, хоть при помощи Петра Петровича Преображенскаго и, написавъ адресъ, препроводите этотъ тюкъ на Троицкое подворье къ моему брату монаху о. Николаю Іерусалимскому не позже субботы Свѣтлой недѣли; у о. Николая въ Фомино воскресенье возьмутъ его довѣренныя лица для доставки мнѣ.— 2) Просилъ бы я еще васъ же, Александръ Алексѣичъ, исподволь (безъ басу какъ говорится) покончить счетъ съ г. Хитровымъ касательно книжки о *міротвореніи* и взять всѣ мои статьи изъ редакціи „Сына Отечества“. При вашемъ посредствѣ началось мое дѣло въ „Сынѣ Отечества“ и именно вы устроили съ Хитровымъ сдѣлку о напечатаніи моей книжки о *міротвореніи*; похлопочите же и о закончаніи этого дѣла. Эти гг. ведутъ дѣло со мною какъ-то двусмысленно. Судите сами. — полезно ли для дѣла истины, когда „Сынъ Отечества“ отпечатаетъ какъ нибудь мою статью и потомъ черезъ полгода возьмется за другую, лежащую въ редакціи иногда болѣе года и писанную по поводу уже давнему для времени напечатанія, и это притомъ съ такою небрежностію, что пустятъ напередъ статью экончательную, а предвари-

тельную, служащую основаніемъ для первой, отпечатають послѣ. А между тѣмъ дѣло мое таково, что вотъ и вы, находясь въ непрерывныхъ сношеніяхъ со мною, недоразумѣваете и разногласите со мною по самымъ существеннымъ вопросамъ. Мнѣ нужно раскрывать дѣло истины благовременно и безвременно, постоянно разъясняя то или другое, а иначе — истина, какъ я ее разумѣю, останется только за мною; значить, лучше молчать, нежели попусту говорить въ Сынѣ Отечества. Пусть ихъ занимаютъ своими дѣлишками, какъ знаютъ; моимъ товариществомъ они пренебрегаютъ и злоупотребляютъ, извлекая изъ меня только то, чтобы по временамъ были у нихъ статьи духовнаго рода. Я хотѣлъ бы, чтобы разнообразное дѣло этихъ Гг. было службой одному Господу, но они предпочитаютъ работать на всевозможныхъ господъ, пренебрегая Господомъ. Жалко мнѣ Хитрова; онъ можетъ измельчать до нельзя. — Сдѣлкой по книжкѣ *о миротвореніи* вы можете быть довольны, какъ вы высказывали мнѣ. Но и здѣсь берите во вниманіе, много ли досталось мнѣ за выручку денегъ, вычтенныхъ за мои статьи на покрытіе изданія книжки. Потомъ, — куда не хочется и негдѣ писать объ этомъ. Лучше въ мирѣ разойтись съ этими людьми. Я бѣденъ, но какъ отцамъ моимъ, такъ и „Сыну Отечества“ не хочу соучаствовать въ бесполезномъ и двусмысленномъ, унижительномъ и вредномъ для нихъ самихъ. Простите. Ваши Александръ и Анна, живущіе тихонько.

Это дайте прочитать и Петру Петровичу съ Влад. Владим. — къ свѣдѣнію и обсужденію.

Р. С. Весной, думаю, Богъ дастъ, побывать въ Петербургѣ распорядиться между прочимъ книжками о миротвореніи и статьями.

55.

Добрые друзья наши

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Долго мы не отвѣчали на ваше письмо потому, что все сами сряжались въ Петербургъ; пока слухи и газетныя извѣстія объ усиленіи здѣсь эпидемической какой-то горячки заставили насъ отложить на время путешествіе къ вамъ. За

присылку 15 руб. благодаримъ приславшихъ. Къ вамъ покорнѣйшая просьба — взять изъ банка деньги наши съ ихъ процентами; и, оставивъ у себя слѣдующія вамъ въ уплату нашего долга (10 рублей, данныхъ мнѣ въ Переяславлѣ, еще 10 руб., отданныхъ Осипу Михайловичу, да 25 руб. взятыхъ нами въ послѣднее наше свиданіе, да и еще не брато ли нами когда что-нибудь), пришлите намъ, ради Бога *безъ всякаго умедленія*, 50 руб., а остальные 100 или около этого удержите пока у себя; весною, Богъ дастъ, при личномъ свиданіи можемъ ихъ получить. А если угодно съ-разу окончить обременительныя, конечно, для васъ хлопоты о нашихъ деньгахъ, то вышлите, пожалуй, и всѣ ихъ, за вычетомъ долга. Сдѣлайте это, какъ найдете удобнѣе и проще для себя: Анна моя больше того мнѣнія, чтобы 100 руб. оставили вы до личнаго свиданія у себя. — Премного мы благодарны вамъ за всѣ дѣла вашего участія въ насъ. О деньгахъ покорнѣйше прошу снова, что по крайней мѣрѣ 50 руб. *не медлите* прислать.

Еще нѣтъ ли вамъ возможности узнать поточнѣе о томъ, какъ подаются или посылаются всеподданнѣйшія письма въ собственныя руки Государя. Вы, конечно, угадываете, зачѣмъ я спрашиваю объ этомъ. Не хочется мнѣ, и я даже обязанъ употребить всѣ средства и усилія, чтобы на Россійскую Церковь и іерархію не палъ позоръ насильственнаго закрытія свѣта откровенія. Впрочемъ на это другимъ даже и не намекайте. — Извѣстите, въ Петербургѣ ли Государь и В. князь Константинъ. Помолитесь вмѣстѣ съ нами Создателю и Спасителю нашему, чтобы люди не оставляли, подъ печатію необъясняемой тайны, Апокалипсисъ, о которомъ прямо сказано: „не запечатывай словъ пророчества книги сей, ибо время близко“.

Жду еще выхода и высылки мнѣ новой моей книги; привезу ее вамъ самъ.

Прилагаемое при семъ письмецо къ Петру Петровичу Преображенскому, прочитайте (чтобы мнѣ не говорить одного и того же дважды) и при случаѣ отошлите ему. Цѣлуемъ мы оба васъ обоихъ и дѣтокъ вашихъ. Господь съ вами! На вопросъ вашъ, какъ поступать съ приходящими на исповѣдь невѣрами, скажу вамъ кратко мою мысль: по употребленіи всего возможнаго, чтобы не дать высочайшей святости

псамъ, т.-е. чтобы возбудить въ невѣрѣ хоть искорку вѣры, имѣйте сами вѣру пріобщить подобныхъ, какъ несмысленныхъ младенцевъ, если они все же идутъ къ чашѣ, то за нихъ надо крѣпче молиться при служеніи литургіи... Особенно умоляйте Матерь Божию о такихъ младенцахъ и также Іоанна Предтечу. Простите вашихъ Александра и Анну Бухаревыхъ.

Р. С. Невѣрующаго или колеблющагося спрашивайте, вѣрятъ ли они вообще въ добро, въ истину. Если скажутъ, что вѣрятъ, то просите ихъ съ строгою любовью къ истинѣ разобратъ, что такое будетъ истина и добро въ своей сущности и на чемъ они въ насъ были бы обоснованы виѣ Христа, свою истинность и добро доказавшаго и исторически-всемирнымъ значеніемъ христіанства, и самымъ содержаніемъ святого своего ученія, и открытыми фактами или опытами того, что Овъ дѣйствительно носитъ всяческая глаголомъ силы своея, своею всеобъемлющею мыслию. Безъ Христа, добро и истина въ насъ не возвысятся надъ нашею произвольностію и недоразумѣніями, и не найдутъ для себя непреложной опоры. А не вѣрить въ истину и добро нельзя, потому что иначе все было бы только зло, а такого ада еще нѣтъ на свѣтѣ.

1 іюля 1864 г.

56.

Добрые друзья

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Радуюемся мы, что у васъ все—слава Богу въ Кронштадтѣ. Но ваше письмо не дало намъ вашего Кронштадтскаго адреса. Потому мы пишемъ на имя Петра Петровича Преображенскаго. Въ слѣдующемъ письмѣ исправьте недостатокъ прежняго,—пришлите адресъ.

О вашихъ статьяхъ, Александръ Алексѣичъ, поговоримъ послѣ. Въ настоящій разъ скажу только слова два по поводу нашего съ вами разговора 8-го мая послѣ литургіи, которую вы служили. Вы объясняли, что вы въ состояніи бороться съ неправомысліемъ и невѣріемъ по Богословію, по психологіи, по философіи, но по естественнымъ наукамъ, по геологіи, по физиологіи чувствуете и сознаете себя не довольно самостоятельнымъ и твердымъ въ истинѣ Христовой. Тяжело мнѣ было слышать такія рѣчи,—тяжело до болѣзни,

такъ что я не имѣлъ бодрости духа—идти къ о. Протоіерею Николаю, хоть вы меня и звали къ нему. Апостоль Іаковъ говоритъ, что нарушившій законъ Христовой правды въ чемъ-либо одномъ, чрезъ это нарушилъ уже весь этотъ законъ (см. 2 глав. 10 и 11 ст.). То же самое и въ отношеніи къ истинѣ Христовой. Твердо стоять во всемъ ея составѣ и только въ одной какой-либо малости допустить колебаніе и слабость —значить быть нетвердымъ и не состоятельнымъ во всей Христовой истинѣ. И въ самомъ дѣлѣ, только дозвольте себѣ сказать относительно какой-либо одной стороны знанія, что здѣсь еще не все имѣете или находите во Христѣ: этимъ сейчасъ обличите себя, что Христось не имѣетъ еще для васъ, въ дѣлѣ знанія, значенія единственной и всеобъемлющей истины, что вы еще не признаете всего въ Христа за одну тщету и уметы, или за несостоятельность предъ истинною, и что, слѣдовательно, вы еще не на пути истиннаго познанія Иисуса Христа Господа нашего (см. Филип. 3, 7—10). Тогда только мы можемъ вступать въ должную борьбу съ неправомысліемъ или невѣріемъ по психологій ли, по Богословію ли, по геологій ли, когда твердо станемъ въ той вѣрѣ, что во Христѣ только—истина, а, насколько геологія ли или другая отрасль знанія будутъ представлять что вопреки Христу, Его истинѣ, это ужъ — рѣшительный признакъ несостоятельности *изъ* предъ истинною или фальшивости, по крайней мѣрѣ колеблемости ихъ между истинною и ложью. Потому если бы я еще и не успѣлъ овладѣть вполне подобною отраслію знанія, но колеблемость ея между истинною и ложью, явная и несомнѣнная для моей вѣры, пусть и остается съ этою отраслію знанія;—мнѣ самому *изъ* за этого колебаться, или создавать и допускать въ себѣ несостоятельность предъ истинною, нѣтъ никакого резона и даже повода. Чрезъ это я выдалъ бы предательски и самую эту отрасль знанія, которую я еще со Христомъ могу достать. Пусть бы иногда приступили къ моему духу помыслы, да полно такъ ли есть, какъ я вѣрую: это прираженіе духа сомнѣнія я приму только за резонъ и поводъ къ тому, чтобы принести къ Господу Агнцу Божію и чужое сомнѣніе и невѣріе, какъ мою собственную вину.—Заклучу это тѣмъ, что, и по отношенію къ знанію, только тогда сознательно завладѣемъ всѣмъ во Христѣ, когда только въ Немъ одномъ бу-

демъ искать и полагать все истинное. Самое полное приложение и къ дѣлу знанія имѣютъ эти Христовы слова: „если кто пойдетъ за Мною и не возненавидитъ отца своего и матеръ, братьевъ и сестеръ, жену и домъ, и самую душу свою (если т.-е. не будетъ за единственное начало въ себѣ признавать самого Христа съ рѣшительнымъ отверженіемъ всякаго другого начала), тотъ не достоинъ Меня“. И слава Ему за это, что Онъ и въ дѣлѣ знанія, какъ и въ другихъ сторонахъ духовнаго совершенства, все открываетъ и даетъ только въ себѣ Самомъ: потому что внѣ Его дѣйствительно тщета и ложь—все, что бы ни было; только въ Немъ истина и спасеніе всего.

Теперь вамъ слѣдующія мои порученія:

1) При удобномъ случаѣ, о которомъ напередъ условьтесъ съ Хитровымъ, покончите съ нимъ расчетъ по изданію книжки *о миротвореніи*, — отчетливо дознайте со справкою у Н. Г. Овсянникова, сколько за нимъ, по распродажѣ этой книги, денегъ и экземпляровъ, — а остальные экземпляры, возьмите у Хитрова и помѣстите пока у о. Петра Петровича Преображенскаго, котораго я нарочно прошу объ этомъ. Я не замедлю распорядиться взять ихъ къ себѣ.

НВ. Хитровъ сказалъ вамъ неправду, будто опасается меня продать книги мои оптомъ; я писалъ ему, что онъ могъ бы продавать и букинистамъ за 40 коп. Но у этихъ людей много дѣлъ и кромѣ насъ!

2) По моему письму къ Старчевскому, чтобы онъ выслалъ мнѣ всѣ мои статьи и недоплаченныя деньги, мнѣ присланы Хитровымъ нѣкоторыя статьи, но не всѣ. Не присланы: 1) о журналахъ, 2) по поводу критики Филарета Черниговскаго, 3) письмо по поводу статей „Собесѣдника“ обо мнѣ въ Домашней Бесѣдѣ. Возьмите ихъ для передачи мнѣ, также и деньги, которыхъ не додано 90 р. сер. съ чѣмъ то по счету, какой мы съ вами дѣлали и который принять самимъ Старчевскимъ, въ послѣднее мое съ нимъ свиданіе. И дѣло кончено съ „Сыномъ Отечества!“ Истину говорю вамъ: отъ двусмысленности этихъ людей въ отношеніи меня мнѣ было не легче, чѣмъ отъ Аскоченскаго.

Простите! Анна Сергѣевна вамъ кланяется и цѣлуетъ вашихъ Катю и Сашу, какъ и я.

Вашъ А. Бухаревъ.

57.

Добрые наши

Александръ Алексѣвичъ и Екатерина Петровна!

Возмогайте и вы въ Господѣ и въ Его державной крѣпости.

Что сказать вамъ, Александръ Алексѣвичъ, на ваше оправданіе передъ истинною Христовою? Оно васъ болѣе винить, чѣмъ оправдываетъ. Мнѣ больно было до нетерпѣливости, при личномъ нашемъ разговорѣ, не то, что геологи даютъ противобиблейское и противохристіанское направленіе своимъ занятіямъ и открытіямъ, но то, что и вы, въ этомъ отношеніи, не довольно, не рѣшительно разграничивали себя отъ нихъ. Въ письмѣ вы еще прямѣе, чѣмъ въ разговорѣ, высказываете это: „вы не хотите (говорите вы мнѣ) понять наше положеніе, — вы не думаете снизойти къ намъ сочувствіемъ и состраданіемъ... Не бранить насъ нужно, а снизойти къ *нашему* положенію, обуреваемому вѣтрами сомнѣній“. Видите ли,—положенію, обуреваемому сомнѣніями, я готовъ сочувствовать и сострадать отъ всего сердца, если кто ужъ имѣлъ неосторожность или несчастіе впасть въ подобное положеніе. Въ надеждѣ поднять такого человѣка отъ этого положенія, я не прочь и отъ того, чтобы и его поддержать еще во Христѣ, какъ человѣка, любящаго и ищущаго Христа въ качествѣ истины. Вы знаете, что именно за подобнаго настроеніе моего духа меня честили вѣроотступникомъ. Но мнѣ горько и больно и досадно даже видѣть, какъ и человѣкъ, помилованный отъ Господа быть вѣрующимъ, при первой же оказіи спѣшитъ войти въ положеніе колебаній и сомнѣній и потомъ коснись въ этомъ положеніи, даже старается оправдывать его. Я и теперь скажу, что, хотя колебанія и сомнѣнія касательно Христовой истины относятся къ слишкомъ немногимъ и частнымъ вопросамъ, но допустившій эти колебанія и сомнѣнія не твердь вообще во всей Христовой истинѣ *). *Невѣдѣніе Божіе имате*, сказано колебавшимся въ одной изъ частныхъ христіанскихъ истинъ.

*) Испытайте-ка въ самомъ дѣлѣ, на Христѣ ли опирается ваше и психологическое самодовольство и самоувѣренность, и вообще Онъ ли Самъ есть для васъ свѣтъ просвѣщающій... Серьезно прошу объ этомъ.

Примѣч. автора.

Иное дѣло *спасовать* мнѣ въ разговорѣ съ тѣмъ, кто говоритъ со мною на языкѣ, мнѣ почти неизвѣстномъ. Или если дѣло зашло бы у меня съ человѣкомъ, который съ чудесною ловкостію и умѣньемъ дѣйствуетъ ружьемъ, а я едва умѣю взять въ руки это ружье; то опять я *пасую*. Но это только въ отношеніи къ владѣнію и распоряженію этими одними предметами,—ружьемъ или неизвѣстнымъ мнѣ языкомъ. Но когда у вѣрующаго пойдетъ дѣло относительно Самого Христа и Его истины, онъ не станетъ колебаться въ Христвѣ отъ неумѣнья объясняться объ Немъ и Его истинѣ на неизвѣстномъ языкѣ или дѣйствовать въ Его славу ружьемъ. Геологія—это ружье, которымъ мы еще не научились владѣть, или языкъ, котораго мы почти не знаемъ. — Но на этомъ языкѣ хулятъ Христа,—будто Онъ Самъ ввелъ своего врага — смерть въ самое свое творчество? Этимъ ружьемъ стрѣляютъ въ Христову безпримѣсную жизненность и животворность?—Что жъ?—Отъ этого не терпитъ даже и самое это ружье или языкъ. Надо отнять у хульниковъ это ружье или языкъ, выучиться, т. е. владѣть имъ въ должномъ совершенствѣ и употребить въ славу Христа и Его истины. (И это, конечно, потребуетъ такого же подвига за истину, какъ подвижники подвизаются въ правдѣ противъ всякихъ напоровъ на ихъ сердце лстивой неправды). И вотъ такимъ образомъ дѣло выходитъ наоборотъ вашему скороспѣшному заключенію,—распроститься съ геологіей, какъ съ безпокойнымъ, дикимъ звѣренкомъ,—отказаться отъ геологіи, да не только отказаться, но даже истребить всякій слѣдъ отъ нея“. Надо, напротивъ, вполне овладѣть и геологією, владѣя тайною всего — Христовой истиною и благодатію. Геологія разрабатываетъ свою долю на полѣ истины; а истина Самъ Христосъ.

Вѣрующему во Христа надо ужъ, по этому самому, знать, что истинность и существенность всего — во Христвѣ, а потому все внѣ Его — тщета и ложь, тѣнь, а не существенность. Вѣрующему во Христа надо отказаться, какъ отъ идоловъ, не отъ геологіи или чего подобнаго *), но отъ всякой мечты и призрака истины и добра внѣ Его, да не только

*) Напр. отъ промышленности, торговли. Вспомните письмо мое объ этомъ. *Примѣч. автора.*

отказаться, но даже истребить всякій слѣдъ отъ этихъ призраковъ, всякое сомнѣніе и колебаніе. Тотъ, въ рукахъ у кого несмѣтное истинное богатство, развѣ по одной глупости погонится за человѣкомъ, который брячить фальшивую монетою. Для вѣрующаго во Христа несообразность чего бы ни было съ существенною (такое или другою) стороною Его истины и духа есть уже самая непогрѣшимая аппробація или вывѣска фальшивости.

Но и сомнѣвающагося и колеблющагося я спросилъ бы: если ты колеблешься отъ геологическихъ фактовъ или даже не отъ фактовъ геологическихъ, а отъ выводовъ, какіе дѣлаютъ изъ этихъ фактовъ, то неужели Христосъ такъ мало извѣстенъ тебѣ въ значеніи несомнѣннаго факта, чтобы предпочесть Ему противохристіанскіе выводы изъ фактовъ? Столько ли для тебя достовѣрны эти факты (не говорю уже о выводахъ изъ нихъ), сколько достовѣрнымъ всячески оказался этотъ великій фактъ — Христосъ? Такъ то и фактичность, на которую опираются твои колебанія, ниспровергаетъ эти твои колебанія. Ты вѣришь только осязаемому. Но вѣдь факты геологическіе тобою еще не провѣрены, и выводы изъ нихъ о тайнѣ бытія и жизни—предположительны, какъ и сами геологи сознаются, а Христа ты осязалъ всячески и въ историч. Его проявленіи, и въ Его ученіи, и въ Его внутреннемъ дѣйствіи на духъ твой и близкихъ къ тебѣ.

Вамъ жалко цѣлаго ряда ученыхъ? Но для того, чтобы быть въ состояніи выручить ихъ, твердо безъ тѣни колебаній держитесь Христа и съ *Нимъ* возьмитесь за геологію. Геологія, и въ младенчествѣ, и въ старости, безъ Христа никакъ не дойдетъ до истины, какъ и всякая другая наука и вообще знаніе: потому что истина во Христѣ. А со Христомъ, который пожертвовалъ Собою для заблуждающихся, можете добратъся до всѣхъ и всего. Потому то и горько, что знающіе Христа не понимаютъ и не принимаютъ собственнаго положенія, возвышающагося надъ рядомъ ищущихъ и чтущихъ, пожалуй, Его же, но какъ невѣдомаго.

Что касается до Самого Христа, Онъ свидѣтельства отъ человѣкъ не пріемлетъ, а Самъ и Одинъ даетъ человѣкамъ оправдывающее свидѣтельство. Не мечтайте геологію или чѣмъ другимъ укрѣпить и возрастить вѣру въ тайну міротворенія, если эта вѣра не обоснуется у васъ въ самомъ

Христѣ до безопасности со стороны колебаній, до свѣтоносности для самой геологій.—Конечно, когда при наступленіи дня мы начинаемъ ясно видѣть всѣ предметы нашего міра, то, хотя бы солнце было закрыто облаками, мы ужъ не сомнѣваемся въ пришествіи къ намъ солнца. Но все же *солнцемъ* освѣщаются предметы міра, а эти послѣдніе выясняютъ свѣтъ солнца. Солнце истинны—Христось. И ваши глаза уже открыты для Его свѣта—вашею вѣрою. И вы въ этомъ Его свѣтѣ уже видите многое, — между прочимъ, на примѣръ, и психологическую область. Но многого, конечно, еще не обнимаетъ ваше зрѣніе, — иные предметы слишкомъ еще далеки отъ него, а другіе заслонены чѣмъ-нибудь; между прочимъ, на примѣръ, геологическая область еще слишкомъ далеко лежитъ отъ вашего обычнаго кругозора, да кромѣ того засторонена отъ васъ съ самой своей фактической стороны — цѣлой антибиблейской теоріей, закрывающей геологическіе факты и отъ свѣта самаго Солнца. Что же изъ того? Какъ въ первомъ случаѣ само собою разумѣется, что психологическая область освѣщена для васъ Самимъ Христомъ, насколько ясно и вѣрно вы видите всѣ вещи въ этой области; такъ и въ послѣднемъ случаѣ Христось не менѣе свѣтитъ для васъ во всей солнечной красѣ, хотя геологій и не видите еще въ Его свѣтѣ. А если бы ваше воззрѣніе ко Христу стало слабѣть и колебаться отъ невидности еще для васъ, въ Христовомъ свѣтѣ, геологической области, — вы походили бы на человѣка, который, не видя изъ Кронштадта въ самый даже полдень своей прежней Екатерингофской квартиры, сталъ бы не на шутку волноваться на тотъ счетъ, свѣтитъ ли еще солнышко на небѣ, не пропало ли оно...

Александръ Алексѣичъ! Я въ вѣрѣ вашей не сомнѣваюсь нисколько. Но только стоить озаботиться поставить себя по дѣлу знанія такъ, какъ слѣдуетъ истинному православному, — какъ стояли Василій Великій, Григорій—другъ его, Златоустъ, Дамаскинъ. Это очень, очень важно и для насъ самихъ, и для дѣла знанія. (Прошу васъ дать прочитать и это письмо Петру Петровичу, которому съ его Ольгой Петровной и съ вашей общей мамашей — передайте отъ насъ обоихъ искренніе поклоны). А о книгѣ моей, давшей поводъ къ этимъ нашимъ разсужденіямъ, скажу вотъ что: я писалъ ее, имѣя въ виду только-что вышедшія тогда лекціи Москов.

университетскаго проф. Рулье объ образованіи міра; мнѣ хотѣлось вѣрующимъ показать, что они напрасно чуждаются геологіи, какъ звѣря, что и область геологіи можетъ и должна освѣтиться Христомъ (сколько у Рулье поставлено на видъ геологическихъ фактовъ, они у меня объяснены изъ кв. Бытія безъ нужды въ другихъ теоріяхъ), а геологистовъ хотѣлъ бы я вызвать къ тому, чтобы, хоть для опыта, взглянули они на дѣло мірообразованія другимъ, а не своимъ рутиннымъ уже для нихъ взглядомъ. Серьезная, не ребячествующая любовь къ истинѣ когда-нибудь такъ и воспользуется трудомъ, подобнымъ книгѣ „о міротвореніи“. Богословскому же воззрѣнію я хотѣлъ разъяснить, что Господь творилъ міръ, дѣйствительно, такъ просто и мощно—рече и быша, но въ то же время и себя обрекая на Агичее самозакланіе за міръ; движеніемъ именно такой любви проникнуто было все Творчество и на Божественномъ Самопожертвованіи обосновано бытіе міра неизбежно отъ всевозможныхъ случайныхъ настроеній; и міротвореніе, въ этомъ духѣ, шло съ дивно-разсчитанною послѣдовательностію. Вотъ и все!

Изъ редакціи „Сына От.“ мною получены всѣ мои статьи,— послѣднія изъ нихъ въ одно время съ вашимъ послѣднимъ письмомъ. Выручайте теперь заработанныя мною и недодаваемые мнѣ деньги 90 руб. съ чѣмъ то для немедленной высылки мнѣ, прошу васъ объ этомъ. Съ Хитровымъ ведите дѣло, какъ найдете лучше и удобнѣе. Но объ этомъ была уже у насъ рѣчь прежде.

Прощайте! Цѣлуемъ васъ и обѣихъ малютокъ вашихъ. Христосъ съ вами!

Ваши Александръ и Анна Бухаревы.

23 іюля 1864 г.

58.

1 ноября 1864 г.

Добрые наши

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Получили мы ваше письмо съ 10 руб. серебр. и—благодаримъ за ваши заботы о насъ. Не знаю, съ чего это взяли вы, будто мы не довольны вашимъ чаемъ: онъ у насъ еще не вышелъ, и мы, потому, сами еще не знаемъ, какое впе-

чатлѣннѣе на насъ будетъ производить вашъ чай, когда мы его будемъ пить. Я думаю, что ваша совѣсть свидѣтельствуеть передъ вами, что со стороны вашего участія въ нашихъ нуждахъ намъ мудрено быть недовольными. За все васъ благодаримъ. Вотъ что, наши добрые! Но признаюсь въ моемъ грѣхѣ, что я бываю иногда недоволенъ вами, Александръ Алексѣичъ,—только совсѣмъ въ другомъ отношеніи. Желалъ бы я, чтобы вы когда-нибудь подумали вотъ о чемъ: святые Ангелы, созерцая истощаніе Бога Слова чрезъ Его схождение до плоти и въ ней до смерти, менѣе ли благоговѣли предъ Нимъ, чѣмъ прежде такого Его истощанія? Мнѣ кажется, что не только не меньше, но даже и больше, несравненно больше; потому что предъ ними несравненно глубже, чѣмъ прежде, раскрылась истинная слава Божія чрезъ воплощеніе Бога Слова и чрезъ Его страданія и смерть по плоти — за грѣшный міръ. Отецъ небесный только въ Сынѣ Своемъ, когда Онъ и распятъ былъ, полагалъ или существенно имѣлъ все Свое благоволеніе. Вы знаете, что эти великія тайны Божіи могутъ во Христѣ отобразаться такъ или иначе и въ насъ грѣшныхъ. Сколько отъ васъ зависитъ, ничѣмъ не помрачайте этихъ благодатныхъ отображеній.

Къ Старчевскому мнѣ писать ужъ нечего. Въ счеты Хитрова съ Овсяниковымъ намъ тоже входитъ не за чѣмъ; не отъ насъ съ Вами, а отъ Хитрова зависѣло входитъ въ такія или другія отношенія къ Овсяникову по поводу книжки „о міротвореніи“, но я даже не знаю, въ чемъ состояли эти отношенія. Вы только будьте добры ко мнѣ—возмите у него мои книжки и сведите съ нимъ счеты относительно того, сколько ихъ распродано и за нихъ сколько уплачено. Пусть Хитровъ расчитывается самъ съ другими, съ кѣмъ мы не имѣли никакого дѣла. А то, пожалуй, онъ свалитъ и это дѣло на насъ.—Къ Старчевскому чрезъ Хитрова или чрезъ почту напишите, думаетъ ли онъ уплатить мнѣ не доплаченный долгъ (около 90 руб. сер.); если думаетъ, то пусть вручитъ вамъ для передачи мнѣ, а если не думаетъ, то скажите, что г. Бухаревъ такъ богатъ и обезпеченъ съ такимъ преизбыткомъ, что докучать ужъ не будетъ. Хорошо, еслибы онъ отдалъ; тогда вы взяли бы изъ этихъ денегъ взятія нами у васъ 25 руб. сер. и еще взятія мною у васъ

въ Переславль 10 руб. и также выданныя вами Осипу Михайловичу, — чтобы — положенныя въ проценты деньги оставались нетронутымъ нашимъ фондомъ.

Ваши Александръ и Ан. Бухаревы.

Р. С. Катиныку и Сашиньку цѣлуемъ. Наши поклоны передайте Надеждѣ Петровнѣ и Петру Петровичу съ Ольгой Петровной. Я совѣмъ было попалъ съ недѣлю назадъ въ Хотьковъ. Пишите туда и отъ насъ поклоны.

59.

25-го ноября
1864 г.

Добрые наши

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Добрый именинникъ до трехъ дней, говорятъ добрые люди: а извѣстный вамъ о. Архимандритъ Нифонтъ толковалъ бывало, что „ужъ худой именинникъ до трехъ дней, а хороший — на недѣлю“. По такимъ хорошимъ рѣчамъ, очевидно, не будетъ поздно поздравить вчерашнюю именинницу или именинницъ съ Ангеломъ, а Александра Алексѣича съ именинницами. Это поздравленіе и извольте принять отъ насъ.

Цѣль настоящаго письма, впрочемъ, не одно поздравленіе, а еще увѣдомленіе васъ, что мы выѣзжаемъ изъ Твери въ село для жительства. Это село Млево въ 40 верст. отъ Вышн. Волочка, — квартира у священника, у котораго мы гостили въ послѣднее наше путешествіе въ Петербургъ. Адресъ нашъ: *Въ Вышній Волочекъ, Священнику села Млева о. Іоанну Алексѣевичу Георгіевскому для передачи Александру Матвѣичу Бухареву.* Особенныхъ причинъ, привязывающихъ насъ къ Твери, нѣтъ, а сельская жизнь представляется болѣе удобною въ финансовомъ отношеніи; хочется еще, если Богъ дастъ, въ слѣдующее время заняться пересмотромъ и довершеніемъ дѣла объ Апокалипсисѣ и, связаннаго съ нимъ внутренно, дѣла о 3 кн. Ездры. Къ новому году должна выйти новая моя книга подъ заглавіемъ: „О современныхъ духовныхъ потребностяхъ мысли и жизни, особенно Русской“. Это — собраніе статей, отчасти отпечатанныхъ въ „Сынѣ

Отечества“, а наполовину, или еще болѣе, новыхъ. Право перваго изданія куплено книгопродавцемъ Манухинымъ.—По выходѣ книги, пришлю ее къ вамъ или лично доставлю, если откроется надобность быть въ Петербургѣ.—Мы оба здоровы, впрочемъ зима и квартирныя неудобства и перемѣны возбудили во мнѣ порядочный кашель. Безпокойства эти явно чувствительны и для Анны Сергѣевны. Впрочемъ, мы всегда должны благодарить Создателя за особенныя Его къ намъ милости. Прощайте! Васъ и дѣтей вашихъ цѣлуемъ.

Ваши Александръ и Анна Бухаревы.

Мамашѣ вашей и Петру Петровичу съ Ольгой Петровной передайте наши искренніе поклоны. А что книжки „о міротвореніи“ уже у Петра Петровича? И кончились ли ваши сношенія, по моему дѣлу, съ редакціей „Сына Отечества“?—29-го этого мѣсяца мы уже не будемъ въ Твери.

60.

Добрые друзья наши

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Вы, надо думать, давно ужъ въ своемъ кронштадтскомъ гвѣздѣ, а мы еще въ переславскихъ краяхъ, гдѣ, слава и благодареніе Господу, провели все это время въ тишинѣ и мирѣ, побывавъ еще только въ Угличѣ и не болѣе двухъ сутокъ пробывъ въ Переславлѣ. Жили все время въ деревнѣ, около озера, среди близкихъ лѣсовъ и луговъ, при большомъ садѣ, на отличномъ мѣстоположеніи и при рѣдкихъ по красотѣ видахъ. Вамъ въ Хотьковѣ не писали, потому что все лѣто сряжались сами къ вамъ, на возвратномъ пути въ вышневолоцкіе края. Сряжались, сряжались, да и дождались газетныхъ извѣстій, что въ Волочкѣ холера. Какъ ѣхать въ такую опасность? Мы рѣшили перемѣнить мѣстожительство, — переселяемся въ Ростовъ, если Господь дастъ. Это близко къ роднымъ мѣстамъ Анны Сергѣевны, да она и родилась въ Ростовѣ.

Сдѣлайте милость, — не помедлите извѣстить, что особеннаго и новаго въ Петербургѣ. Болѣе четырехъ мѣсяцевъ ничего не слышимъ. Какъ живетъ добрый нашъ о. Ма-

карий-цензоръ? Мнѣ скоро надо будетъ писать къ нему, съ посылкою рукописей. Пожалуйста, освѣдомьтесь *скорѣе* и напишите, все ли у него по добру-здорову? Это мой сподвижникъ и соучастникъ. Кланяйтесь ему отъ обоихъ насъ съ любовію и уваженіемъ.

Что слышно о дѣлѣ по толкованію Апокалипсиса? Книжку „Печаль и радость“⁵²⁾, гдѣ есть очеркъ и содержанія Апокалипсиса, доставлю или пришлю вамъ послѣ. Какъ я радъ, что эта книжка вышла въ свѣтъ! Катю и Сашу цѣлуемъ. Скажите, какъ благополучно вы совершили свое путешествіе и всѣ ли здоровы. Многоуважаемой Надеждѣ Петровнѣ и Петру Петровичу съ Ольгой Петровной и Павлу Петровичу передайте наши искренніе поклоны. Пока довольно! Прощайте! Ваши Александръ и Анна Бухаревы.

30 сентября 1865 г.

Какъ можно *скорѣе*—пишите намъ.

Адресъ: Въ Переславль Залѣсскій Владим. губ. на станцію Погостъ. Его Высокоблагородію Сергѣю Ивановичу Родышевскому съ передачею А. М. Бухареву.

Что ваша книга о св. Тихонѣ? Я обдумалъ, что написать объ ней, но еще не писалъ. Все время это провелъ въ прогулкахъ и отдыхѣ; ничего почти не писалъ.

Доктору Александру Андренчу Краснопольскому глубокое почтеніе, и съ его женою.

Я думаю (и это необходимо) перевести на новое мое имя прежнія сочиненія, съ прибавленіемъ къ нимъ новыхъ введеній. „Три письма къ Гоголю“—тому же должны подвергнуться. Я полагаю искать для этого тоже книгопродавца-издателя. Согласитесь ли вы выслать остающіеся у васъ экземпляры мнѣ съ тѣмъ, чтобы я постарался пріобрѣсть для васъ невырученныя вами деньги этого изданія, а затѣмъ остальное взять себѣ? Тоже я предложу и В. И. Ловягину о книгѣ: о Новомъ Завѣтѣ. Но это пока между нами. Вы извѣстите меня о своемъ мнѣніи.

⁵²⁾ „Печаль и радость по слову Божию,—черки свящ. книгъ Плача Іеремія и Пѣсня пѣсней съ прибавленіемъ объ Апокалипсисѣ и 3-й книгѣ Еврейск. М. 1864 г.

Добрые наши друзья

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Ради Бога извините насъ, что такъ долго не отвѣчали мы на ваше грустное письмо. Это отъ того, что послѣднія недѣли прошли у насъ въ заботахъ о перемѣщеніи нашемъ изъ Тверскихъ краевъ въ Ростовъ. Мы только третьяго дня поселились въ своей новой квартирѣ, и вотъ спѣшимъ сначала поздравить Васъ, Екатерина Петровна, со днемъ вашего Ангела, а Васъ, Александръ Алексѣичъ, съ вашей имениницей. О Сашенькѣ не сѣтуйте; она хорошо сдѣлала, что пострадавъ въ сообщеніи Христовыхъ неповинныхъ страданій за виновный міръ, ушла изъ этого міра, гдѣ не хотятъ знать Христа, гдѣ все хотятъ удѣлать и устроить безъ Христа. Послѣдняя пылинка на полу или на дорогѣ разсудительнѣе и счастливѣе живущихъ въ мірѣ семь, потому что она существуетъ и держится Христомъ Богомъ Словомъ, освящаясь и въ своей инерціальной вещественности благодатию Его воплощенія, а живущіе въ мірѣ, сколько отъ нихъ зависитъ, хотятъ и мечтаютъ обойтись безъ Христа. Сами вѣрующіе Его стыдятся или тоже знать не хотятъ Его любви къ намъ и міру; самые служители Его тоже не прочь, въ той или другой области мысли и жизни, науки и службы, дѣйствовать помимо Господа. Что за охота жить въ такомъ мірѣ, если кто хоть чуточку чувствуетъ всю ненормальность и нелѣпость чуждаться Христа. „Мнѣ было бы обидно, Христось, еслибы я не былъ Твой“, сказалъ Григорій Богословъ. Да; Сашинька хорошо разсудила не оставаться въ такомъ мірѣ, гдѣ хотятъ быть не Христовыми. Благодать Божія судила ей благую часть,—лучшую нашей. Христось съ ней! Будемте въ память ея стараться и быть внимательнѣе, чтобы всегда быть со Христомъ. Васъ, Екатерина Петровна, въ особенности прошу, чтобы когда къ Александру Алексѣичу приходятъ по дѣлу съ визитами, всегда по возможности быть тутъ же и самой принимать; двоимъ лучше и удобнѣе и веселѣе принимать всякаго со Христомъ Сыномъ Божиимъ, содѣлавшимся Сыномъ Человѣческимъ за всякаго человѣка. Одинъ забудетъ Его на минуту; другая вспомнить. Катиньку вашу оба

цѣлуемъ съ поздравленіемъ и ея со днемъ Ангела. Господь съ нею!

Надеждѣ Петровнѣ и Петру Петровичу съ Ольгой Петровной передайте наши поклоны съ увѣреніемъ въ нашемъ къ нимъ уваженіи. За о. Павла радъ, что онъ священствуетъ: поздравьте его съ этою благодатію.

Писать о вашей книгѣ „Св. Тихонъ“ я думалъ и раздумалъ. Вѣдь въ „Странникѣ“ я тоже буду странникомъ. Жалко мнѣ дѣтей о. Василия Гречулевича. Надо бы ему ради нихъ, ради памяти о покойной Евдокіи, поболѣе заботиться объ освобожденіи духовной мысли и жизни отъ разныхъ ветошой и о живомъ, свободномъ, а не формальномъ и натянутомъ обоснованіи науки во Христѣ. Мою книжку „Печаль и радость по слову Божію“ доставлю, Богъ дастъ, лично. Напишите, какъ Петръ Петровичъ дѣлается съ своимъ разсужденіемъ на степень. Его и Ольгу Петровну поздравляемъ съ дочкою.

Простите, наши родные! Цѣлуемъ васъ оба мы. Да сохранить васъ Создатель и Спаситель нашъ!

Мы здоровы

Слава Царю небесному за все! Простите и пишите къ намъ, если можно, безъ замедленія. Ваши Александръ и Анна Бухаревы.

Адресъ: Въ Ростовъ Ярослав. губ. Въ Малой Яковлевск. улицѣ, вблизи Яковлевскаго монастыря, домъ Шапошникова. А. М. Б.

62.

Добрые наши друзья!

Съ Новымъ годомъ!

Посылаемъ вамъ книжку нашу. Богу извѣстно, когда еще буду у васъ. Письмо, прилагаемое здѣсь, писано къ вамъ ужъ недѣли двѣ. Посылаю и его потому, что оно относится къ дѣлу истины, наиболѣе важному для насъ. Не ослабляю ничего въ немъ писаннаго; потому что писана правда. Въ самомъ дѣлѣ, Александръ Алексѣичъ,—(прибавляю къ писанному въ письмѣ и еще слова два)—испытайте себя, какъ вы читаете мои книги. Вотъ, помнится, въ бытность мою у

васъ, при чтеніи разговора о *знаніи и вѣрѣ* вы замѣтили мнѣ, будто, говоря словами Бытописанія о Божеств. *огнѣ* въ отношеніи къ нашей мысли и слову, я не выяснилъ значенія этого духовнаго огня. Послѣ посмотрѣлъ я это мѣсто, и что же? Ужь и выше его, особенно ниже страницы двѣ или три, ясно показано, что разумѣется огонь именно Духа истины и благодати, насколько Онъ, ради вочеловѣченія Христова, простирается на человѣческую мысль и слово своими вліяніями и дѣйствіями. Мы, православные, по силѣ св. Таинствъ истинно ходимъ среди этого огня и носимъ его въ себѣ. Надо слишкомъ поверхностно читать, чтобы такъ легко относиться къ читаемому,—не вникать въ сущность и связь развиваемыхъ мыслей. Простите, что такъ говорю! Вѣдь вы учитель Израилевъ. Мы оба здоровы и васъ съ вашей дочкой цѣлуемъ.

Ваши Александръ и Анна

Бухаревы.

14 января 1866 г.

63.

22 апрѣля 1866 г.

Добрые наши,

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Христось Воскресе!

Медлили мы этимъ привѣтомъ и вообще отвѣтомъ на ваше послѣднее письмо съ 10 руб. [за которые передайте нашу благодарность],—это потому, что хотѣли и на этотъ разъ приложить къ вамъ можетъ быть и не одну, новенькую книжку, вмѣсто краснаго яичка. Но не знаю, что до-нынѣ задержало Манухина прислать мнѣ эти книжки, готовыя въ типографіи еще на Страстной. Объ нихъ и довольно этого слова; потому что, Богъ дастъ, сами увидите и прочитаете, что это за книжки.

Дай Богъ, чтобы трудное и опасное время прошло у васъ безъ опасностей и какъ можно легче разрѣшилось тою радостію, отъ которой ужъ не помнятъ прежней скорби,—радостію, *яко родися человекъ въ мѣръ*. Намъ казалось бы, что Екатеринѣ Петровнѣ лучше бы на это время быть въ близости къ вамъ. Вѣдь могла бы быть у васъ и Надежда Пе-

тровна. Или ей это не удобно изъ-за училища? Впрочемъ вы все это, безъ сомнѣнiя, ужъ обсудили вполне.—Надеждѣ Петровнѣ съ Петромъ Петровичемъ и Ольгой Петровной, а при случаѣ, и О. Павлу передайте наши поклоны,

Доктору А. А. Краснопольскому скажите, что я очень радъ его удовольствию отъ очерка объ Апокалипсисѣ въ книжкѣ „Печаль и радость“; другіе получаютъ за него и высказываютъ мнѣ удовольствіе и отъ другихъ статей, особенно отъ очерка „Пѣсни пѣсней“, умалчивая о разъясненіи Апокалипсиса—этой задачѣ перелома всей моей судьбы. Когда будетъ, во всѣхъ отношеніяхъ, удобно Екатеринѣ Петровнѣ прочесть въ тишинѣ всю мою книжку. „Печаль и радость по слову Божию“, покорнѣйше прошу ее по немножку прочесть всѣ статьи, въ спокойствіи духа.

Знаете ли что? Въ нашей ростовской квартирѣ такъ удобно было бы принять васъ въ общую нашу семью. Вотъ чудно было бы, еслибъ оказалась нечаянная возможность для васъ совершить путешествіе къ намъ,—такъ, инкогнито безъ гардероба, недѣлки на двѣ или на недѣлю. Въ Ростовѣ сколько святыни! Святитель Димитрій, ходатай за науку; озеро, по которому мы бы поплавали въ виду особенно ростовскихъ монастырей и церквей, родина преп. Сергія, куда мы направляли бы самыя наши прогулки. Когда еще будетъ возможно съ дорогими людьми вѣзмъ этимъ воспользоваться и насладиться?! Вѣрующему все возможно.

64.

Добрые наши

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Благодаримъ васъ за подарокъ и поздравленіе, и взаимно подраваемъ съ Новымъ годомъ и сопутственными ему праздниками Христовыми.

Вашу книжку мы также получили недавно, но лѣтняго вашего письма мы не получали. Послѣднее предъ присылкою книжки письмо ваше было еще тогда, какъ вы переслали намъ 10 рублей и извѣщали объ извѣстномъ положеніи Екатерины Петровны и намѣреніи ея, по этимъ труднымъ и не безопаснымъ обстоятельствамъ, ей предстоявшимъ, пере-

ѣхать въ Петербургъ къ мамашѣ. Не получая отъ васъ никакихъ извѣстій столь долгое время, мы наконецъ серьезно стали беспокоиться за васъ. Но теперь, какъ и всегда, слава Богу за все!

Вы желали бы писать критику на мое новое сочиненіе. Но ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ не нашелъ я доселѣ издателя для этого сочиненія, и оно у меня пока въ ящикѣ письменнаго моего стола. Я предлагалъ это сочиненіе сначала, разумѣется, Манухину, но онъ отказался. Нарочно ѣздили мы и сами въ Москву, но и другіе книгопродавцы тоже пошли прочь. Посылалъ въ Питеръ,—здѣсь тоже оказалось въ результатѣ. Россіи, видно, я неужень.

Ваша книжка мнѣ нравится; слава Богу, что она идетъ. Примите къ свѣдѣнію, что въ одномъ мѣстѣ книжки, разсуждая о созданіи человѣка по образу и подобию Божію, вы приписали и Богу „дарованія“, которымъ подобны и наши дарованія. Кто же это Богу даровалъ что либо? Конечно, это только ошибка или странная неловкость выраженія; исправьте ее для новаго изданія.

Катиньку цѣлуемъ. Передайте наши поклоны Петру Петровичу и Ольгѣ Петровнѣ и во главѣ ихъ мамашѣ Надеждѣ Петровнѣ.

Мы здоровы, слава Богу,—

ваши Александръ и Анна

Бухаревы.

29 дек. 1866 г.

65.

Добрые друзья

Александръ Алексѣевичъ и Екатерина Петровна!

Долговнюко я не отвѣчалъ на ваше письмо. Меня все свѣдала забота, какъ пустить въ ходъ мое, съ полгода уже оцензурованное сочиненіе, для котораго ни въ Москвѣ, ни въ Питерѣ не нашлось издателя. Рѣшились мы наконецъ, взявъ изъ малыхъ способовъ насущнаго хлѣба нашего, издать сочиненіе на свой счетъ. Только хотимъ отпечатать лишь ползавода, или 600 экземпляровъ. И это дѣлаемъ съ большимъ рискомъ для средствъ жизни. Не смотрѣть же сложа ручки, какъ Христово дѣло въ Россіи, дѣйствительно, падаетъ въ

разныхъ отношеніяхъ. Оно-то собственно не падаетъ, но насъ низлагаетъ и осуждаетъ за нашу къ нему невнимательность.

Пишу объ этомъ, прося содѣйствія относительно хлопотъ типографскихъ, къ Петру Петровичу Преображенскому, къ которому посылаю и настоящее къ вамъ письмо.

Желаемъ вамъ, съ поцѣлуемъ Катинькѣ, всего лучшаго отъ Господа!

Ваши А. и А. Бухаревы.

Весна не очень улыбается намъ изъ своей близости: мы оба сильно кашляемъ, — былъ и жаръ лихорадочный, но, слава Богу, прошелъ, — у Анны еще уши заложило.

66.

Добрые друзья наши,

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Христось воскресе!

Благодаримъ васъ за присланныя деньги 15 р. Вы спрашиваете, откуда мы беремъ средства—настолько даже, чтобы задумать изданіе книги, хоть бы только печатаніемъ *ползавода*, на собственный счетъ. Очевидно, что Богъ даетъ, — хоть я и часто и много унываю о нашей видимой безпомощности. Мы доселѣ жили безъ нужды, хотя, съ перваго же шага моего на новомъ пути, мнѣ и тюремные узники казались болѣе меня обезпеченными въ способахъ жизни. Слава Богу за все! Мы васъ покорнѣйше просимъ пожаловать къ намъ въ Ростовъ нынѣшнимъ лѣтомъ; будемъ очень рады, — походимъ съ вами къ святынямъ ростовскимъ, поплаваемъ по озеру, погуляемъ по полямъ. Наша квартира къ самому концу города, при самомъ почти въѣздѣ въ него со стороны Москвы. Въѣхавши въ городъ, прикажете везти васъ къ Яковлевскому монастырю, — по дорогѣ спросите у кого-нибудь, гдѣ на Малой Яковлевской улицѣ домъ Шапошникова.

Письмо же адресуйте просто: въ Ростовъ, Ярослав. губ. Алек. Матв. Бухареву. Увѣдомьте, когда васъ ждать.

При свиданіи поговоримъ обо всемъ, какъ-то наприимѣрь

о моихъ добрыхъ сношеніяхъ, въ послѣднее время, съ О. Намѣстникомъ лавры и чрезъ него съ Владыкою Митрополитомъ Московскимъ.

Благодарность Петру Петровичу за готовность посодѣйствовать мнѣ въ печатаніи моей рукописи, но посылать ее медлю,—хочется попробовать, не найдется ли еще издатель. Очень не сподручны мнѣ и пугаютъ меня хлопоты съ книгою, послѣ самаго ея отпечатанія.

Цѣлуемъ васъ и Катиньку (которую, мнѣ думается, не надо расслаблять лѣченьемъ и лѣкарствами).¹ Надеждѣ Петровнѣ и Петру Петровичу съ Ольгою Петровною наши поклонны.

Ваши А. и А.

Бухаревы.

Вечеръ наканунѣ

1-го мая
1867 г.

67.

4 сентября 1867 г.

Добрые Александръ Алексѣичъ
и Екатерина Петровна!

Слава Богу за все!

Слава Богу, что Вы доѣхали благополучно и Катинька ваша не пострадала отъ двухдневной разлуки съ Вами. А мы было стали тревожиться, не получивъ отъ Васъ обѣщаннаго извѣстія изъ Хотькова; такъ что я писалъ уже Петру Петровичу запросъ о Васъ, съ разными комиссіями и отъ себя. Ваше къ намъ письмо дало поводъ обратиться опять къ Петру Петровичу съ просьбою — передать мою рукопись Евгр. Ивановичу для врученія о. Ректору Академіи, не найдеть ли онъ чего для „Христіанскаго Чтенія“. Отъ чего же не попробовать, чтобы на совѣсти не было грѣха, что де не предлагаль, не сказываль о нужномъ? Но переписывать понапрасну—не за чѣмъ. Мнѣ вѣдь нѣтъ основанія надѣяться чего-нибудь отъ моего предложенія, когда духовная ученость слишкомъ у насъ довольна и счастлива, не интересуясь моими идеями,—какъ и всѣ добрые русскіе люди.

Просилъ я еще Петра Петровича зайти въ контору „Отеч. Записокъ“ на Литейной, —взять двѣ мои рукописи о „Пре-

ступлен. и Наказан.“⁵³⁾ Достоевскаго и „Дымъ“ Тургенева. Надо присоединить ихъ къ большой рукописи и постараться о новой къ ней цензурной надписи, о чемъ писалъ я Евграфу Ивановичу. Повторите пожалуйста Петру Петровичу мою покорнѣйшую просьбу на этотъ счетъ, чтобы онъ потрудился взять мои рукописи у Краевскаго, которому, кажется, онъ лишни. Скажите П. Петр., какъ это сдѣлать; потому что Вы уже какъ-то дѣлали однажды подобную услугу мнѣ, выручая у Краевскаго⁵⁴⁾ же рукопись мою о картинѣ Иванова.

Что еще сказать вамъ? На Гречулевича тоже не рассчитываю; однако, для пробы тоже и въ очищеніе своей совѣсти, предложите, если угодно, мои письма по Закону Божию, уже начатыя мною.

Полно объ этомъ, чтобы иначе не дать Вамъ повода повторить мнѣ добрый урокъ о терпѣннн.

Вы у насъ забыли свои сивіе очки, вѣроятно—въ залогъ новаго посѣщенія Ростова въ слѣдующемъ году, если будемъ живы. Давай Богъ!—Мы послѣ васъ перемѣнили квартиру; новая наша квартира еще ближе къ монастырю Яковл., по Яковлев. улицѣ, въ домѣ Г-жи Вѣры Еремѣевны Филипповой. Квартира, за пять рублей, просторнѣе и удобнѣе прежней, и мѣстоположеніе ея сухое... [9 строкъ выпущено. Е. Л.].

Прощайте, добрые друзья! Желаю Вамъ, если позволите, поменьше нуждаться въ терпѣннн. Будьте здоровы, добры и благополучны! Мы, слава Богу, довольно спокойны. Я бываю нетерпѣливъ—только когда дѣло касается такихъ обстоятельствъ, отъ которыхъ терплю не я одинъ, а и Церковь, и самый міръ. Простите Вашихъ

А. и А. Бухаревыхъ.

Адресъ мой, какъ прежде, простой: Въ Ростовъ Ярослав. губ. А... М... Бухареву.

Петербургскимъ наши поклонны. Что о. Павелъ Петр.?

⁵³⁾ Напечатана статья въ „Правосл.—мѣ Обзорѣнн“ за 1882 г. кн. 8-я.

⁵⁴⁾ А. А., издатель „Отечественныхъ Записокъ“.

68.

Вечеръ наканунѣ Введенія Матери Божіей.

Добрые друзья

Александръ Алексѣвичъ и Екатерина Петровна! Поздравляемъ одного изъ васъ съ именинницей, а другую со днемъ Ангела.

Спасибо за ваше письмо. Вы правы, напомнивъ мнѣ мое лучшее прошлое. Но прошу васъ впередъ не касаться этого предмета. А то я, пожалуй, скажу,—что вы только повторили рѣчь одного изъ друзей Іова: „ты самъ утѣшалъ другихъ и подкрѣплялъ души разслабленныя. А теперь коснулось тебя, и ты вотъ ужъ каковъ“... Но я все-таки благословляю свое настоящее и теперь еще болѣе сознаю его необходимымъ для моего, во Христѣ дѣла, чѣмъ когда рѣшался на это.

Спрашиваете о состояніи нашего здоровья?—Мы, кажется, здоровѣе прежняго, хотя бы мнѣ лучше было давно убраться отсюда... [*10 строкъ выпущено. Е. Л.*]. Хозяйкой оба вполне довольны.

Предчувствіе мое относительно Ректора Академіи Петербургской сбылось; онъ отвергъ мою рукопись всю сполна. Если попытаю Гречулевича, увидите, что выйдетъ подобное же.—Судите о другихъ по себѣ. Вы лучшие друзья, а отчасти да и не мало повторяете друзей Многострадальнаго, какъ я сказалъ уже выше. Чего же ждать отъ кого другаго?

За пріятный впрочемъ долгъ считаю сказать, что Анну тронуло ваше письмо искренними выраженіями вашего участія.

Если будете въ Петербургѣ, попросите отъ меня о Цензоре Сергія, чтобы онъ не слишкомъ длилъ, если возможно пересмотръ моей рукописи.

Надеждѣ Петровнѣ и Петру Петровичу съ Ольгой Петровной наши искренніе поклоны.

Катинькѣ поцѣлуй.

Христось со всѣми вами!

Ваши Бухаревы.

Многодѣліе свое благословляйте, какъ даръ Божій. Только берегите здоровье и для того не излишествуйте въ занятіяхъ.

69.

Добрые друзья наши,

Александръ Алексѣвичъ и Екатерина Петровна!

Съ благодарностію за ваше письмо и деньги, поздравляемъ Васъ съ начавшимся новымъ годомъ. Въ настоящій разъ пишу Вамъ единственно только—чтобы не отлагать отвѣта на ваше письмо и благодарнаго извѣстія о полученіи вашего подарка. Писать болѣе этого, простите меня, что то совсѣмъ теперь не расположенъ. Мы живемъ по немножку; у меня совсѣмъ почти заложило лѣвое ухо,
(2 строки выпущено. Е. Л.).

За все слава Богу!

Цѣлуемъ Катеньку.

Ваши Александръ и Анна Бухаревы.

16 января

1868 г.

На святкахъ были у насъ Переславскіе родные и гостили у насъ довольно долго. Это и было причиною, что не скоро отвѣчаю на ваше письмо.

Поклоны отъ души вашей мамашѣ и добрымъ Преображенскимъ.

70.

23 іюля 1868 г.

Добрые Александръ Алексѣвичъ и Екатерина Петровна!

Мы только сегодня ѣдемъ изъ Москвы. Въ Сергіевомъ посадѣ ночуемъ. Если Вы еще въ Хотьковѣ, жалуйте съ первымъ же поѣздомъ завтра. Мы утро пробудемъ вмѣстѣ. Остановимся мы въ старой или новой гостинницѣ; спросите у швейцара, которому я особенно накажу на этотъ счетъ. Не говорю прямо, въ какой гостинницѣ, потому что это зависить отъ того, гдѣ найдемъ лучше и удобнѣе для себя. Васъ не затруднить—спросить въ той и другой гостинницѣ, онѣ вѣдь рядомъ. И такъ до свиданія! Катиньку цѣлуемъ.

Вашему Папашѣ многоуважаемому о. Алексію и всѣмъ роднымъ наши поклоны, какъ и мамашѣ Надеждѣ Петровнѣ; если она еще въ Хотьковѣ.

Простите! Ваши

А. А. и А. Бухаревы.

71.

Добрые друзья наши

Александръ Алексѣвичъ и Екатерина Петровна!

Что это вы такъ замолчались? Или думаете, что увидѣлись въ Москвѣ и Лаврѣ, такъ и развязаны ужъ не писать цѣлое столѣтіе?—Нѣтъ; если такъ думаете, то, конечно, ошибаетесь,—смѣю увѣрить Васъ. Но шутки въ сторону. Все ли Вы здоровы и все ли у Васъ хорошо? Мы, слава Богу, живемъ понемножку; Самъ Богъ далъ прожить на бѣломъ свѣтѣ чуть не полгода.

(6½ строкъ выпущено. Е. Л.).

Скажите, опытная мать, ваше мнѣніе объ этомъ. Впрочемъ Сашенька глядитъ веселенькой и здоровенькой.

Новаго особенно ничего. Въ Переяславлѣ мы прожили чуть не полтора мѣсяца, но не у Сергѣя Ивановича, который, бѣдный, не захотѣлъ даже ни разу взглянуть на Сашиньку и со мной не видался. Вотъ у меня все какія исторіи! Вы, Александръ Алексѣвичъ, скажете, пожалуй, какъ при потерѣ мною 50 руб., что „на грѣшнаго де Макара и шишки валются“. Не ошибитесь, другъ мой; потому что самая неестественность и необычайность такихъ вещей и событій, какія случаются порою со мною отъ самыхъ близкихъ (видно, не по плоти ли только) родныхъ, должны заставить болѣе серьезно подумать объ этомъ. Вѣдь тотъ же Сергѣй Ивановичъ въ то же время очень раззорительно издерживается на очень и очень неблаговидныя дѣлишки, о которыхъ и говорить не хочу.

Нѣтъ; какъ тамъ хотите себѣ, а точно царить надъ нашимъ временемъ какой-то Вавилонъ, порабощая не одинъ Востокъ внѣшній, а, видно и насъ Русскихъ съ другими духовно,—какъ сказуетъ Откровеніе, отъ котораго отводите свои очи.

Вотъ какъ случилось, — началъ шуткой, а дошелъ до грознаго.

Простите Вашего А. Бухарева.

Катиньку цѣлуемъ.

Надеждѣ Петровнѣ и Петру Петровичу съ Ольгой Петровной наши глубокіе поклоны.

72.

Добрые друзья

Александръ Алексѣичъ и Екатерина Петровна!

Вы, безъ сомнѣнія, въ недоумѣніи о насъ, что такъ долго мы не отозвались на ваше послѣднее письмо (съ деньгами). Наше продолжительное молчаніе вамъ, надѣюсь, не трудно будетъ объяснить, хоть отчасти, тѣмъ, что наша Сашинька взята у насъ, — это было въ самый день Пасхи; кажется, разныя боли труднаго зуборащенія были причиною смерти нашего дитяти. Вы понимаете, что мы оба, особенно Анна, во многомъ парализованы этимъ событіемъ. Моему порожденію, моему сѣмени, видно, еще нѣтъ мѣста въ мірѣ. Дитя наше было свѣтлымъ образомъ и залогомъ всего лучшаго, дѣтски прекраснаго, роднаго мнѣ, что я видѣлъ и находилъ въ нашей современности. Смерть Сашиньки—указаніе, какъ все это лучшее возникаетъ и замираетъ своимъ духомъ еще въ младенчествѣ, какъ въ особенности все, мною посвянное, умерло при первомъ движеніи своей жизни. Когда будетъ воскресеніе? И или оба мы чувствуемъ себя лишними на землѣ, хотя во Христѣ и стали, одинокіе, собственно за земное.

Вы всѣ здоровы ли? И все ли у васъ, по добру-здорову?—Знаю, что Петръ Петровичъ Преображенскій не можетъ, наконецъ, не отягощаться моими книгами „о миротвореніи“; попросите его отъ меня, чтобы потерпѣлъ еще немножко, пока не увижу, что все надо бросить въ печь. Вѣдь жгли же у насъ Москву, когда врагъ не давалъ ей жить собственною ея жизнію.

Ради Бога не вадумайте опровергать моихъ думъ, здѣсь высказанныхъ. Мы понемножку начинаемъ успокоиваться, то есть привыкать къ скорби. Но меня, какъ знаете, всегда

приводятъ въ нетерпѣвнѣе успокоенія и утѣшенія въ родѣ тѣхъ, какія предлагали Іову его друзья. Желаемъ вамъ всего лучшаго. Цѣлуемъ Катиньку и, если есть, еще кого.

Передайте наши поклоны Надеждѣ Петровнѣ и Петру Петровичу съ Ольгой Петровной.

Ваши А. и А. Бухаревы.

8 іюня

1869 г.

73.

1 янв. 1870 г.

Добрый и возлюбленный Батюшка! Дорогой мой Другъ!⁵⁵⁾

Съ новымъ годомъ поздравляю Тебя, тоскующаго Горемыку, но и счастливаго тѣмъ, что живѣе, чѣмъ другіе, ощущаете внутреннюю связь земнаго времени съ небесною вѣчностію, куда пошла раба Господня Александра и еще двѣ другія, дорогія Вамъ, души. Утѣшенія отъ меня одно—Христосъ Богочеловѣкъ, общая намъ съ покойными жизнь наша. Ради Бога не теряйте спокойной сдержанности духа въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ; помните, какъ учила Васъ этому покойная мать Павла. Это нужно Вамъ наблюдать, начиная съ Вашихъ родительскихъ отношеній къ дѣтямъ; потому что и любящія дѣти не то, что любящая супруга, и отъ лучшихъ дѣтей иное можетъ показаться оскорбительнымъ для легко обезпокоиваемаго духа. Прошу Васъ о спокойной сдержанности—особенно потому, что самъ какъ знаете слишкомъ мало имѣю этого настроенія и за то наказываюсь большею частію своихъ скорбей. Вы это, думаю, замѣчали своею любовію ко мнѣ. Что у Васъ въ монастырѣ? Не знаю, говорилъ ли я Вамъ, что соображая нѣкоторыя слова, слышанныя мною отъ о. Петра блаженной памяти съ его же словами Вашей теперешней игуменьи, которыя Вы мнѣ передавали, имѣю основаніе думать о ея духовномъ, хотя и не намѣренномъ и даже безсознательномъ содѣйствіи мнѣ въ моихъ усиліяхъ освободить мой трудъ объ Апокалипсисѣ отъ архивнаго заключенія. Это бываетъ, что

⁵⁵⁾ Письмо къ о. Арстарху Алексан—чу Израилеву, священнику женскаго мон-ря въ Ростовѣ Ярослав.; о. А. А. былъ изобрѣтатель-самоучка, открылъ способъ настраивать колокола по музыкальной гаммѣ.—Писано письмо изъ Переяславля.

духовно помогают или мѣшаютъ чему-нибудь люди, и сами не имѣя того въ своемъ намѣреніи и сознаніи. Говорю это къ тому, чтобы Вы въ своихъ монастырскихъ церковныхъ молитвахъ, возносили тайную мольбу и по этому предмету. А съ матушкой игуменьей какънибудь разговоритесь о моемъ дѣлѣ по Апокалипсису, совершенномъ подѣ духовнымъ наблюденіемъ о. Петра, и познакомьте ее съ сущностію этого дѣла, предварительно, разумѣется, со вниманіемъ перечитавъ въ книгѣ „Печаль и радость“ статью объ Апокалипсисѣ. Объясните ей, что вѣрующее православно въ Христа государство есть свят. городъ Іерусалимъ съ Храмомъ, а власти въ немъ не только церковныя, но и гражданская, суть горящіе свѣтильники передъ Богомъ земли, какъ это было въ образецъ всѣхъ временъ, во время всел. Соборовъ, что, однако, духомъ прямо Самого Господа, въ святомъ и челоувѣколюбивомъ Его духѣ, и мы можемъ быть низринуты сатаной съ небеснаго жительства, какъ эта бѣда случилась съ римскими католиками, возглавляющимися не въ Единомъ Христѣ, а еще въ простомъ грѣшномъ челоувѣкѣ—папѣ;—что особенно изъ мысли челоувѣческой и нашего устваго или письменнаго слова, отступающихъ отъ Христа, могутъ выраждаться губительныя для людей звѣри, какъ и это губительство постигло разумъ и книжную мудрость многихъ; что Господь готовитъ православнымъ на Востокѣ свободу отъ турецкаго ига, только бы они и мы освобождались отъ Вавилонской гордыни, невѣрія или двоедушія, маловѣрія. Это пусть и Васъ занимаетъ и озабочиваетъ, дорогой мой или нашъ Батюшка, Анна со мною Вамъ и всѣмъ Вашимъ душевно кланяется. Все еще, видите, не дошло дѣло до вывоза изъ Ростова нашихъ вещей. Можно было это сдѣлать еще въ десятыхъ числахъ сентября, но мы поделикатничали отвлекать людей и лошадей отъ дѣла, а съ нами не деликатничаютъ, что мы отъ большихъ видно избытковъ платимъ по-полтора руб. сер. за каждый мѣсяць почти низачто. Какъ съ этимъ быть? Все подобное иногда меня смущаетъ. Простите, мой безцѣнный! Если будете и въ другомъ отъ Аврааміева монастыря концѣ города, то скажите вѣчную память младенцу Александрѣ, которую впрочемъ вспоминайте и съ Вашей Александрю. Какъ себя имѣетъ по училищу Алексѣй Аристарховичъ. Желая ему

успѣховъ. Напишите и намъ, Аристархъ Александровичъ. Ваши А. и А. Бухаревы.

74.

Добрые друзья наши

Александръ Алексѣвичъ и Екатерина Петровна!

Ваше письмо нашло насъ въ Переславлѣ. Я здѣсь задержанъ своею болѣзненностію, которую, за то, успѣшно лѣчить здѣшній докторъ изъ молодыхъ—г. Іерусалимскій. Въ этихъ обстоятельствахъ—и объясненіе нашего молчанія. За деньги благодаримъ! А за извиненія ваши, Александръ Алексѣвичъ, въ утѣшительныхъ вашихъ рѣчахъ, какія Вы написали въ прежнемъ письмѣ, достойны Вы порядочнаго нагоняя! Другъ мой! Неужели эти добрыя утѣшенія ваши можно ставить въ одинъ рядъ съ тѣми увѣщаніями, какія Вы дѣлали мнѣ въ Ростовѣ? Увѣщевать къ терпѣнію человѣка, въ моемъ положеніи—нравственномъ и виѣшнемъ, разумѣется диконько; есть раны, которыхъ лучше не касаться, хотя и слышите иногда стоны или жалобы на нихъ.

Ваши обстоятельства и дѣла насъ радуютъ.

Желаемъ Вамъ благословенія Божія и успѣха во всемъ; здоровье свое поберегайте.

Романа, о которомъ спрашиваете, мы еще не читали; а если грязи много въ немъ, то и не слишкомъ желаю случая читать. Въ Святки мы прочитали „Обрывъ“ Гончарова. Это намъ очень понравилось. Мнѣ кажется, авторъ одаренъ чутьемъ слышать умственные и нравственные у насъ движенія и боренія за послѣднія лѣтъ пятнадцать. Слава Богу, представляющему и нынѣ разныхъ духовныхъ сторожей.

Прощайте.

Цѣлуемъ васъ обоихъ и Катю.

Ваши А. и А. Бухаревы.

Р. S. Въ началѣ и концѣ святокъ я получилъ два письма отъ Погодина съ разными вопросами о моемъ положеніи; между прочимъ спрашиваетъ онъ, что я писалъ о Гоголѣ. Будьте добры, друзья мои, пошлите къ нему экземпляръ книги о Гоголѣ, съ надписью на ней: „Г. Михаилу Петровичу Погодину отъ А. Бухарева“.

Адресъ: Въ Москвѣ. На Дѣвичьемъ полѣ, въ собственномъ домѣ—Его Высокородію М... П... П...

75.

14 мая 1870 г.

Добрые друзья

Александръ Алексѣвичъ и Екатерина Петровна!

Поздравляемъ и Васъ со всемірною радостію Христова Воскресенія.

Ваше письмо съ деньгами получили мы уже 10-го мая, и знаете ли гдѣ? Въ старой гостинницѣ Сергіевой Лавры, гдѣ мы пробыли двѣ недѣли, въ ожиданіи, пока добрый о. инспекторъ Михайль отцензуровалъ послѣднее мое сочиненіе въ 2-хъ частяхъ „Господь І. Х. въ Своемъ словѣ“⁵⁶⁾. Тутъ я прослѣдилъ рѣшительно весь Божеств. курсъ лично — Христова евангельскаго ученія, съ своими размышленіями, подводящими нашу современность подъ свѣтъ личнаго ученія Христова. Грань между двумя частями моего сочиненія составляетъ первое прямое слово Христово о своей собственной (новозавѣтной) Церкви и о своихъ страданіяхъ. Въ рукахъ у меня, когда я пріѣхалъ въ Сергіевъ посадъ, была только первая часть моего труда, а другая еще переписывалась въ Ростовѣ; надо было ее оттуда выписывать. Это и продлило время нашей бытности въ Сергіевомъ посадѣ. А самъ о. Цензоръ, отпустилъ бы меня съ одобреніемъ моего труда, чрезъ нѣсколько дней, — менѣе чѣмъ чрезъ недѣлю. Очень благодаренъ я обязательной его добротѣ.

Видѣлся я и съ Александромъ Васильевичемъ Горскимъ, принявшимъ меня, разумѣется, съ любовію. О. Намѣстникъ⁵⁷⁾ сначала былъ боленъ и никого не принималъ, а потомъ я простудился и не былъ у него по собственной болѣзни.

Размышленія ваши, Александръ Алексѣвичъ, о широтѣ спасительнаго дѣйствія Христовыхъ страданій и смерти, мнѣ

⁵⁶⁾ Этотъ трудъ, о которомъ цензоръ архим. Михайль отозвался очень одобрительно, хотѣлъ напечатать М. П. Погодинъ въ своей типографіи но арендаторъ-факторъ померъ и рукопись, кажется, затерялась (См. П. В. Знаменскій—„Печальное 25-лѣтіе“, стр. 26).

⁵⁷⁾ Архим. Антоній.

правятся. Понятіе *заслуги* Христовой, всёми у насъ принятое, мнѣ кажется латинскимъ; съ Запада, сколько знаю, оно и перешло къ намъ. Заслуга—это что то недостойно-рабское или наемническое, что къ духу и дѣлу Сына Божія предъ Отцемъ совсѣмъ нейдетъ. Разумѣется; догматической фальши тутъ нѣтъ, а только—не вниканіе въ духъ и силу Христова дѣла и Лица, въ отношеніи Его къ Отцу Своему и намъ.

Теперь мы ѣдемъ въ деревню къ моимъ роднымъ, чтобы мнѣ воспользоваться, по совѣту докторовъ, деревенскимъ воздухомъ и другими сельскими удобствами. Быть намъ въ Хотьковѣ въ началѣ іюня хотѣлось бы, чтобы видѣться съ Вами, но едва ли это удобно будетъ. Настоящій нашъ адресъ: *Тверск. губ. въ Корчевскомъ уездѣ, на станціи Подберезье (Искуново). На Зятковской мельницѣ Прикащику Павлу Петровичу Лошкареву для передачи въ село Кутачи А. М. Бухареву.*

Вотъ куда мы забираемся! Теперь пишу изъ Дмитрова. Оба мы цѣлуемъ васъ обоихъ и Катиньку. Благодаримъ Васъ за участіе къ намъ.

Ваши А. и А. Бухаревы.

Адресъ лучше другой: Въ г. Дмитровѣ, Моск. губ., чрезъ Караваевское волостное правленіе, священнику села Кутачъ, Ивану Павловичу Любимову, для передачи А. М. Бухареву.

Вашимъ роднымъ въ Петербургѣ наши привѣты и поклоны.

76.

14 Мая

1870 г.

Христось воскресе!

Пишу Вамъ, дорогой Петръ Владиміровичъ, въ г. Дмитровѣ, гдѣ мы случились проѣздомъ въ деревню къ моимъ роднымъ, гдѣ мы желали бы, если Богъ дастъ, пробыть мѣсяца два съ половиною. Въ началѣ Августа мнѣ надо быть въ Твери; такъ какъ кончится тогда семилѣтній срокъ разныхъ для меня ограниченій.—Гдѣ послѣ будемъ имѣть мѣсто-жительство, еще не рѣшено. Часть Марта и почти весь Апрѣль провели мы въ Москвѣ, куда вызванъ былъ я нѣкоторыми литераторами: а до того всю зиму и осень лечился я въ Переславлѣ у доктора, очень мнѣ помогавшаго.

Рады мы вашей выдержности, о которой Вы писали о Аристарху;—рады столько же, сколько были огорчаемы слухами о ваших ростовскихъ походеиіяхъ.

Въ послѣднее время я занимался трудомъ „Господь І. Х. въ своемъ словѣ“; здѣсь прослѣдилъ я своими размышленіями все евангельское ученіе Христова. Трудъ въ 2-хъ частяхъ; въ бытность мою въ Сергіевомъ посадѣ въ началѣ Мая, это сочиненіе одобрено цензурою къ напечатанію. Нѣтъ только готоваго издателя.—Статья объ Отцѣ Петрѣ⁶⁸⁾ также отцензурована.

Больше не знаю, что сказать Вамъ. Анна Сергіевна выражаетъ желаніе Вамъ всего лучшаго.

Адресъ пока: Въ г. Дмитровъ Моск. губ.

Вашъ А. Бухаревъ.

Адресъ пока: Въ г. Дмитровъ Моск. губ. Черезъ Караваевское волостное Правленіе, въ село Кутачи Священнику Ивану Павловичу Любимову, для передачи А. М. Бухареву.

77.

Дек. 24 1870 г.

Добрые друзья наши

Александръ Алексѣевичъ и

Екатерина Петровна!

Съ Великимъ праздникомъ Рождества Христова поздравляемъ васъ и съ новымъ отъ Рождества Христова годомъ!

Всю осень сряжались мы въ Москву, гдѣ извѣстный М. П. Погодинъ давалъ было намъ у себя въ особомъ флигелѣ квартиру. Но болѣзненность моя, усилившаяся въ послѣдній годъ до крайности, удержала насъ въ Переславлѣ. Не только прошлую осень, но и лѣтомъ и весною я чувствовалъ себя такъ дурно, какъ никогда прежде. Впрочемъ за все слава Богу! Еще живу и дышу, хотя иногда чувствую такой недостатокъ воздуха, что, кажется, и дышать нечѣмъ, и боюсь въ эти минуты немедленной смерти.

Отъ этого я такъ долго и не писалъ Вамъ: то думалось

⁶⁸⁾ Отпечатана въ 1871 г., въ Ярославлѣ.

написать Вамъ ужь изъ Москвы, то болѣзнь не давала дохнуть свободно. Анна начала было писать къ Вамъ, но начатое письмо, въ хлопотахъ обо мнѣ, затерялось. Такъ мы и не дали Вамъ доселѣ вѣсточки о себѣ. Теперь мы живемъ въ особой порядочной квартирѣ. Здоровье мое не поправляется, но все же я чувствую себя лучше, хотя и шагу не дѣлаю изъ комнатъ. Главное, теперь кашлю меньше, и рѣже ощущается недостатокъ воздуха. Извѣстите о состояніи моего здоровья добрыхъ Преображенскихъ, которые, въ свою очередь, и Васъ извѣщали обо мнѣ. Какъ здоровье самого Петра Петровича? Вы какъ живете—можете? Я живу только надеждами на лучшее, и то ужь теперь не относимыми мною къ продолженію здѣшней моей жизни. Знаю, что есть Господь и истина Его поколеблетъ небо и землю, а сама не поколеблется, хотя бы и никому изъ современнаго поколѣнія не была она особенно дорога.

Васъ и Катиньку вашу цѣлуемъ.—(Да кромѣ Кати вѣтъ ли еще кого у Васъ?).

Ваши А. и А. Бухаревы.

Адресъ нашъ: въ Переславль Залѣсскій, Владим. губ. Александру Матв. Бухареву.

3 февраля
1871 г.

78.

Добрые друзья наши

Александръ Алексѣвичъ и Екатерина Петровна!

Поздравляю Васъ,—не угадаете, съ чѣмъ,—съ именинницею. Вы опять въ недоумѣніи, конечно, что за именинница? Надо наконецъ вразумить Васъ въ истинѣ. Именинница сегодня Анна Сергѣевна; и такъ какъ Вы намъ не чужіе, а родные, то я имѣю право поздравить Васъ съ именинницею. Этою шуткою, милые мои, утѣшаю себя въ разныхъ тяжелыхъ думахъ о себѣ и своемъ дѣлѣ. Благодаримъ Васъ за подарокъ; рады добрымъ переменамъ вашего быта. Желая Вамъ благословенія Божія въ новомъ мѣстѣ и дѣлѣ.—Дай, Богъ, мнѣ дожить до лѣта и до свиданія съ Вами, общающаго Вами; мнѣ же, кажется, ужь мудрено двинуться изъ Переславля, когда движеніе и въ комнатѣ нерѣдко доводитъ до того, что едва перевожу духъ, и насилу отдохну

свободно. Богъ вѣдаетъ, отъ чего въ послѣднее время такъ я изнемогъ.

Что это случилось съ Пареніемъ Лукичемъ!⁵⁹⁾ Боже мой, Боже мой!

Гдѣ его жена, дѣти? Какъ онъ попалъ въ Москву? Неужели онъ былъ ипохондриккомъ? Не скорѣе ли, онъ былъ живой человѣкъ, у котораго живо воспринималось и впечатлѣніе, и значеніе современной жизни и мысли, заграничной и у насъ, опытно ему извѣстной; голова его кружилась и терялась отъ того, что совершается въ мірѣ... Все это тайна. Онъ былъ духомъ среди водоворота между востокомъ и западомъ, между Московитами и ненавидящими ихъ западными европейцами. Тутъ все перемѣшано, глухо, не сознано, не осмысленно, но борежіе и броженіе все же дѣйствуетъ на духъ.

Эхъ Иванцевъ! Началъ было живымъ разумѣніемъ истины и свихнулъ на сторонку; оно легче и выгоднѣе. Но иному человѣку и не очень это удастся; у иного инстинктивно не стерпитъ этого духъ. Да!

Господи, помилуй всѣхъ насъ, живыхъ и умершихъ!

Началъ шуткой, свелъ же на горе горькое! Извините меня. Но видите сами, что худо, худо, худо въ мірѣ, когда такіе люди поднимаютъ на себя руки (какъ легко, общими мѣстами ни будемъ объяснять подобные факты). Но не будемъ болѣе заводить рѣчи объ этомъ.

Слава Богу за все!

Кланяемся Вамъ обоимъ съ поцѣлуями Вамъ и Катѣ.

Ваши оба А. и А. Бухаревы.

Милостивый Государь

Александръ Алексѣевичъ!

Съ глубокою горестью имѣю честь [извѣстить Васъ, что Александръ Матвѣевичъ Бухаревъ скончался 2 Апрѣля въ

⁵⁹⁾ О. Репловскій покончилъ жизнь самоубійствомъ.

5 часовъ пополудни и что похороны его будутъ на пятый день по кончинѣ его.

Съ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть
покорнымъ слугою

С. Родышевскій.

Потрудитесь увѣдомить Петра Петровича. ⁶⁰⁾

80

Милостивый Государь

Многоуважаемый Александръ Алексѣевичъ!

Искренно, отъ всей души благодарю Васъ за любезное письмо Ваше, переполненное любовью къ усопшему. Анночка сама непременно желаетъ описать Вамъ послѣдніе дни жизни Александра Матвѣевича, такъ какъ она постоянно при немъ находилась. Я только сообщу Вамъ пока она, находясь подъ вліяніемъ тяжелыхъ впечатлѣній, не соберется исполнить свое намѣреніе, что покойный весь Великій постъ былъ болѣе чѣмъ когда либо въ сосредоточенномъ состояніи и постоянно самъ читалъ, потомъ слушалъ Евангеліе, иногда псалтырь. Незадолго передъ смертію при чтеніи псалма, гдѣ псалмопѣвецъ проситъ Бога покрыть его отъ враговъ, онъ съ особеннымъ выраженіемъ сказалъ: „да, да, отъ враговъ“. Пробуждаясь отъ сна, искусственно возбужденнаго, произнесъ: „рѣшено и подписано“. На вопросъ Анночки о значеніи этихъ словъ отвѣчалъ: „я во снѣ сокрушался о томъ, что силы мнѣ не позволяютъ сдѣлать пополненіе въ тетради моей о книгѣ Ездры и что не удастся этого сдѣлать, а ты мнѣ говоришь: вотъ эта книга у сердца моего. На эти слова я отвѣтилъ: „рѣшено и подписано“. Когда однажды, я пріѣхалъ къ нему съ лекаремъ, онъ, взглянувъ на меня, сказалъ: „вы все хлопочете, и по выраженію лица его я замѣтилъ, что онъ сознаетъ совершенную бесполезность попеченія о немъ и принимаетъ лекаря только для утѣшенія Анночки. При словахъ лекаря, что ему долгое время не надо ничего говорить, я замѣтилъ у него улыбку, выражавшую, что *долгое время* сказано съ цѣлью поддержать надежду на

⁶⁰⁾ Преображенскаго.

жизнь. Желательно было бы, чтобы некрологъ Вы написали, сами, многоуважаемый Александръ Алексѣевичъ. Особенно утѣшительно для меня воспоминаніе о томъ, что онъ, по особенноти своего духовнаго настроенія, чисто христіанскаго, никогда не относился дурно о врагахъ своихъ и выражалъ даже неудовольствіе, если кто въ присутствіи его рассказывалъ, что-либо о литературной брани, устремленной на Аскоченскаго, хотя этотъ человѣкъ истощилъ у себя весь запасъ энергіи самаго раздраженнаго противъ него чувства. Когда касалась рѣчь другихъ людей, которые также, какъ хорошо извѣстно, надѣлали ему много вреда, онъ старался поставлять на свѣтъ ихъ хорошія стороны и лицо его принимало тогда до крайности грустное выраженіе. По смерти его выразилось у однихъ разумное, у другихъ инстинктивное, глубокое къ нему сочувствіе. При погребеніи его, несмотря на то, что была полиція, заботившаяся, чтобы не было безмѣрной тѣсноты; что въ этотъ день въ Даниловѣ монастырѣ былъ праздникъ, куда обыкновенно стекается народъ, что была погода сквернѣйшая и ливня лилъ дождь, тѣснота въ церкви до того была велика, что стекла трещали отъ натиска тѣснившагося народа; я замѣтилъ, что плакали нѣкоторыя лица не только ему чужія, но и не знавшія его. Мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ письмо одного лица, писавшаго къ своей знакомой; оно начиналось такъ: я былъ у гроба праведника-страдальца. Еще прибавлю вотъ что: когда Анночка скажетъ что-либо, хотя и не пустое, но не касающееся того, чѣмъ духъ его былъ переполненъ, онъ говорилъ: „что ты о пустякахъ говоришь? ты мнѣ мѣшаешь съ Богомъ бесѣдовать“⁶¹⁾.

Извините меня, многоуважаемый Александръ Алексѣевичъ, что не своей рукою писалъ, я вчера, занимаясь дѣлами, до того испортилъ глаза, что теперь приложилъ за уши *pot-made vesicatoire*. Потрудитесь, сдѣлайте одолженіе, увѣдомить какой именно сонъ видѣли Вы, по поводу котораго полученное извѣстіе о кончинѣ Александра Матвѣевича не была для Васъ неожиданность. Вотъ подите, чѣмъ разрѣшать или объяснять это тѣ, которые всѣ явленія въ духовномъ мірѣ

⁶¹⁾ Отсюда начинается въ подлинникѣ собственноручное письмо.

называютъ продуктомъ внѣшнихъ возбужденій? Мною написана тетрадь, такъ теперь валяющаяся, по поводу одной психологической, писанной человекомъ, приобрѣтшимъ Европейскую извѣстность какъ фیزیологъ ⁶²⁾.....

С. Родышевскій.

81.

Многоуважаемый Батюшка

Отецъ Аристархъ Александровичъ!

Жаль очень, что Вы не пожаловали на погребеніе Александра Матвѣича. Вѣдь мы его похоронили 7-го числа на шестой по его кончинѣ; все васъ поджидали, да еще дана была телеграмма въ Петербургъ священнику Лебедеву: надѣялись, что и онъ пріѣдетъ, но ему никакъ нельзя, потому что у нихъ предстоятъ экзамены: (онъ теперь священникомъ и вмѣстѣ законоучителемъ первой гимназіи). Видно надо было случиться всему такъ, какъ желалъ Александръ Матвѣичъ, а то какъ бы такимъ друзьямъ, какъ Вы и Лебедевъ ⁶³⁾ не быть на его погребеніи; а онъ желалъ, чтобы погребеніе его совершенно было безъ всякой пышности и чтобы отпѣваль его одинъ только свой священникъ. И въ чемъ только мы его не послушали, все вышло неладно. Онъ желалъ, чтобы у него былъ гробъ простой; мы схитрили и заказали гробъ столярной работы дороже обитаго, но гробъ не удался и вышелъ, какъ простой; купили настоящей золотой парчи, думая, что это пойдетъ въ церковь,—а ему не можетъ быть неприятно! И что же! Оказалось, что въ нашей церкви есть точь въ точь такія ризы, пожертвованныя въ прошедшемъ году. И вѣдь что странно? Выбирали мы при самомъ священникѣ и онъ не догадался.

Теперь, многоуважаемый Батюшка, постараюсь рассказать вамъ, что могу припомнить о послѣднихъ дняхъ его жизни. Плохо онъ себя чувствовалъ съ начала прошедшей весны;

⁶²⁾ Слѣдуютъ 212 страницъ разсужденій на тему книги, къ А. М.—чу не относящіяся.

⁶³⁾ А. А. Лебедевъ не былъ на погребеніи по случаю экзаменовъ въ 1-ой гимназіи (Петроградской).

но все таки онъ могъ ходить, много говорить, заниматься; но около 10-го Марта болѣзнь начала замѣтно усиливаться. 16 Марта онъ пожелалъ, и его Богъ сподобилъ причаститься. Послѣ 16-го ч. его болѣзнь шла замѣтно усиливаясь, хотя онъ говорилъ, что ему послѣ Причастія легче. А главное— что онъ никогда не жаловался; и на вопросы, „какъ онъ себя чувствуетъ“—онъ всегда отвѣчалъ: „хорошо“ или порядочно. Потому очень трудно прослѣдить его болѣзнь. Но ночи отъ 10-го Марта до 2-го дня Праздника онъ проводилъ положительно безъ сна; днемъ также не отдыхалъ, потому что не могъ совсѣмъ прилечь. А волтеровыхъ кресель, ни за что не хотѣлъ, чтобы я заказала, говоря: что одно названіе ему противно.

Тяжело было смотрѣть на его измученное лицо впродолженіе ночи, но на вопросъ мой—ты очень страдаешь? Онъ отвѣчалъ всегда: что это за страданіе? Развѣ такъ страдать? Надо только Бога благодарить; просто догораю, какъ лампада; вотъ еще, быть можетъ, немного немного ужъ осталось елею. Ни за что не позволялъ будить и беспокоить прислугу; мнѣ позволялъ не спать и сидѣть съ нимъ по ночамъ, но только съ тѣмъ, чтобы я его не спрашивала, какъ онъ себя чувствуетъ. Этихъ вопросовъ онъ ужасно какъ не любилъ и даже раздражался, когда я ихъ дѣлала. Разъ на Страстной недѣлѣ, во время заутрени, на одинъ мой такой вопросъ онъ отвѣчалъ; что ты все о пустякахъ спрашиваешь? Ты бы лучше спросила: довольно ли ты думаешь о Богѣ, вотъ ты умираешь, а довольно ли ты думаешь о Богѣ? Вотъ о чемъ ты должна меня спрашивать и прочиталъ отъ начала до конца „се женихъ грядетъ въ полночи“. Съ великаго Четверга, когда я пришла отъ вечерни онъ замѣтно сталъ слабѣе, голосъ у него упалъ и какъ-то измѣнился. У насъ въ спальнѣ развѣшаны были всѣ наши иконы и постоянно горѣла лампада. Онъ часто смотрѣлъ на иконы, сидя на постелѣ, и говорилъ разъ: „какъ у насъ хорошо! я всегда любилъ, когда лампада горитъ предъ образами. Боже, какъ хороши св. иконы и всѣ то онъ у меня чудотворныя“. А тутъ есть одна икона Смоленской Божіей Матери, которою его Отецъ благословилъ, когда онъ ѣхалъ учиться; онъ особенную имѣлъ вѣру въ эту икону и рассказывалъ, что онъ часто видалъ, молясь

передъ иконой, какъ у Царицы Небесной иногда градомъ лились слезы изъ глазъ, а иногда личико покрывалось румянцемъ и она ему улыбалась. У него еще съ шестой недѣли Великаго Поста распухли ноги и это его какъ-то безпокоило и удивляло: онъ думалъ, что только въ водяной пухнуть ноги. Разъ смотритъ на ноги и говоритъ: „Маменька, маменька, скажешь ли ты мнѣ, что это такое? А я его спросила: видишь ли ты когда во снѣ маменьку? Нѣтъ, говоритъ, Анна, ни разу не видѣлъ во снѣ, а на яву раза три видѣлъ. Въ началѣ страстной недѣли мы съ нимъ два два посвятили воспоминаніямъ о нашей прошедшей жизни, припоминали, сколько чудеснаго было въ нашей жизни, какъ ощутительно была для насъ во всемъ рука Божія, какъ мы какимъ то чудомъ, безъ всякихъ средствъ прожили почти 8 лѣтъ, не видя никакой нужды, и онъ все плакалъ и благодарилъ Бога! Начиная съ Великаго Четверга мы стали съ нимъ читать Евангеліе (т. е. я ему читала по порядку и прочитали съ Четверга до Пасхи три Евангелія: отъ Маттея, Марка и Луки. Я ему предлагала читать и въ то время, когда онъ дремалъ, думая, что чтеніе его успокаиваетъ и онъ лучше уснетъ, обѣщая перечитать снова, что онъ не дослышитъ; но онъ ни за что не соглашался и слушалъ Евангеліе не иначе, какъ въ бодрственномъ состояніи, говоря, что Евангеліе нельзя употреблять какъ усыпительный порошокъ. Еще на страстной недѣлѣ онъ видѣлъ во снѣ, что онъ горюетъ очень, что умираетъ, не успѣвъ сдѣлать необходимыя дополненія къ книгѣ Ездры и дополненія столь полныя, что изъ нихъ должна выйти цѣлая книжка, а я будто подхожу къ нему, держа у сердца какую то книжку и говорю: вотъ она—эта книжка. Онъ это принялъ за то, что ему дано будетъ нѣсколько прожить для этого дѣла и сказалъ уже на яву, уже просыпаясь: значить рѣшено и подписано; и рассказалъ мнѣ этотъ сонъ, говоря, что если дѣйствительно, на нѣсколько времени ему полегчаетъ, то надо будетъ серьезно заняться дополненіями къ книгѣ Ездры. Ночь на Пасху онъ провелъ тоже совершенно безъ сна, только безъ страданія, а въ очень свѣтломъ расположеніи духа, вышелъ въ залу и тамъ мы съ нимъ сидѣли при освѣщеніи нѣсколькихъ лампадъ и прислушиваясь къ колокольному звону. Онъ очень любилъ сливочное масло и

наша прислуга стала часовъ съ 8-ми сбивать это масло для него (весь постъ кушалъ постное) и масло у нея никакъ не сбивалось; это его озабочивало и немножко смѣшило, все старался припомнить, что надо положить, чтобы сбилось масло, и только что ударили къ заутренѣ, масло сбилось. а онъ сказалъ: ну слава Богу! Когда прекратился звонъ къ заутренѣ, мы съ нимъ похристосовались и помѣнялись яичками. Я убрала свое яйцо, а онъ—свое,—и такъ сидѣли до раннихъ обѣднъ; потомъ меня сталъ сонъ склонять и онъ меня сталъ уговаривать прилечь и уснуть, говоря: а я почитаю Евангеліе Іоанна Богослова (тутъ перешли въ спальню) и сталъ читать первую главу: „въ началѣ бѣ Слово... Въ это время я стала засыпать; но безпокойство о немъ не давало мнѣ спать долго; я часто просыпалась и слышу, что онъ читаетъ чрезвычайно рѣдко,—какъ по складамъ. Тутъ только я поняла, до какой степени онъ слабъ и очень испугалась, говорю: что ты какъ читаешь, развѣ ты не можешь чаще читать? Нѣтъ, говорить, Анна, я думаю надъ этимъ, отъ того такъ рѣдко читаю—все не хотѣлъ меня пугать. Послѣ обѣдни пришелъ священникъ съ крестомъ. Онъ уже не могъ выйти въ залу, а остался сидѣть на диванѣ въ спальнѣ. Когда они пропѣли, я и пригласила священника къ нему, чтобы онъ приложился ко кресту, и вижу, что онъ плакалъ, и когда ушелъ священникъ онъ заплакалъ и что это какъ они умилительно пропѣли. Какъ то на первыхъ дняхъ св. Пасхи (тутъ ужъ онъ могъ ложиться въ постель) онъ лежитъ на постели, а я сижу около него и вдругъ слышу изъ его устъ, какъ бы обращенное ко мнѣ, спасибо, а между тѣмъ вижу, что у него уста сомкнуты, губы не шевелятся; это меня поразило и испугало: я подумала, что не передъ смертію ли онъ меня благодарить за то, что я такъ его любила; но потомъ стала думать, что это была иллюзія, хотя я очень явственно слышала; но прошло два дня, я опять слышу, что онъ уже дѣйствительно говорить мнѣ спасибо. Я спросила, что ты говоришь? Онъ говорить: „я говорю спасибо“. Что же это значитъ? Онъ ничего уже не отвѣтилъ. Со 2-го дня Св. Пасхи уговорили его принять доктора; но онъ послѣ горько сожалѣлъ объ этомъ, говоря: вѣроятно ничего изъ этого не выдетъ; только миръ нашъ нарушенъ; а какіе райскіе дни-то мы съ тобою пре-

водили, Анна! А я начиная со страстной недѣли никого изъ родныхъ не допускала къ нему, видя, что ему необходимы спокойствіе и тишина, не смотря на самое горячее участіе съ ихъ стороны. На 2-й день Пасхи я зашла на минуту къ дядюшкѣ и нашла Александру Ѳедоровну всю въ слезахъ,—отца и дядю тоже очень разстроенными и они напали на меня, зачѣмъ я не уговорю его призвать доктора. Я имъ сказала, что ему все это вы говорите, а я уговаривать все таки не буду; пусть все будетъ такъ, какъ ему угодно. Пришла и передала ему. Онъ очень любилъ дядю Николая Ивановича и Александру Ѳедоровну. И они чрезвычайно такъ любили, особенно въ послѣднее время; это кажется и заставило его согласиться принять доктора. Докторъ какъ увидѣлъ его, такъ сказалъ дядѣ и отцу моему, что онъ болѣе недѣли не проживетъ, что у него уже легкихъ ничего нѣтъ; однако сталъ навѣщать его каждый день. Послѣ перваго визита доктора онъ велѣлъ мнѣ открыть русскую псалтырь и прочитавъ то, на чемъ откроется и первый стихъ, который попадетъ на глаза, и я прочитала ему 138 псаломъ 7 стихъ, послѣ этого онъ меня два раза въ день заставлялъ читать этотъ стихъ. Еще на этихъ же дняхъ я ему говорила, что если онъ отойдетъ въ другую жизнь, то попросилъ бы Создателя, чтобъ Онъ меня не оставлялъ здѣсь, а чтобы я за нимъ поскорѣй послѣдовала; онъ меня два раза спросилъ, точно ли я не желаю жить, говоря: вотъ ты все со мной страдала, теперь можетъ тебѣ и пожить захочется. Я два раза подтверждала, что не хочу жить безъ него и онъ сказалъ: ну хорошо, если я буду имѣть дерзновеніе у Бога, то буду просить его объ этомъ и опять повторилъ эти слова, а тамъ, сказалъ, ужъ какъ Богу будетъ угодно. Теперь я описываю, какъ онъ проводилъ дни Пасхи. Припоминалъ своего отца, какъ онъ прекрасно пѣлъ какіе-то стихи: не тщетно Маріины слезы проливаются, и плакалъ при этомъ воспоминаніи. Я забыла Вамъ сказать, что докторъ не только одобрилъ то, что я никого къ нему не допускала, но даже просилъ, чтобы онъ со мной, по возможности, не говорилъ, и читать ужъ Евангеліе и псалтырь велѣлъ понемногу: 5 минутъ читать, а четверть часа отдыхать. А говорить — онъ все понемножку говорилъ; (не помню въ среду или четвергъ сидимъ мы съ нимъ въ залѣ, а вечеръ

такой прекрасный, такой великолѣпный закатъ солнца; я ему прочтала Свѣте тихій..., зная, что онъ любилъ очень это и онъ пришелъ въ какое-то умиленно восторженное состояніе. Наканунѣ дня кончины онъ заставилъ меня продолжать чтеніе Евангелія. Слѣдовала бесѣда Спасителя съ Никодимомъ. Онъ выслушавъ эту бесѣду, заставилъ меня повторить и когда я ему прочтала во 2-ой разъ, началъ мнѣ ее толковать, хотя я не спрашивала, и развивать свои мысли. Потомъ велѣлъ написать письмо къ Погодину (который берется отпечатать его толкованіе объ Апокалипсисѣ) просилъ написать ему, что если не посылаетъ ему сейчасъ этой рукописи, то потому, что находить нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, и все ждетъ, не выберется ли свѣтлая минута для того. Но только что я письмо отправила на почту, какъ онъ говоритъ мнѣ: Нѣтъ, Анна, я чувствую, что я уже самъ не успѣю сдѣлать этого, дай мнѣ поскорѣе мою рукопись, я тебѣ расскажу, что нужно, а ты передашь Погодину. Я стала просить его не дѣлать этого, потому что ему вредно говорить, но онъ говоритъ: нѣтъ, нѣтъ не раздражай меня: это вреднѣе. Я подала ему рукопись; онъ сталъ ее просматривать, а я все продолжаю его уговаривать оставить до другого времени; онъ говоритъ: ну развѣ дѣйствительно немного погодя, я усталъ правда; а все таки надо это сдѣлать, и ужъ больше не поминаль. Я забыла еще: за два дня до кончины, сидя на диванѣ въ залѣ, онъ говоритъ: что это за радость. Боже, что за неизъяснимая радость на душѣ! Я его ничего не спросила, тѣмъ и кончилось. Всю ночь на 2-ое Апрѣля онъ не переставалъ заботиться обо мнѣ, все заставлялъ меня хорошенько укутаться одѣяломъ и ноги укутать, какъ будто я больна, а не онъ. Потомъ говоритъ: Ахъ, Анна, какъ мнѣ тяжело что-то; что-то меня гнететъ и нравственно и физически. Я встала, дала ему успокоительныхъ капель и онъ заснулъ. Утромъ, какъ проснулась, подошла къ нему поздороваться, вмѣсто здравствуй, онъ сказалъ мнѣ: Христосъ Воскресе. Велѣлъ около себя прибрать все, на столикѣ, что передъ нимъ стоялъ, привести все въ порядокъ, самъ помогаль прибирать (онъ о порядкѣ и чистотѣ не переставалъ заботиться впродолженіе всей болѣзни) выпилъ три чашки чаю, а давно ужъ пить по одной только; потомъ сказалъ мнѣ нѣсколько шут-

ливо: теперь стихокъ-то мой, стихокъ-то мой прочитай. Я ему прочитала его стихокъ. Ежели я пойду въ тѣснотѣ ты оживишь меня противу свирѣпости враговъ моихъ, прострешь руку Твою и защитишь меня десница Твоя. Когда я ему прочитала, онъ сказалъ: да, да противу свирѣпости враговъ моихъ! и послѣ этого легъ уснуть, чтобы больше не просыпаться. Прошло часа три какъ онъ спалъ и я начала безпокоиться, прошло еще часа два-три и я ужъ совсѣмъ испугалась, видя что, кашляя, онъ открываетъ глаза и они у него закатываются и руки холодѣютъ. Я поскорѣе послала за докторомъ, но будить не будила; только когда онъ отхаркивалъ мокроту и дѣлалъ знакъ, чтобы я ему подала чашечку, чтобы выплунуть, я спрашивала о чемъ нибудь и онъ на все отвѣчалъ съ какой то пріятной улыбкой какъ будто засыпающаго ребенка: ничего матушка, ничего матушка, я сейчасъ матушка, сейчасъ, матушка, какъ будто я его тороплю куда то и онъ говорить: сейчасъ, матушка. Я было его приподняла, но онъ весь такъ и опустился и опять съ той же улыбкой сказалъ: вотъ какъ хорошо! какъ будто ему ужъ очень ловко лежать. Потомъ докторъ пріѣхалъ и сказалъ, что онъ находится въ сонномъ состояніи, вѣроятно, желая меня успокоить, сталъ ему дѣлать холодные компрессы на головѣ, по ложечкѣ вина ему давалъ, растрясъ его и сказалъ здравствуйте, Александръ Матвѣичъ и онъ наклонилъ голову для поклона и замѣтно сталъ ощущать страданія. Я держала его за руку и онъ мнѣ все пожималъ, потомъ пристально сталъ смотрѣть на меня, какъ бы прощаясь со мной. Нѣсколько разъ говорилъ: Боже мой, Боже мой! Потомъ вздохнулъ; докторъ схватилъ шапку и убѣжалъ, сказавъ; кончается. Я бросилась къ иконѣ Смоленской Божіей Матери и поставила ему въ изголовье, прося объ одномъ Царицу, чтобы она прекратила скорѣе страданія. Онъ еще разъ вздохнулъ и отошелъ въ другую жизнь.— Еще я забыла Вамъ рассказать одинъ его сонъ, видѣнный имъ дня за два до кончины. Онъ видѣлъ, что мы съ нимъ оставляемъ какую то комнату, въ которой мы долго съ нимъ жили и заботимся, чтобы оставить ее прибранною и натопленною и только что сталъ онъ выходить, какъ къ нему бросился какой то человѣкъ и сталъ съ нимъ бороться, чтобы удержать его и онъ говорить: ну вѣтъ, шутишь. не

удержишь. И действительно докторъ какъ будто боролся съ нимъ при концѣ.

Онъ еще зимой мнѣ говорилъ, чтобы я очень не скорбѣла послѣ его смерти; когда я умру, говорилъ онъ, ты не плачь, а лучше подойди ко мнѣ, поцѣлуй въ уста и скажи: Христосъ воскресе! отдохни, моль, голубчикъ, ужъ ты усталъ. И онъ самъ постоянно ко всякому умершему подходилъ со словами: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ... Онъ еще говорилъ мнѣ постомъ, убѣждая не предаваться слишкомъ скорби—помни, какъ я свѣтло смотрѣлъ всегда на умершихъ, я всегда подходилъ къ нимъ со словами: Христосъ Воскресе; и Богъ привелъ ему скончаться въ эти дни. Когда онъ скончался, то пришли мои родные и стали посылать за своими людьми, чтобы обмыть его; я знаю, что они въ праздники бываютъ пьяны и вообще люди грубые, у меня такъ сердце и сжалось какъ подумала, что они будутъ обмывать его; я стала просить: пошлите за какой-нибудь женщиной; тутъ вспомнили про одну вдову, очень хорошую женщину и послали за ней. Она сейчасъ пришла и стала обмывать его со словами Христосъ Воскресе! Тутъ я вспомнила его слова. На третій день онъ приснился этой женщинѣ, говорить ей: это я прислалъ за тобой.

И какъ онъ самъ не боялся покойниковъ и всегда съ любовію подходилъ къ нимъ, такъ и къ нему все подходило. На шестой день его хоронили и до такой степени онъ сохранился, что я начала опасаться, не спитъ ли онъ; послали за докторомъ, чтобы онъ пріѣхалъ съ гальванической машинкой, но противъ этого всѣми силами возстала, нашъ другъ, Александра Васильевна, не желая, чтобы тревожили его прахъ; докторъ уже ѣхалъ къ намъ, но его воротили съ дороги и онъ сказалъ, что онъ очень этому радъ, потому что онъ вполне убѣжденъ, что онъ скончался. Руки даже у него совсѣмъ не окостенѣли, а можно ихъ было сгибать, какъ угодно. А дядя мой Иванъ Ивановичъ, который ужасно боится покойниковъ, все отпѣваніе стоялъ около самага гроба и прощался съ нимъ, говоря: что онъ во всю жизнь прощался только съ покойной матерью, да съ Алек. Матвѣичемъ. Сколько народу было! а какъ все плакали; совершенно незнакомые люди плакали чуть не навзрыдь. Одинъ совсѣмъ незнакомый офицеръ несъ его до самага

кладбища и ни за что не хотѣлъ дать себя перемѣнить; и много народу провожало до кладбища, несмотря на страшнѣйшую грязь. Могила вырыта двойная, чтобы и мнѣ туда же лечь. Батюшка о. Аристархъ, прїѣзжайте если возможно на сороковой день, очень Вы меня этимъ утѣшите. Поѣзжайте прямо на Берендѣевку, тутъ постоянно ходятъ тарантасы, берутъ 50—40—20 коп. съ человѣка и меньше, а больше никогда не берутъ.

Еще къ вамъ просьба: не потрудитесь ли Вы, прочитавъ мое письмо тетушкамъ, переписать его и отправить Александру Алексѣвичу въ Петербургъ. Онъ желаетъ также знать о послѣднихъ его дняхъ, а я совсѣмъ не въ состоянїи еще писать и то Богъ знаетъ какъ пишу, извините меня, пожалуйста; только старалась вѣрность соблюсти. Онъ мнѣ говорилъ, если будутъ что писать обо мнѣ и допустить какое-нибудь преувеличеніе, хотя бы въ похвалу мнѣ, ты сейчасъ же возстанови истину. Молитесь, Батюшка, за него и за меня.

Всей душой Вамъ преданная

Анна Бухарева ⁶⁴⁾.

⁶⁴⁾ Въ письмѣ 19-мъ, на стр. 432 осталась неисправленная оч. важная ошибка (строка 1-я св.), слѣдуетъ читать „но и истинною“...